

ТАЙНА «АРКАДСКИХ ПАСТУХОВ»

ТАЙНА «АРКАДСКИХ ПАСТУХОВ»

Грэг Лумис

Грэг Лумис

ТАЙНА «АРКАДСКИХ ПАСТУХОВ»

Один удар мощной взрывной волны способен внезапно выбить жизнь из привычного русла. Так произошло с бывшим разведчиком Лэнгом Рейли, расследующим трагическую гибель своих близких. Опасный и запутанный лабиринт выводит его на след таинственной организации, которая любой ценой хочет заполучить копию картины Пуссена «Аркадские пастухи». Что скрывается за этим странным посланием из прошлого? Станет ли ключом к разгадке подвеска, которую теряет во время покушения на Лэнга наемный убийца?

ISBN 978-5-486-01647-9

9 785486 016479

Грэг Лумис

ТАЙНА «АРКАДСКИХ ПАСТУХОВ»

ББК 84 (7Coe)
Л 82

Gregg Loomis
THE PEGASUS SECRET

Использование текста, в том числе фрагментов,
без разрешения правообладателя
запрещается и преследуется по закону.

Лумис, Грег
Л 82   Тайна «Аркадских пастухов»/ Пер с англ. Н.В. Гасановой. — М.: ООО ТД «Издательство Мир книги», 2007. — 304 с.

Бывший разведчик Лэнг Рейли берется за собственное расследование трагической гибели своих близких и внезапно выходит на след могущественной организации, представители которой не останавливаются ни перед чем, чтобы завладеть копией картины Пуссена «Аркадские пастухи», скрывающей зашифрованное послание. Удастся ли Лэнгу выйти из опасного лабиринта невредимым?..

ББК 84 (7Coe)

ISBN 978-5-486-01647-9

Copyright © 2005 by Gregg Loomis
All rights reserved
© Гасанова Н.В., перевод, 2007
© ООО ТД «Издательство
Мир книги», издание на
русском языке, 2007

Пролог

*Ренн-ле-Шато
Юго-Западная Франция
1872 год*

Удивительную находку обнаружил отец Соньер.

Свернутый в трубку тонкий пергамент был настолько старый, что, когда он вынул его из тайника в алтаре, с лент, скреплявшей листы, посыпалась труха. Он никогда не видел ничего подобного — выцветшие линии скорее подходили на паутину, следы, оставленные клубком змей на песке, нежели на рукопись.

В церквушке надо было сделать небольшой ремонт. В некоторых местах протекала крыша, скамейки для прихожан вот-вот подломятся, если их не укрепить гвоздями, а алтарь... Алтарь был старше, чем сама церковь.

Отец Соньер взглянул на алтарь, и его прошиб пот. Алтарь покоился на каменной плите, которая служила опорой уже не одно столетие и теперь сильно накренилась. Создавалось ощущение, что два приземистых основания, поддерживающих ее, могут не выдержать и она рухнет. Попытавшись поправить плиту, он обнаружил, что одно из оснований внутри полое — именно там и лежал пергамент.

Никто не знал, откуда взялся алтарь. По предположению Соньера, его нашли в развалинах одного из многочисленных замков, расположенных поблизости. Выполнить столь замысловатую резьбу было бы слишком дорого для церкви, в чей ящик для пожертвований редко опускалось больше горстки мелких монет.

Кто только не побывал на этой древней площади! Римляне, тамплиеры, возможно, даже мавры, когда эта терри-

тория была частью Каталонии. Алтарь мог стоять в одной из их часовен. Или у катаров, или у гностиков*.

Мысль о том, что алтарь принадлежал еретикам или язычникам, заставила содрогнуться Соньера. Одному Богу известно, кому служил этот камень в прошлом. Он оглянулся, словно опасаясь, что кто-то стоит сзади и подслушивает его мысли.

«Простые предметы не могут быть грехом», — подумал он. И все же, держа свиток в руках, священник чувствовал, что ему не по себе. Уж лучше бы его уничтожить. Нет, это решать не ему. Он покажет рукопись епископу, пусть решает вышестоящий.

Да и какое зло, в самом деле, способны причинить обыкновенные неодушевленные документы?

Ответ пришел ему в голову, когда он служил вечернюю мессу: однажды лист бумаги, прибитый к двери собора, навеки расколол Церковь**.

---

* Гностики, катары (или альбигойцы) — европейские средневековые секты. — *Здесь и далее прим. ред.*

** Мартин Лютер свои тезисы против торговли индульгенциями вывесил на дверях церкви в Виттенберге 31 октября 1517 года. Эта дата считается началом Реформации.

Глава

1

Париж
02:34

зрыв потряс всю площадь Вогезов и большую часть квартала Марэ. Если бы тридцать шесть домов — по девять с каждой стороны площади — были построены не из кирпича ручной работы, а из менее прочного материала, разрушения оказались бы куда значительнее.

Взрывной волной выбило старинные стекла в большинстве зданий, включая особняк Роан-Гемэнэ, третий этаж которого в прежние времена занимал Виктор Гюго. Но по-настоящему досталось дому 26, где и рвануло. К тому времени, как прибыли помперы из пожарного отделения 11-го округа, прошло двенадцать минут и здание полыхало адским огнем. Спасти дом и его обитателей не представлялось никакой возможности.

Жандармы выстроились цепью, удерживая зевак на почтительном расстоянии от пламени, другие тем временем расспрашивали о происшествии жильцов, высыпавших из дома прямо в халатах. Один человек, явно страдавший бессонницей, поведал офицерам, что он смотрел повтор матча прошлогоднего чемпионата кубка мира, как вдруг что-то вспыхнуло — ужасно ярко, он в жизни не видывал ничего подобного — и раздался звон разбитого стекла. В какой-то момент ему даже показалось, что он ослеп.

Полицейский спросил, могло ли окно разбиться от какого-нибудь предмета, запущенного в стекло.

Мужчина подавил зевок. Главная часть шоу закончилась, и его интерес начал угасать. Как можно спутать звон стекла, разбитого каким-то предметом, со звоном осколков, разлетевшихся вдребезги от взрывной волны? Он пожал плечами, как мог сделать только француз, выражая этим жестом свое недоумение и разочарование глупым вопросом. «Je ne sais pas»*.

И отвернулся, чтобы идти к дому — человек средних лет, в костюме. Больше ничего интересного не будет — и стоило ради этого наряжаться в столь поздний час: надевать отутюженный костюм и свежую рубашку! Он снова пожал плечами и устало побрел домой.

Жандарм прикоснулся рукой к фуражке и кивнул, выразив этим невольным жестом свое уважение к вновь подошедшему человеку.

— Bon soir**.

Этот пожар вовсе не из разряда повседневных несчастных случаев, а потому привлек внимание Главного управления военной безопасности — ГУВБ.

Представитель ГУВБ поприветствовал жандармов едва заметным небрежным кивком, прежде чем вникнуть в ситуацию. Соседние дома покрылись толстым слоем копоти, вместо окон зияли черные дыры. От тлеющих стен исходило шипение, когда пожарные устремили на них потоки воды. Казалось, из-под земли вырвалось само адское пламя.

— Что могло привести к взрыву? — спросил сотрудник ГУВБ. — Есть какие-нибудь версии?

Пожарный был уверен, что военную разведку интересует не утечка бытового газа или зажженная спичка, по неосторожности попавшая в емкость с керосином.

— Нет, месье, никаких. Здесь главный инспектор пожарной службы. Поговорите с ним.

Сотрудник ГУВБ постоял еще немного, переваривая информацию, и подошел к невысокому человеку, почти полностью скрытому огнеупорным костюмом и обуви в высокие ботинки до колен. Он производил впечатление ребенка, переодевшегося в одежду родителей.

— Ловер из Управления военной безопасности, — представился сотрудник. — Есть предположения, что послужило причиной взрыва?

* Не знаю (фр).

** Добрый вечер (фр).

Пожарный, уже слишком уставший, чтобы выражать какие-то чувства, покачал головой:

— Только не несчастный случай.

Ловер кивнул, явно соглашаясь:

— Может быть, где-то рядом взорвался эфир?

Пожарный иронично фыркнул. Эфир применялся в процессе превращения кокаиновой пудры в более сильноедействующее вещество. Торговцы наркотиками знали, в каких условиях хранить легко испаряющееся анестезирующее средство. Неправильное обращение с ним часто приводило к плачевным результатам.

— В таком соседстве?

Инспектор пожарной службы протянул руку, указывая на богатые дома. В 1615 году здесь состоялись трехдневные турниры в честь свадьбы Людовика XIII. В этом месте жил кардинал Ришелье и другие выдающиеся личности. В центре площади происходили дуэли, и зрители могли наблюдать за ними, укрывшись под арками зданий. В 1962 году президент де Голль провозгласил это место национальным историческим памятником. Цены на дома, расположенные здесь, явно не подходили наркодельцам для создания подпольных лабораторий.

Глаза Ловера следили за пожарным, обводившим рукой безупречную симметрию розовых кирпичных зданий.

— Думаю, что нет. К тому же, — продолжал пожарный, — ГУВБ вряд ли станет утруждать себя охотой за торговцами дурью. Какое вы имеете отношение к происшедшему?

— Личное, скажем так. У меня есть друг, старый знакомый в Штатах. Он попросил встретить его сестру и показать ей Париж. Она остановилась у бывшей одноклассницы в двадцать шестом доме. Я успел ее кое-кому представить, и мне сообщили, что здесь произошла трагедия. Вот я и приехал.

Пожарный потер лоб рукавом.

— Если она находилась внутри... Что ж, придется подождать несколько дней, пока экспертиза не идентифицирует остатки.

Разведчик вздохнул, и плечи у него поникли.

— Неприятно будет звонить по этому поводу.

Пожарный кивнул с сочувствием:

— Давайте мне вашу визитку. Я пришлю вам копию доклада.

— Благодарю!

Ловер еще раз взглянул на обуглившийся дом — всего несколько часов назад одну из самых завидных резиденций в Париже — и пошел мимо желтых пожарных машин, которые со своими вытянутыми, точно хоботы, шлангами напоминали каких-то животных. Чуть ниже по узкой улице на стоянке дожидался припаркованный «пежо».

2

Париж

Три дня спустя

Водитель перегнулся назад и потряс за плечо своего пассажира. Человек, спавший на заднем сиденье такси, выглядел потрепаннее всех американцев, которых таксисту приходилось подвозить из аэропорта после перелета через океан: одежда измятая, лицо небритое. Наконец мужчина проснулся и, открыв глаза, посмотрел с неподдельной усталостью. Глаза у него были красные, воспаленные, как у человека, перенесшего горе и долго не спавшего. И смотрел он в одну точку, и чувствовалось, что мысли его витают за много тысяч километров отсюда.

Убирая деньги в карман, водитель наблюдал, как на другой стороне площади Оперы его пассажир вошел в здание без вывески.

Очутившись внутри, американец прошел мимо лифтов и поднялся по ступенькам на второй этаж, а там свернул направо и остановился перед стеклянной дверью без всяких опознавательных знаков. Он знал, что одинарное прозрачное стекло — пуленепробиваемое. Медленно подняв голову, взглянул на потолок, где, без сомнения, была установлена скрытая камера. Затем бесшумно открыл дверь, ступил в маленький коридор и оказался перед еще одной дверью, на этот раз стальной.

— Да? — раздался женский голос из переговорного устройства.

— Это Лэнгфорд Рейли. У меня назначена встреча с Патриком Ловером. Он ждет меня.

Дверь открылась так же бесшумно, как и первая, и Лэнг Рейли вошел в один из многочисленных кабинетов Главного управления военной безопасности Франции. Перед ним стоял человек в черном итальянском костюме.

Рубашка на нем хрустела, в ботинках отражался свет потолочных светильников. В прежние времена Лэнг с Дон любили подшучивать над Патриком Ловером, который мог переодеваться по нескольку раз на дню, лишь бы всегда выглядеть с иголки.

Мгновение Ловер смотрел на Лэнга пристально, слегка прищурясь, глазами, которые всегда напоминали Лэнгу бассет-хаунда.

— Лэнгфорд! — воскликнул он, обнял гостя и заговорил по-английски почти без акцента. — Сколько же лет прошло? Десять, пятнадцать? Слишком много для друзей!

Он отступил назад, не снимая руки с плеча Лэнга.

— Почему ты не позвонил? Мы бы выслали за тобой машину.

Лэнг кивнул.

— Вроде такси доехало быстро, но в любом случае спасибо.

Француз опустил руку:

— Не могу передать, до чего мне жаль...

— Я понимаю и ценю это, Патрик, но давай сразу перейдем к делу, без сантиментов.

Ловер не обижался на вещи, которые большинство его соотечественников сочли бы грубостью. Американцы — известное дело — любят сразу брать быка за рога.

— Ну конечно! — Он отвернулся и обратился к кому-то, кого Лэнг не видел: — Палетт! Кофе, пожалуйста. Прошу, Лэнг.

Лэнг последовал за ним в приемную. Прошло уже почти двадцать лет с тех пор, как он последний раз здесь был, но ничего не изменилось, появился только новый ковер, такой же дешевый, как и старый.

К счастью, не изменились и их отношения с Патриком Ловером. Чего нельзя было сказать об их уважаемых правительствах — и самый яркий тому пример война в Ираке. Американец с французом остались верными друзьями. Патрик с радостью согласился встретить сестру Лэнга, Дженет, когда та приехала к своей школьной подруге в Париж. Дженет привезла с собой своего маленького приемного сына, Джефа, и француз настоял, чтобы она обязательно каждый день приводила мальчика к нему в гости, чтобы он мог играть с его детьми, пока Дженет с подружкой прочесывают магазины на Фобур-Сент-Оно-

ре. Именно звонок Патрика внес смятение в мир Лэнга, в считанные мгновения перевернув его жизнь.

Патрик привел Лэнга в свой старый кабинет и уселся за рабочий стол, почти пустой, если не считать тонкой папки. Почти сразу на пороге появилась женщина среднего возраста с кофе на подносе и принялась расставлять чашки на столе. Лэнг чувствовал, что в последнее время ест очень много сладкого, но сейчас он слишком устал, чтобы протестовать.

— Так, значит, теперь ты адвокат? — спросил Патрик, очевидно пытаясь поддержать беседу, пока они не останутся с глазу на глаз. — Выбиваешь из крупных американских компаний миллионы долларов или нет?

Лэнг покачал головой:

— На самом деле я защищаю от криминальных нападок белые воротнички.

Француз скривил рот:

— Белые воротнички? От криминала? — Он сделал такую гримасу, будто его вынудили заговорить по-австралийски.

— Знаешь, есть преступления, в которые вовлечены управляющие предприятиями: присваивание чужих денег, мошенничество и прочее в том же роде.

— В общем, та сфера, где тебе могут заплатить.

— Во-во.

Женщина вышла из комнаты, прикрыв за собой дверь, и Патрик толкнул папку, которая плавно проехала по полированной поверхности стола.

Лэнг посмотрел на нее, не прикасаясь.

— До сих пор неизвестно, кто и зачем?

Патрик с грустью покачал головой:

— Нет, ничего. Мы обнаружили значительные следы алюминия, окиси железа и азотной кислоты.

— Термитная бомба? Боже мой, да такая начинка уничтожит не только жилой дом, но и танк, и бронированную технику.

— Да, здание сгорело очень быстро.

Патрик оттягивал момент, когда придется заговорить о самом главном для Лэнга, потому что новости были неутешительные. У Лэнга пересохло в горле.

— А жильцы... вы нашли?..

— Троиш, как я и сказал по телефону: твою сестру, ее приемного сына и саму хозяйку Летти Бакман.

Умом Лэнг понимал, что так и должно было случиться, но где-то в глубине души надеялся, что сестры и ее сына там не было. Это как услышать в конце суда смертный приговор, который не подлежит обжалованию. Это просто не могло быть правдой, это не укладывалось в голове. Вместо Патрика, сидящего напротив, он видел перед собой Дженет, ее глаза со смешинкой, она ни при каких обстоятельствах не желала быть серьезной. И Джефа, мальчика, которого его разведенная сестра подобрала в Южной Мексике, ребенка со смуглой кожей, черными глазами и профилем, словно вырезанным на камне индейцами майя. Джеф в его вечной бейсболке, повернутой козырьком назад, широченных шортах и кроссовках. Десятилетний лучший друг Лэнга, близкий, как родной сын.

Лэнг даже не попытался вытереть слезы, бегущие по щекам.

— Кому это было нужно?

В руках у Патрика появился носовой платок.

— Мы не знаем. Бакман была богатой американкой, развелась с мужем, жила в Париже, но, похоже, никаких связей с политическими экстремистами у нее не было. По правде сказать, нам не удалось найти никого из ее друзей, кто знал бы о ее политических пристрастиях. Твоя сестра была врачом...

— Детским ортопедом, — договорил Лэнг. — Месяц в году она проводила, работая в странах третьего мира, ее пациентам не хватало денег на врачей. Джеф осиротел после землетрясения. Она привезла его домой.

— Она тоже была в разводе, не так ли?

Лэнг отхлебнул кофе. Это позволило хоть чем-то занять руки, бессильно и бесполезно лежавшие на коленях.

— Да, у мужа ее была фамилия Холт. Мы о нем ничего не слышали с тех пор, как они разъехались лет семь-восемь назад. Дженет сохранила его фамилию — «ведь она стоит в моем дипломе!».

— И, похоже, версию грабежа надо отбросить, это еще не повод, чтобы разрушать целый дом.

— Да, но ведь вора́м надо скрыть, что они украли.

— Возможно, и так, — согласился Патрик. — Но ты бы видел, какая у мадам Бакман стояла система защиты от воров. Просто исключительная, с решеткой. Думаю, отголоски жизни в Нью-Йорке. Это место напоминало... как его... где американцы хранят золото.

— Форт-Нокс?* — предположил Лэнг.

— Ну да, Форт-Нокс. Думаю, такое место проще взорвать, чем ограбить.

— Но зачем взрывать?

— Узнав это, мы ближе подберемся к ответу, кто совершил это преступление.

Двое мужчин сидели напротив друг друга, и оба не знали, что сказать. Потом Патрик наклонился вперед:

— Я знаю, для тебя это небольшое утешение, но горело очень сильно. Они должны были умереть мгновенно, если не погибли еще раньше от взрыва.

У Лэнга мелькнула мысль, что это — хорошо продуманная ложь.

— Случай в самом деле не для полиции, — заметил Патрик. — Не знаю, сколько еще придется их убеждать, что мы имеем дело с террористическим актом.

Лэнгу хотелось, чтобы дело оставалось в руках ГУВБ по двум причинам. Во-первых, их отношения с Патриком были достаточно хорошими, чтобы его не пустили на самотек, превратив в бесконечную рутину. Во-вторых, французская военная разведка считалась одной из лучших в мире.

Прервав мысли Лэнга, француз продолжил:

— Хотя, конечно, все ресурсы надо...

— Я хочу принять участие в расследовании, — проговорил Лэнг.

Патрик развел руками:

— Разумеется, моя машина и водитель в твоем распоряжении. Пользуйся, сколько понадобится.

— А ты не знаешь, чем они могли заниматься вчера?

Патрик прикоснулся к папке:

— Обычная, рутинная часть работы — проверять такие вещи.

Лэнг подтянул к себе папку и открыл ее. Воспалившись от слез и недосыпания глазами он стал читать.

3

Париж

В тот же день

Выйдя из офиса друга, Лэнг напрямик направился на место трагедии — площадь Вогезов. Здесь провели свои по-

* Форт-Нокс — федеральное хранилище золота в США.

последние дни Дженет и Джеф, и, придя сюда, он чувствовал себя ближе к ним. Остановившись перед черной пещерой, некогда домом № 26, он долго стоял на обгоревшей траве, склонив голову, и с каждой минутой в его душе росло и крепло решение во что бы то ни стало найти и наказать убийц. Он не слышал скрежета своих зубов, не видел выражения собственного лица. Местные жители, почтальоны и любопытные прохожие, спешили мимо него с таким видом, будто он представлял собой потенциальную опасность.

— Вонючие ублюдки! — пробормотал он.

Няня, одетая в униформу, резко свернула в сторону, утащив за собой коляску.

Следующим местом, куда ему следовало пойти по рекомендации Патрика, было похоронное бюро. Служба работала профессионально — никаких сантиментов и сочувствующих вздохов, как часто бывает в американских похоронных агентствах. Он заплатил за два простых металлических гроба — один из которых был меньше другого — и заключил договор об отправке останков в Штаты.

Он мучительно старался, хотя и безуспешно, не думать о том, какая малая часть того, что осталось от Дженет и Джефа, лежит в этих ящиках.

Никаких рациональных причин узнавать, как провела последние часы жизни сестра, не было. Просто ему стало любопытно, вот и все. К тому же обратный рейс лишь вечером, а злоупотреблять гостеприимством друзей не слишком-то удобно. Благодаря Патрику, имевшему возможность проверить выписки по кредитной карте Дженет, можно было проследить маршрут ее последнего дня. Она заходила в «Эрме» и «Шанель», где приобрела кое-какую мелочь — шарфик, блузку. Наверное, ей было куда интереснее бродить по сувенирным лавкам, чем по магазинам высокой моды. Больше Лэнгу нечего тут было делать, разве только пялиться через стекло на худощавые манекены, одетые в платья, которые по стоимости превышали годовой доход среднего американца. Количество «феррари» и «ламборджини», припаркованных вдоль тротуара, позволяло только догадываться, какие суммы красуются на ценниках внутри магазина.

Последняя выписка со счета кредитной карты привела его на остров Сен-Луи. Затененный литературной славой своего соседа — острова Сите с его собором Парижской

Богоматери, остров Сен-Луи возвышался посреди Сены. Лэнгу вспомнились крошечные отели, быстро, не больше чем на двадцать мест, и магазинчики, забитые причудливыми вещичками.

Он оставил машину Патрика с водителем на одной из парковок — редким явлением на длинных узких улицах — и, вдохнув аромат свежей выпечки, доносившийся из пекарни напротив, побрел по улице на юго-восток, пока не оказался на перекрестке с огороженными тротуарами. Он все пытался найти нужный адрес, но номера домов было либо трудно рассмотреть, либо их вообще не существовало. К счастью, в этих краях существовал только один особняк с вывеской «Антикварный магазин».

Колокольчик над головой возвестил о его появлении в комнате, заставленной предметами, как минимум, столетней давности. Масляные лампы попеременно с электрическими теснились на столиках старинных швейных машин, рядом валялись кипы журналов и открыток. Мраморные и бронзовые статуэтки, бюсты богинь и императоров высились рядами по обе стороны прохода. Лэнг постарался выкинуть из головы невольный образ западни, возникший при виде обстановки.

Единственная комната пропахла пылью. Не исключено, что кое-где уже появилась плесень.

— Салют! — откуда-то из-под стола высунулась голова. — Can I help you? — Как и большинство парижан, владелец магазина умел с первого взгляда безошибочно отличать американцев.

Лэнг достал выписку со счета кредитной карты.

— Меня интересуют кое-какие сведения.

Перед Лэнгом предстала фигура, облаченная во все черное. Протянув морщинистую руку, продавец взял бумагу и поднес к свету. Из кармана появились очки.

— Что желаете узнать?

Лэнг не знал, с чего начать, и решил рассказать хотя бы часть правды.

— Дженет Холт была моей сестрой. Она погибла во время взрыва в квартале Марэ несколько дней назад. Гостила там у подружки... Я просто пытаюсь выяснить, что она покупала, пока была в городе?

— Мои соболезнования.

---

* Чем могу помочь? (англ).

Торговец указал на стену, вернее, на пространство между двумя темными портретами, на которых были изображены люди в костюмах девятнадцатого столетия.

— Она приобрела картину.

— Портрет? Чей?

Как непохоже на Дженет.

Продавец покачал седой головой.

— Нет-нет, картину с изображением пастухов, с пейзажем, возможно, на какую-то религиозную тему.

Это было более в ее вкусе.

Лэнг принялся задавать другие вопросы, а в голове его крутились мысли. Что это значит? Что случилось с картиной? Судя по месту, где ее купили, вряд ли она представляла большую художественную или материальную ценность.

— Эта картина, — продолжал хозяин магазина, — пробыла здесь недолго. Знаете, прямо следом за вашей сестрой сюда пришел человек и очень расстроился, когда узнал, что картина уже продана.

— Какой человек? Вы его помните?

— Восточного типа, возможно, араб, одет добротно, но недорого. Он разговаривал на очень хорошем французском языке.

Лэнг пропустил мимо ушей предположительный намек в свой адрес.

— Он объяснил, почему хотел купить эту картину?

— Нет, но вы же сами видите, у меня продается много красивых вещей.

Лэнг на мгновение задумался.

— Вы сказали, что эта картина недолго у вас находилась. А не припомните, откуда вы ее получили?

Опять раздалось шуршание бумаг.

— Из Лондона. Майк Дженсон, он продает раритеты, предметы старины и прочее. Дом 12 по Олд-Бонд-стрит, Лондон W1Y, 9AF. Мы покупаем друг у друга вещи по описи.

— Можно попросить у вас ручку и листок бумаги?

Он записал имя и адрес, хотя не мог объяснить, почему счел важной эту информацию. Вероятно, потому, что это был единственный эпизод последнего дня Дженет, который хоть немного выбивался из обыденности.

— Спасибо, вы очень мне помогли.

Выйдя на улицу, Лэнг попытался связать воедино все услышанное. Итак, кто-то хотел купить ту же картину, что и Дженет. Могло ли это убить ее? Смысла никакого. Патрик сказал, что квартира на площади Вогезов напоминала Форт-Нокс. Вряд ли кто-то настолько разозлился на Дженет из-за картины, что в отместку решил взорвать целый дом, где она жила.

И все-таки...

В голове у него нарастал гул, становясь все громче, громче...

Теперь он настолько усилился, что Лэнг удивился, когда догадался, что это не просто шум в ушах. Он резко повернулся и увидел одного из вездесущих городских мотоциклистов, которые любят носиться по тротуарам на бешеной скорости. Лицо водителя полностью скрывал шлем. И еще Лэнгу показалось, что он пьян или серьезно болен.

Мотоциклист, и не думая тормозить, мчался прямо на Лэнга. Собрав все силы, Лэнг метнулся к дверному пролету и увидел, как от руки в перчатке, сверкнув, отразился солнечный луч. Отскочив в сторону, он почувствовал, как что-то задело его плечо.

Разъярившись от такой преступной небрежности, Лэнг прыгнул вперед, от всей души желая вмазать байкеру — да так, чтобы тот вылетел из седла. Попытка окончилась ничем. Мотоциклист завернул за угол и скрылся из виду.

— Месье! — Продавец выскочил на улицу. — Вы ранены?

— Нет-нет, со мной все в порядке, — ответил Лэнг.

И вдруг он поймал взгляд продавца, глаза которого следили за ручейком крови, быстро сбегавшим из дырки на рубашке. Лезвие ножа — принятый во всем мире способ уличного убийства. Похоже, ему только что чуть не перерезали горло.

— Такие преступления, к сожалению, не редкость в крупных городах, — рассуждал Патрик в тот же день.

Плечо Лэнга, уже обработанное и перебинтованное, продолжало ныть.

— Да, но у меня не просто хотели вырвать сумку и сбегать. Этот сукин сын собирался убить меня.

Патрик медленно покачал головой.

— А для чего ему это было нужно?

«Да, — подумал Лэнг, — вопрос интересный».

Глава 2

1

Авиакомпания «Дельта»,
рейс 1074 Париж — Атланта
22:35

Энг чувствовал себя изможденным и все же не мог заснуть. Ничего не видя, он сидел в кресле «Боинга», уткнувшись взглядом в экран телевизора, где шла комедия. Смешанные чувства горя, любопытства и страха держали его в напряжении, несмотря на удобные кресла первого класса и возможность вытянуть ноги.

С открытыми или с закрытыми глазами он видел только Дженет и Джефа. И еще человека на мотоцикле с ножом в руке.

Совпадение? Опыт научил его относиться с недоверием, казалось бы, к случайным совпадениям. Но кому понадобилось убивать женщину, посвятившую свою жизнь приемному сыну и другим несчастным детям, живущим в неблагополучной части света? И кому была выгодна смерть самого Лэнга?

Старые счеты? Никогда бы не подумал, что кто-то вспомнит о нем спустя пятнадцать лет.

— Хотите чего-нибудь? — стюардесса улыбалась ему только что накрашенными губами.

Лэнг покачал головой.

— Спасибо, все хорошо.

Хотя на самом деле это было не так.

Он пытался силой выпеснить из головы мысли о Дженет и Джефе, словно родитель, который прогоняет разшалившихся детей играть на улицу. Думая о двух металлических ящиках, летевших в грузовом отсеке самолета, невозможно было расслабиться и заснуть. Надо подумать о чем-то приятном, успокаивающем...

Неужели это случилось всего два дня назад, прошли какие-то часы с тех пор, как ему позвонил Патрик?

Тот вечер он провел вместе с отцом Фрэнсисом Нарумба. Они пообедали в «Таверне Мануэля», модном баре, где зависали студенты, политики и те, кто сам себя относил к местной интеллигенции. Это местечко привлекало теплой атмосферой. Там можно было посидеть за деревянными столами на высоких барных стульях. Еда — ничего особенного, а запахи тем более, но здесь, сидя за одним столом, могли спорить, пересыпая речь латинскими фразами, черный священник и белый адвокат и не привлекать к себе внимания окружающих.

Лэнг с Фрэнсисом вели собственную кампанию по возрождению языка Вергилия и Ливия. Оба были жертвами образования и получили ученую степень. Лэнгу довелось изучать латынь в юридической школе, а священнику преподавали язык в семинарии.

Их тянуло друг к другу: вокруг было слишком много людей, для которых любое событие старше последнего номера «Пипл» — уже история. Правда, Лэнг плоховато знал все, что произошло после первого разграбления Рима, зато Фрэнсис помнил удивительные вещи о средневековом мире. Роль Католической церкви являлась у двух друзей неисчерпаемой темой для обсуждения.

Священник вежливо слушал, как Лэнг выпускает пар, ругая на чем свет стоит прокуратуру округа Фултон за ее никчемность. За этим возмущением крылся не только альтруизм добропорядочного гражданина. Когда твой клиент находится под обвинением больше года, это не слишком хорошо для бизнеса, особенно для бизнеса клиента.

— Если окружной прокурор настолько некомпетентен, то как же он получил свой пост? — спросил Фрэнсис, изучая передержанное филе лосося. Он пожал плечами, Мануэль был несправим. — *Fabas indulcet fames**.

Они азартно соревновались друг с другом в знании латинских афоризмов. Лэнг заказал гамбургер, чувствуя, что нужно чем-то подкрепиться.

— С голодухи действительно все что угодно покажется вкусным, но для этого от голода надо на стенку лезть, —

---

* Голод подсластит бобы (лат.). — Иными словами, с голоду любая еда покажется вкусной.

заметил он. — Что касается твоего вопроса, то окружной прокурор обязан работой знакомствам, а не своим способностям.

— Он даже никогда не листал Эзопа?

Лэнг налил себе теплое пиво.

— Ты со своей верой в святых все понимаешь слишком буквально. Он вообще ни в чем не разбирается, почти как свинья в апельсинах.

Священник пригубил такое же теплое пиво из стакана.

— *Damnans quod non intelligunt**.

— Как поживают Дженет и Джеф? — спросил Фрэнсис, когда они шли к машине.

Это была не простая дань вежливости. С тех пор как Дженет развелась, она самым неожиданным и странным образом стала убежденной католичкой, прихожанкой церкви, где служил Фрэнсис. В глубине души Лэнг подозревал, что она верила: отношение Церкви к повторным бракам уберет ее от нового никудышного избранника.

Лэнг достал из кармана ключи от «порше».

— Прекрасно поживают.

— Послушай, ты мог бы позволить себе настоящую машину вместо этой игрушки, — проворчал Фрэнсис, устроившись на пассажирском сиденье.

— Не нравится, поезжай на автобусе, — весело ответил Лэнг. — А знаешь, на прошлой неделе Дженет подарила Джефу собаку. Самая безобразная дворняга из всех, которых ты благословлял на ежегодном празднике животных.

— Внешняя красота, как говорится, всего лишь оболочка.

Лэнг повернул ключ в замке зажигания:

— Ага, а он еще безобразно на кости кидается. Не знаю, где Дженет подобрала его. Наверное, взяла последнее, что осталось в приюте для бездомных собак.

Незадолго до того, как самолет стал снижаться, Лэнг провалился в сон и очнулся, когда стюардесса все с той же вежливой улыбкой слегка потрясла его за плечо, предупредив, что самолет идет на посадку и пора пристегнуть ремни.

---

* Осуждают то, чего не понимают (лат.)

2

Атланта
Два дня спустя

Лэнг думал, что, потеряв Дон, он горевал так сильно, как только может горевать человек. Он ошибся...

Увидев, как два гроба, один меньше другого, опускают в красную глинистую землю Джоджии, он потерял самообладание, которое, по обычаю, требуется от южанина в таких случаях, и заплакал. Сначала увлажнились глаза, а потом слезы, которые не было смысла скрывать, потекли по лицу. Он плакал не только по Дженет и Джефу, он оплакивал самого себя. Никого больше не осталось в его семье. Он никогда не задумывался, что может остаться совсем один.

Лэнг раньше терял друзей и знакомых. Как и любой взрослый человек. Некоторые из ребят, коллег по работе, погибли во время исполнения служебного долга. И Дон он тоже потерял, но тогда он несколько месяцев готовился, знал, что это неизбежно. А вот его младшая сестра и племянник... их погубили, выдернули из жизни внезапно, и это не шло ни в какое сравнение.

Похороны казались нереальными, как и его полное одиночество. Он наблюдал за скорбной церемонией словно со стороны, как будто смотрел какой-то фильм. Только обычный зритель не чувствует муки, которая терзает его душу, как зверь, вырвавшийся из клетки на волю.

Могила для Дженет и Джефа выкопали рядом с надгробием, на котором было высечено имя Дон. Он приходил сюда каждое воскресенье, чтобы положить свежие цветы. Теперь у него стало на две могилы больше, после того как Джефа и Дженет похоронили под тем же холмиком.

Вместо того чтобы слушать слова Фрэнсиса, читавшего молитвенник, он вспоминал все видеоигры, в которые они играли на пару с Джефом, и вспоминал, как радовался мальчик, получив очередную пятерку в школе. Но эта трагичная смерть перечеркнула все.

Тем временем присутствующие на похоронах — близкие соседи, несколько медиков, с которыми работала Дженет, школьные друзья Джефа с родителями — уже закончили произносить искренние, хоть и бессмысленные слова утешения, и его горе переросло в бешенство. Тот,

кто это сделал, за все заплатит. Неважно, сколько времени это отнимет, сколько потребуется сил, как далеко придется ехать, — он разыщет его. Или их.

Они еще узнают, с кем связались. У него имелись уникальные знакомства — люди, владевшие информацией, которая была недоступна для полиции. Ему нужно лишь позвонить одному из них, и он найдет виновных, во что бы то ни стало найдет.

Ярость странным образом утешила его. Будто неведомая сила перенесла его в другой мир, где нет места чувствам. Он ощутил вкус победы над своими неведомыми врагами, и уже до конца службы предвкушение отмщения не отпускало его.

Чья-то рука мягко легла ему на плечо. Фрэнсис похлопал Лэнга по спине и обратился к нему не только как друг и духовный наставник Дженет, но и как его собственный друг:

— Лэнг! Тебе нужно думать о Дженет и о Джефе, а не о мести.

Лэнг вздохнул:

— Это так заметно, да?

— Любой прочтет твои мысли, стоит только взглянуть на твое лицо.

— Фрэнсис, я не могу просто уйти и забыть о случившемся. Какой-то подонок убил двух невинных людей. И не говори мне, что на все воля Божья.

Священник покачал головой, глядя на две могилы.

— Наверное, ты хочешь, чтобы я провел службу, чтобы просить высшие силы, превосходящие твои...

— О, черт! Где прятались твои высшие силы, когда они были так нужны?

Он тут же пожалел об этой фразе, в которой выплеснулись его горе, и гнев, и бессонные ночи. Хотя Лэнг никогда не был особенно верующим человеком, зачем оскорблять чужую веру?

— Прости меня, — попросил он. — Я грубо себя веду. Даже если священник и обиделся, виду он не подал.

— Ничего, Лэнг. Я понимаю, что ты чувствуешь. А вот не стоит ли быть потверже с французской полицией?

— Легко сказать. Для них это всего лишь два новых трупа. Я хочу восстановить справедливость во что бы то ни стало.

Фрэнсис смотрел на него изучающе, большие карие глаза, казалось, читали его мысли.

— Хотя бы потому, что Господь сохранил тебе жизнь, ты не должен уподобляться тем людям, которые совершили это злодеяние.

Лэнг никогда не рассказывал Фрэнсису о своей прежней службе. А священник был довольно умен, чтобы догадаться, что у человека, в тридцать лет поступившего в юридическую школу, в судьбе осталось белое пятно длиною в десять лет, и он эти годы обсуждать не захочет. Фрэнсис подозревал правду или был очень близок к тому, чтобы ее разгадать.

— Уподобляться или не уподобляться, но я попытаюсь, — заявил Лэнг.

Фрэнсис молча кивнул, посмотрел на холмик мягкой земли и произнес свою обычную фразу:

— Я буду молиться за вас.

Глядя, как Фрэнсис спускается со склона, Лэнг понял, что берет на себя обязательство. Нет, это было не обещание, данное в порыве ярости, и не благонамеренная резолюция, о которой тут же забывают, едва успев принять, — обязательство перед самим собой.

Как он его выполнит, у него не было ни малейшего представления.

3

Атланта Час спуста

Лэнг возвращался с похорон к дому Дженет.

Конечно, следовало завернуть на рынок, хотя он избегал туда ходить. Дженет тяжело и много работала, так как одна воспитывала сына, и ходить по магазинам и на рынок им приходилось обоим. Лэнг терпеть не мог это занятие.

«Нужно подстричь траву», — грустной мыслью мелькнуло у него в голове: Дженет не любила беспорядок. Он опять чуть не заплакал, когда увидел качели, которые они с Дженет установили два года назад. Еще месяца не прошло, как Джеф заявил дяде, что теперь он уже слишком взрослый, чтобы качаться на качелях, точно маленькие детишки.

Лэнг открыл дверь, и ему показалось, что здесь никто никогда не жил. Сказав самому себе, что нужно все про-

верить, он бродил по дому, туда и обратно, и наконец зашел в гостиную Дженет. На лице у него появилась слабая улыбка, совсем не похожая на его обычную улыбку. Все стены были увешаны картинами: печальные святые, суровые лица мучеников, кровавое распятие. Дженет коллекционировала картины на религиозные сюжеты. Лэнг сам положил начало ее увлечению.

Много лет назад перебежчик из одной страны Балканского полуострова привез с собой картины, которые он, без сомнения, украл в одной из церквей, запрещенных коммунистами, и теперь, обратившись «в новую веру», с энтузиазмом продавал капиталистам. Картины, как Лэнг вспоминал, изображали отсеченную окровавленную голову Иоанна Предтечи и опять же окровавленное тело, утыканное стрелами. «Наверное, это святой Себастьян», — предположил Лэнг. Они были написаны превосходными красками и на лондонском аукционе их продавали за внушительную сумму. Чем не подарок для Дженет, недавно обратившейся в католическую веру.

Картины повлияли на нее больше, чем Лэнг мог предположить, а в последние годы стали ее настоящей страстью. Несмотря на увлечение католицизмом, Дженет не была глубоко религиозным человеком. Но обожала изображения святых со всеми их страданиями и мучениями. По ее словам, это единственный вид живописи, который она могла позволить себе купить. Импрессионисты ей были просто не по средствам.

А еще она получала огромное удовольствие, когда Лэнг — не всегда удачно — пытался перевести латинские надписи, встречавшиеся на картинах.

Он понимал ее страсть к коллекционированию. Он и сам за время своих бесчисленных поездок собрал маленькую коллекцию предметов Древнего мира, столь пленявшего его воображение: римскую монету с профилем Цезаря Августа, этрусскую чашу, рукоять кинжала, который мог принадлежать одному из воинов Александра Македонского.

Лэнг уже запирали дверь, когда к дому подкатил почтовый фургон. Лэнг наблюдал, как почтальон запихнул корреспонденцию в почтовый ящик и уехал.

Как горькая насмешка выглядели счета на имя Дженет. И еще в почтовом ящике лежала открытка, извещав-

шая о начале распродажи у Неймана, районная газета и конверт, подписанный «Галерея Энсли». Лэнг с любопытством вскрыл его и вынул напечатанное на компьютере письмо, начинавшееся словами «Дорогой покупатель» и сообщавшее, что галерея не смогла дозвониться по телефону, но работа завершена. «Галерея Энсли» была маленьким магазинчиком и находилась между Шестой и Седьмой улицами, в нескольких минутах ходьбы от того места, где он сейчас стоял.

Лэнга встретила девушка-подросток с бабочкой-татуировкой на шее и кольцом, вставленным в проколотую бровь, с торчащими во все стороны багрово-красными волосами и накрашенными губами. При взгляде на нее ему было легче пережить, что он не имеет собственных детей. Она посмотрела на письмо, потом на него. На какой-то момент перестала жевать жвачку, чтобы спросить:

— Ваше имя?..

— Рейли Лэнгфорд, брат доктора Холт.

Она снова взглянула на письмо, а потом опять на него.

— Господи! Я читала в газете... Мне так жаль. Доктор Холт была такой милой. Запало!

В своей жизни он наслушался всяких слов утешения, но такого слышать еще не доводилось. И все же ребенок проявил участие.

— Спасибо за добрые слова. Я занимаюсь ее имущественными вопросами. Поэтому и вскрыл...

Он указал на бумагу, которую она держала в руке.

— Ой, простите! Сейчас я все сделаю.

Она направилась в глубь зала, скрывшись где-то между полками, и было слышно, как лопнул пузырь надутый жвачки.

Вернувшись, она принесла какой-то пакет, завернутый в коричневую бумагу.

— Вот, доктор Холт прислала это из Парижа, велела подобрать раму и оценить, чтобы застраховать.

Из небольшого конверта она вынула листок с напечатанным текстом: «Посылаю снимок картины и ее цену. Надо снять с них копии и поместить куда-нибудь в безопасное место». Положив на стол оба конверта вместе с пакетом, девушка выписала чек.

— Два, шестьдесят семь, пятьдесят пять, включая налог.

Лэнг протянул ей кредитку и, наблюдая, как она проводит ею по считывающему устройству, убрал конверт во внутренний карман пиджака. Что он будет делать с этой частичкой коллекции? О том, чтобы продать, даже речи идти не могло: Дженет покупала ее в последние часы своей жизни. Он подыщет место у себя в квартире.

Он расписался в квитанции, сунул ее в карман и взял посылку под мышку. Выйдя из темного помещения, немного постоял в дверях, чтобы глаза привыкли к яркому солнечному свету.

Что-то опять было не так, что-то снова тревожило. Старое чутье заставило его мгновенно оценить обстановку — точно олень, который настороженно прислушивается, как крадется хищник. Он заметил, что привратник у входа в кондоминиум* стоит с левой стороны двери вместо того, чтобы стоять с правой, а какой-то старый драндулет припаркован в месте, предназначенном для «БМВ», и «мерседесов». Одна секунда потребовалась на то, чтобы осознать, что привратник смотрит на улицу, и еще одно мгновение, чтобы понять почему. Человек на другой стороне казался пьяным в доску. Он сидел лицом к Лэнгу, натянув на глаза вязаную шапочку. Мятый пиджак, потертые и грязные джинсы. Это мог быть бродяга — один из тысяч бездомных, шатающихся по городу. Здесь неподалеку, если идти вниз по улице, находилась церковь, где в полдень нищим раздавали суп и сэндвичи. Хотя, похоже, он не спешил туда. Лэнг был уверен, что не видел его, когда заходил в галерею. Хорошо, подумал Лэнг, допустим, здесь шатается полно бездомных, и он мог просто не обратить на него внимания. Но много ли найдется бродяг, которые чисто бреются и стригут волосы достаточно коротко для того, чтобы они не выбивались из-под шапочки?

Подняв руку и делая вид, что прикрывает глаза, он пошел к своему «порше», наблюдая сквозь пальцы. Вязаная шапочка медленно повернулась.

Сев в машину, он посмотрел в зеркало. Человек исчез.

Лэнг напомнил себе, что, если ты параноик, это еще не доказывает, что тебя и в самом деле не преследуют.

---

* Кондоминиум — единый жилой комплекс, которым все жильцы управляют вместе.

Глава 3

1

Атланта
Тот же день

энг знал, что Сара, его секретарь, обязательно предупредит, если на работе произойдет какая-то неприятность. С этой навязчивой мыслью он шел в офис, располагавшийся в одном из высотных зданий Атланты.

В то утро она со слезами на глазах выразила свои соболезнования, и сейчас он ожидал, что она снова начнет плакать. Она хорошо знала Дженет и Джефа. К его удивлению, Сара встретила его словами:

— Звонили из собачьего приемника. Дженет оставила наш номер на непредвиденный случай. Пес, Грумпс, уже две недели живет у них. Вы хотите, чтобы я его забрала? И, кстати, почему такое имя, Грумпс? Почему было не назвать собаку Спот или Фидо?

— Наверное, имя выбирал Джеф.

У Лэнга не было представления, что он будет делать с огромной ужасной псиной. Но Грумпс был другом Джефа и, естественно, не могло быть и речи о том, чтобы продать его. На самом деле забрать собаку к себе — все равно что вернуть назад частичку семьи.

— Ладно, зайду за ним, когда буду возвращаться домой.

Он сел за рабочий стол, заваленный всякими папками с бумагами.

Когда-то (это было словно в прошлой жизни) они с Дон решили, что ему необходимо получить второе образование и стать адвокатом. Его малень-

кой пенсии и ее зарплаты не хватало на жизнь. Перспектива работать на кого-то другого не привлекала. Получив образование, он стал работать на себя, обзванивая всех старых знакомых в поисках клиентов.

Практика начала приносить доход, что позволило Дон уйти с работы и открыть магазин, о котором она всегда мечтала. Новая работа не шла ни в какое сравнение с его прежней деятельностью, и теперь он почти каждую ночь ночевал дома. А когда его не было, жена знала, где он и когда его ждать.

У них было почти все: большой дом, деньги, которыми они могли распоряжаться как душе угодно, и любовь, которая, казалось, никогда не угаснет. Даже после пяти лет совместной жизни Дон ничего не стоило встретить его на пороге дома в каком-нибудь откровенном наряде, а то и вовсе без всего, и они могли заняться любовью прямо в гостиной, слишком нетерпеливые, чтобы добраться до спальни.

Единственным облаком на горизонте была неспособность Дон иметь детей. После бесконечных обследований они решили взять приемного ребенка, как вдруг неожиданно Дон потеряла аппетит и начала худеть. Женские органы, отказавшиеся давать потомство, породили злокачественную опухоль.

Меньше чем за год ее полная грудь обвисла, а ребра просвечивали сквозь бледную кожу и, казалось, сломаются, когда она с трудом делала очередной вдох. Впервые Лэнг осознал, что его любимая умирает, когда оказался в больничной палате возле лежащей в постели женщины, превратившейся в облысевший скелет, единственным желанием которого было получить очередную дозу наркотика, временно снимавшего боль.

Рак прогрессировал, а они беседовали о ее выздоровлении, о том, что будут делать, когда она выйдет из больницы, куда поедут вместе. И оба надеялись, что вторая половина верит в это. Он подозревал, что она тоже молится, чтобы поскорее наступил неизбежный конец.

Лэнг страдал, видя, как она умирает, и вопреки здравому смыслу винил себя в том, что ничем не может утешить ее.

Вспоминая Дон, он стал размышлять, что хуже: агония неизбежной смерти или внезапная насильственная ги-

бель его племянника и сестры? Все-таки сейчас он мог строить дальнейшие планы, мечтать о реванше, о мести убийцам. Эти мысли приносили удовлетворение, которого он никогда не испытывал после смерти Дон.

После увольнения со службы прошли годы, он растерял все свои прежние связи. Сколько теперь осталось из его старых соратников? Лэнг запустил руку в ящик стола. Пальцы нащупали потайную заднюю стенку, и он отодвинул дощечку в сторону. За ней лежал маленький буклет. Лэнг вытащил его и раскрыл перед собой на столе. Кто остался? А главное, кто из оставшихся ему обязан?

Он набрал код 202 и номер и стал ждать. Где-то далеко на мониторе компьютера высветился его собственный номер. Менее чем через секунду его имя и местоположение будет опознано. Если этот номер еще действителен, то он может надеяться на помощь.

Не прошло и минуты, как зажужжал звонок от Сары.

— На проводе мистер Беркли. Говорит, вы ему звонили.

Лэнг поднял трубку.

— Майлс, старина! Сколько лет, сколько зим!

Ответ на долю секунду запаздывал. Сигнал проходил через одно из наугад выбранных реле, разбросанных по всему земному шару, и был полностью недоступен для подслушивания.

— Вот так сюрприз, Лэнг! Где тебя черти носили столько лет? Как поживаешь?

Годы шли, но Майлс Беркли, как и раньше, не желал расставаться со своим растянутым южным говорком, точно с ценной собственностью.

— Не очень, Майлс. Мне нужна помощь.

— Чем сумею, помогу, Лэнг.

— Три дня назад в Париже был пожар, похоже, диверсия.

— Я слышал.

Майлс все еще читал газеты. И в этом не было ничего ненормального — очевидно, он продолжал работать на прежнем месте.

Встрепенувшись от такой удачи, Лэнг спросил:

— Какие-нибудь арсеналы пропадали? Как ты думаешь, откуда это дерьмо могло взяться? У кого на руках могло быть подобное оружие?

— А почему тебя это интересует? Что, при взрыве пострадал кто-то из твоих клиентов? — Майлсу все хотелось знать.

— Моя сестра. Это был дом ее подруги. Они с моим племянником там гостили.

Наступила пауза, слишком долгая для запаздывающего сигнала. Затем Майлс произнес:

— Черт, прости меня Лэнг. Я не знал. Я понимаю, почему тебя это интересует, но у нас пока все по нулям. Никто военных сооружений не взламывал, ничего не пропадало, насколько нам известно. Твоя сестра могла быть в чем-то замешана?

— Ни в чем. Воспитывала ребенка, лечила больных и ходила в церковь. Вот и весь криминал.

— Да, попробуй тут угадай. Слушай, ты случаем не замышляешь выползти из своей норы? Надеюсь, что нет. Кто бы ни были эти уроды, они, похоже, профи. Тебе их самому никак не взять, даже если узнаешь, кто они такие.

— Напрасно ты так думаешь, — соврал Лэнг. — Ты понял, что меня интересует. Скажи, ты можешь держать меня в курсе всего, что у вас всплывет?

— Сам знаешь, я не имею права, по крайней мере официально. Ладно, как засранец засранцу... Подумаю, что можно сделать.

Повесив трубку, Лэнг еще несколько минут сидел, неотрывно глядя в окно. Стоило начать, как он сразу очутился в тупике.

2

Атланта

Позднее в тот же день

Парк-плейс — очень оригинальное название! Прямо из игры в «Монопольку» позаимствовано. На самом деле рядом с кондоминиумом, где жил Лэнг, даже сквера не было. Высотка, по виду напоминающая нагромождение шашечных квадратов, — тоже не самая свежая идея. А вот портье в униформе из комической оперы — это, пожалуй, что-то новенькое для Атланты и слишком жирно для любого района южнее нью-йоркского Ист-Сайда.

Когда Лэнг вернулся домой, портье Ричард не выразил никакого восторга. Он воззрился на Группса с таким видом, словно увидел кучу отбросов на полу мраморного

фойе. Ни виляющий хвост, ни умоляющие собачьи глаза нисколько не уменьшали его презрения.

Группс выглядел не слишком презентабельно. Черная лохматая шкура, белая морда. Одно ухо торчало, другое висело, как увядший цветок. Натянув новый поводок, пес обнюхивал самшитовый шкаф в стиле буль. Лэнг занервничал, как бы собака не пометила благородное дерево или абхазские ковры на полу.

Лэнг понадеялся, что пятьдесят долларов помогут сменить гнев на милость, — и не ошибся.

— Собака моего племянника, — извиняющимся тоном объяснил он и протянул сложенный пополам конверт. — Просто не знал, что с ним делать.

Ричард положил деньги в карман с таким видом, словно это был рождественский подарок. Без сомнения, ему было известно о смерти Дженет и Джефа. Обслуживающий персонал в доме всегда знает, что происходит в жизни людей, на которых они работают.

Он заговорщически подмигнул.

— Сразу видно: собачка не весит и пяти килограммов.

Правила общества квартиросъемщиков запрещали заводить домашних питомцев свыше пяти килограммов весом. Группс весил раз в шесть больше.

— Надеюсь, мой подарок поможет вам сохранить свой замечательный глазомер, — ответил Лэнг, подмигнув в ответ.

— Положитесь на меня. Позвольте помочь вам донести вещи, — Ричард указал на завернутую картину, которую Лэнг нес под мышкой.

Поблагодарив, Лэнг отказался и поскорее устремился к лифту, пока не появился кто-нибудь из более проницательных соседей.

Очутившись в квартире, пес исследовал каждый сантиметр своего нового жилища, а удостоверившись, что они с Лэнгом единственные обитатели этого дома, тяжело упал в углу и уставился в пространство тем особенным собачьим взглядом, который можно истолковать как утконо. Лэнг угадал, что он скучает по Джефу.

Хорошая еда поднимет ему настроение. Но чем кормить? У Лэнга не было запасов собачьего корма, который, он догадывался, Группс очень любит. С виноватым видом Лэнг достал из морозильника гамбургер и разогрел его в микроволновке. Подношение вежливо понюхали,

но и только. Дворняга действительно скучала по своему маленькому хозяину.

— Не хочешь есть, мне же больше достанется, — сказал Лэнг, чувствуя себя дураком из-за того, что пытается завязать беседу с собакой.

Группс, положив голову на лапы, следил печальным взором за движениями Лэнга. Лэнг уселся на диван и принялся размышлять, что ему делать с собакой, которая отказывается есть, и картиной, о которой ему ничего не известно.

Группс начал похрапывать. Замечательно. Лучшей компании не придумаешь.

Лэнг обвел взглядом знакомое пространство. Дверь из коридора открывалась прямо в гостиную. Напротив двери — окно от пола до потолка, через которое открывается вид на Атланту. Справа — кухня и столовая, а слева — единственная спальня. Почти вся поверхность стен была занята встроенными полками, загроможденными множеством книг, самых разных по тематике, и им явно не хватало места. В последнее время он не покупал новых книг, их уже некуда было ставить.

Совсем маленькое пространство на стене было отдано под картины — пейзажи не самых известных импрессионистов, которые они собирали вместе с Дон.

Его любимый Херцог висел в спальне, и желто-зеленые краски расцвечивали по утрам серые сумерки. Он сохранил эту картину среди немногих вещей, оставшихся после продажи дома, который они с Дон так надеялись заполнить детскими голосами. Ее антиквариат был слишком громоздким для нынешней квартиры, да и куплен на женский вкус. А главное, вызывал слишком болезненные воспоминания. Лэнг по-детски верил, что, если избавиться от вещей, знакомых до боли, станет легче.

И все же потеря мебели произвела переворот в его сознании. Он вдруг понял, что мебель, одежда — все это предметы, взятые напрокат на время жизни. Смерть Дон заставила его остро осознать всю тщету материальной собственности. Это просто вещи, которые в конце можно кому-то оставить.

Не то чтобы он стал вести аскетический образ жизни — он обедал в хороших ресторанах, жил в квартире, которую сам выбрал, ездил на автомобиле, на кото-

ром хотел, — просто у него произошла переоценка ценностей.

Лэнг заменил предметы антиквариата на керамику, кожу и стекло, сохранив лишь две вещи на память о Дон: золотое перо и маленький секретер, стоявший в кабинете какого-то министра еще в восемнадцатом веке. За неровным стеклом, которое выдували мастера того времени, хранилось несколько старинных фигурок и редких книг.

На минуту он забыл о храпящем Группсе, разглядывая коричневый сверток, оставленный на полу возле двери. Нужно глянуть, что там.

Он обнаружил более красивую вещь, чем ожидал: полотно, на котором были изображены трое мужчин, облаченных в широкие туники и сандалии. Они исследовали некую каменную плиту. Двое стояли по сторонам, причем один из них держал в руке не то трость, не то жезл, а последний — в центре, опустившись на колено, указывал на надпись, высеченную на камне. «*ETINARCADIAEGOSUM*». Латынь! «Я в Аркадии», — попробовал перевести Лэнг. Но тогда оставалось «*sum*». Зачем примешано лишнее слово? Наверное, перевел неверно — первое, что пришло в голову. Но никакого другого смысла Лэнг уловить не мог.

Четвертая фигура, богато одетая женщина, стояла рядом с мужчиной, изображенным справа. Одну руку она положила ему на плечо. На заднем плане, за фигурами, высились горы, росли деревья, покрытые зеленой листвой. Такие пейзажи часто встречаются на классических картинах. Казалось, линии всего ландшафта сходятся в одном отдаленном горном ущелье, изогнутой долине, покрытой дымкой.

Что за странная долина... Лэнг перевернул картину вверх ногами. Теперь пространство между горами напоминало знакомый образ, вроде как профиль Вашингтона вполоборота. Маленькая остроконечная вершина — это нос, круглый холм — подбородок. Натянута, конечно, но сходство все же есть.

Он подошел к стулу, на спинку которого был брошен пиджак, и вынул из кармана квитанцию. «Аркадские пастухи», копия оригинала Никола Пуссена (1593—1665), — гласил документ, выписанный «Галереей Энсли».

Это значило, что перед ним копия работы Пуссена или что Пуссен сам написал копию? Копия сделана между

1593 и 1665 годами или это художник прожил семьдесят два года? В любом случае оценщик галереи оценил произведение, которое теперь принадлежало Лэнгу, в десять-двенадцать тысяч долларов. Была ли это действительная стоимость или просто хорошее расположение к клиенту, оставалось только гадать.

Неважно. Он не собирается забивать себе этим голову. Он отступил назад и еще раз взглянул на картину. Куда же ее повесить в этой маленькой квартирке? Просто некуда.

Он поставил ее на откидную доску секретера, снова отступил и посмотрел на нее еще раз. Пастухи Аркадии. Посох это объясняет, но женщина слишком хорошо одета, чтобы пасти овец. Аркадия... Может быть, Акадия? Такое название еще в восемнадцатом веке дали французские поселенцы одной из провинций Канады, не правда ли? Он был почти уверен. Когда англичане выгнали их, они перебрались на ближайшую французскую территорию, Луизиану, где стали зваться *Acadians*, или *Cajuns*. Но ведь к 1665 году британцы еще не успели завоевать Канаду! Так при чем тут чертовы канадские пастухи?

С разыгравшимся любопытством он принялся рыться на полках, пока не нашел историческую энциклопедию. Провинция в Канаде называлась так же, как часть греческой земли. Прекрасно. Теперь он обнаружил, что это греки, а не канадцы. Велика помощь!

Оставив загадочную картину на секретере, он взял в руки квитанцию и снимок и отнес их в спальню, где положил в ящик прикроватной тумбочки, напомнив себе, что в следующей раз, заехав в банк, надо будет их запечатать в банковской ячейке. Переодевшись в джинсы, он пошел обратно в гостиную, застегивая на ходу рубашку.

3

Атланта

На следующий день

Когда на следующий день Лэнг вернулся с работы домой, он заметил царапины на медной панели замка входной двери. Это были маленькие отметины, которые неопытный взгляд никогда не увидит. Присев, чтобы замок находился на уровне глаз, Лэнг пришел к выводу, что они

оставлены не уборщицей, неосторожно протиравшей замок. Каждый крохотный след говорил о том, что замок пытались вскрыть.

Лэнг встал. Он почти отогнал от себя мысль о неумелом разбойном нападении на острове Сен-Луи. Но сейчас у него снова всплыл в памяти этот случай. Кто-то из его прошлой жизни? Но зачем было ждать так долго? Кроме того, сейчас он в Америке, а не в Европе. Хотя какая разница!

Самое главное: проникли они в дом или нет и сколько их?

Комок прокатился по горлу Лэнга. При одной мысли о том, что кто-то посягает на его личное пространство, в нем начала закипать злость. Возможно, такая сцена хорошо бы вписалась в боевик с участием Брюса Уиллиса, но то был не фильм, а реальная жизнь.

Вызвать копов? Он потянулся к мобильнику на поясе — и остановился. Полиция Атланты. Если они приедут и окажется, что здесь никого не было, он будет выглядеть как дурак — и это клеймо навсегда прилипнет к нему.

Он повернулся и пошел обратно к лифтам.

В вестибюле он дождался, пока консьерж — прыщавый паренек в мешковатой униформе — закончит разговаривать по телефону и повернется к нему.

Пожав плечами, Лэнг пробормотал, смущенно улыбаясь:

— У меня захлопнулась дверь.

— Какой у вас номер?

Консьерж уже смотрел под стол, чтобы достать дубликат ключа. На фоне нескольких жильцов — старых скелетиков — рассеянность Лэнга воспринималась как обычное дело.

Лэнг чувствовал себя немного виноватым. Если взломщики находятся в квартире, существует опасность, что они вооружены. Наверное, ему все же следовало обратиться к защитникам правопорядка. Вовлекать молодого человека в ситуацию, в которой он может пострадать, — это скверно. С другой стороны, в одиночку встречаться лицом к лицу с вооруженными головорезами просто глупо. Герои умирают молодыми!

Консьерж распахнул дверь, жестом пригласив Лэнга войти.

— Прошу вас, мистер Рейли.

Глаза Лэнга быстро окинули все пространство, и он протянул сложенную бумажку.

— Спасибо.

— Вам спасибо, сэр, — Судя по тону, консьерж рассчитывал получить на чай больше, чем ему дали.

Оказавшись в квартире, Лэнг не заметил ничего необычного, пока не повернулся к другой стене. Картины не было. Он быстро обшарил взглядом комнату в невероятной надежде, что сам убрал ее в другое место. Но как может затеряться довольно большое полотно в такой маленькой квартирке?

Он сделал пару шагов в сторону кухни. Грумпс посмотрел на него и зевнул.

— Хорош сторож! — пробормотал Лэнг и хотел идти в спальню, но остановился. Рядом с Грумпсом виднелось большое жирное пятно. Взломщики чем-то накормили собаку. Будто в подтверждение этого факта, Грумпс громко гавкнул.

— Извиняешься, взяточник? Радуйся, если они не подкинули тебе кусок мяса с крысиным ядом.

Потянувшись, Грумпс снова гавкнул.

На первый взгляд, спальня казалась нетронутой.

Затем Лэнг заметил, что серебряная расческа лежит не на том месте, куда он обычно кладет ее. Фотография Дон на тумбочке стояла немного под другим углом. Кто-то действовал очень осторожно, и все же недостаточно осторожно.

Обойдя вокруг кровати, Лэнг выдвинул ящик прикроватной тумбы. Девятимиллиметровый браунинг, как много лет подряд, лежал на своем месте. Но кроме браунинга и коробки с патронами в ящике больше ничего не было. Лэнг был уверен, что клал сюда снимок и квитанцию. Кто мог стащить полароидный снимок?

Воспоминание о тлеющих руинах на площади Вогезов подсказало ответ: тот же, кто и там охотился за картиной.

Он потряс головой. Украсть картину и фотографию...

Лэнг быстро все проверил в своем доме. Некоторые предметы были сдвинуты со своих мест, но их не тронули. Похоже, приходили именно за этими вещами. Вор не спешил, но при этом не позарился на серебро, пару золотых запонок и оружие. Целью ограбления был Пуссен, и только.

Но почему?

Лэнг понятия не имел, но собирался выяснить.

Глава

4

1

Атланта

На следующий день

а следующее утро Лэнг ждал, когда откроется «Галерея Энсли». Все та же девушка с багрово-красными волосами стояла за прилавком все с тем же скучающим видом.

— Копия? — переспросила она. — Мы делаем копии всех наших оценок, я вам уже говорила. Просто диву даешься, сколько людей хранят их дома. А потом что-то случается — пожар или еще что — и нет ни картины, ни документа.

— А полароидный снимок? — поинтересовался Лэнг. — Вы говорили, что их вы тоже копируете. Она кивнула, надув пузырь из жвачки.

— Да, снимки тоже.

Он слабо улыбнулся и пожал плечами — человек, смущенный собственным головоуятипством.

— Черт возьми! Не могу вспомнить, куда я засунул конверт со всем добром. Вот и радуйся, плати теперь за копии.

Пузырь лопнул.

— Никаких проблем.

Спустя минуту она принесла копию снимка, хоть и не цветную, но все было отчетливо видно. Он протянул двадцатку.

Она покачала головой.

— Рада была помочь. Вы их потеряли, а мы не берем деньги за повторные экземпляры.

Выйдя на улицу, он сделал вид, что ищет в кармане ключи от машины, а сам в этот момент осмотрел улицу. Если кто и наблюдал за ним, заметно их не было.

2
Атланта
Час спустя

— Телефон музея Хай? — спросила Сара недоверчиво. — Вы хотите, чтобы я позвонила в художественный музей?

Лэнг сидел за столом, разговаривая через открытую дверь.

— А что тут удивительного? Я хожу в музеи, театры, на балет, регулярно слежу за всеми музыкальными новинками. Ты не помнишь, как я достал тебе приглашенный билет на открытие выставки Матисса?

Сара покачала головой, причем ни один пепельный волосок не стронулся с места.

— Лэнг, это было сто лет назад. К тому же билеты заказывал один из ваших клиентов.

— Просто выясни, кто директор, хорошо?

Два часа спустя Лэнг подъехал на автобусе к сооружению, напоминавшему белые строительные кубики, которые беспорядочной кучей навалил какой-то гигантский ребенок. Ультрасовременное здание было, наверное, самым уродливым в городе, который и без того не блистал сокровищами архитектуры.

По собственной теории Лэнга, с тех пор как Шерман^{*} разрушил город полторы сотни лет назад, Атланта так навсегда и осталась нечувствительной ко всякой конструктивной эстетике.

Музей Хай был назван в честь меценатов — семьи Хай, купившей для него это место, а вовсе не благодаря превосходству над остальным художественным миром^{**}. И то сказать: коллекция, заключенная в здании из стекла и бетона, поражала разве что своей скромностью, если сравнивать ее с музеями в других городах.

Войдя в главный холл, Лэнг сел в лифт. На верхнем этаже он, волнуясь, прошел мимо современных полотен и наконец разыскал дверь с табличкой «Администрация».

---

* Генерал Шерман — военачальник времен Гражданской войны в США. Под его предводительством северяне разгромили южан в Атланте в 1865 году.

** Фамилия Хай звучит так же, как англ. слово *high* — высокий, высокий.

На секунду Лэнгу показалось, что он попал в Страну чудес Алисы. Здесь были волосы всех цветов радуги, кольца на всех видимых частях тела, костюмы из «Звездных войн». Галерейная служащая на этом фоне выглядела консервативно.

У компьютера сидела молодая женщина. Половина ее головы была обрита наголо, половина топорщилась зелеными волосами. Она оторвала взгляд от монитора и посмотрела на него.

— Чем могу помочь?

— Меня зовут Лэнгфорд Рейли. У меня назначена встреча с мистером Сейтзом.

Женщина ткнула в сторону кабинета зловещим черным ногтем, заточенным, как лезвие кинжала.

— Туда!

И сняла телефонную трубку.

— Здесь мистер Рейли. Он хочет с вами увидеться.

В дверях появился человек. Лэнг уже боялся предположить, как может выглядеть сам мистер Сэйтз, но директор оказался безупречен. Дорогой темный костюм, красный галстук, черные начищенные туфли. Он был строен и высок. Возраст — чуть за сорок, судя по седеющим вискам. Точеное лицо загорело — недавно с пляжа или из солярия.

Золотые часы «Ролекс» состязались в блеске с драгоценными камнями на запонках, когда он протянул холерную руку.

— Джейсон Сэйтз.

— Спасибо, что уделили мне время, — сказал Лэнг. — А у вас здесь пестрая компания.

Глаза директора проследили за взглядом Лэнга.

— Студенты из Школы художеств. Мы стараемся нанимать оттуда сотрудников, — заметил он, словно это многое объясняло. — Прошу вас!

Они вошли в кабинет, вполне традиционное помещение, если не видеть служащих за его пределами. Сэйтз предложил Лэнгу присесть в кожаное кресло с подлокотниками, откуда удобно было любоваться фотографиями, висевшими на стене: Сэйтз пожимает руки политикам, обнимается с местными бизнесменами и другими знаменитостями.

Сам директор устроился за столом, по размеру напоминавшим обеденный и заваленный фотографиями кар-

тин, скульптур и каких-то предметов, которые Лэнг сразу не узнал.

Сэйтз откинулся на спинку кресла и слегка прищелкнул пальцами.

— Обычно я без удовольствия встречаюсь с людьми, которых не знаю, но мисс...

— Митфорд, Сара Митфорд, мой секретарь.

Сэйтз кивнул.

— Мисс Митфорд была довольно настойчива, объяснив, что это очень важно. К счастью, у нас отменили совещание.

У него был взгляд человека, который умеет уговаривать людей раскошелиться. Было ясно, что он хотел, чтобы Лэнг знал об этом.

— Я вам и правда глубоко признателен за то, что вы выкроили для меня время. У руководителя музея его совсем немного.

Директор улыбнулся. Лэнг изумился, увидев далеко не превосходные зубы.

— На самом деле руководит музеем правление директоров. Я всего лишь их покорный слуга.

— Да. Ну что ж...— Не зная, что и ответить на это притянутое за уши смирение, Лэнг открыл портфель и, наклонившись вперед, протянул копию снимка, пристально глядя на Сэйтза.

— Мне бы очень хотелось, чтобы вы рассказали мне об этой картине.

Сдвинув брови, Сэйтз всмотрелся в фотографию.

— Боюсь, я не понимаю.

— «Аркадские пастухи», Никола Пуссен. Или по крайней мере, ее копия.

Сэйтз кивнул.

— Франция, середина семнадцатого века, если память не изменяет. Оригинал этой картины висит в Лувре. Какие подробности вас интересуют?

Лэнг решил, что рассказать все, как есть, будет самым правдоподобным объяснением.

— Я и сам не очень понимаю. Дело в том, что я адвокат и, похоже, был случайно втянут...

Директор развел руками.

— Знаете ли, мистер Рейли, музей — это не место, чтобы устанавливать подлинность произведения. Я уверен,

что, как юрист, вы понимаете всю ответственность за вытекающие последствия.

Лэнг затряс головой.

— Извините, я неясно выразился. Мне всего лишь хочется узнать историю этой картины, что здесь изображено? Какой смысл заложен в этом сюжете?

Сэйтз был предельно спокоен.

— Боюсь, я вам мало чем помогу.

Он повернулся на стуле, взяв книгу с антикварного стола у себя за спиной, и, листая ее, продолжил:

— Думаю, что на вашем снимке сфотографирована копия, да к тому же не самая точная. Вот, нашел. Правда, не одно и то же?

Он указал на репродукцию похожей картины.

Сначала Лэнг не увидел разницы. Он вгляделся более внимательно. Задний план выглядел ровнее, наверху не было профиля Вашингтона.

— Религиозное искусство, поздний Ренессанс — не моя специальность, — продолжил Сэйтз, захлопнув книгу. Он поднес ближе к глазам снимок Лэнга. — Надпись на камне, похоже, латынь.

Лэнг подошел и заглянул ему через плечо.

— Да, я тоже так думаю.

— Очевидно, она что-то означает. Да и вся картина может что-то символизировать. Художники той эпохи часто зашифровывали в своих произведениях какие-то послания.

— Вы имеете в виду как код?

— Да, вроде этого, только менее сложно. Например, на картине перед вами тихая жизнь, фрукты или овощи, по которым ползет жучок, возможно, увядший цветок.

Лэнг неуверенно пожал плечами. Он не помнил подобных картин.

— Во времена Пуссена так писали. Цветок мог что-то символизировать — скажем, розмарин на память. Жук мог быть реминисценцией египетского скарабея — символа смерти, несчастья.

Лэнг вернулся и сел на прежнее место.

— Значит, вы считаете, что в этой картине заложено некое сообщение?

Теперь уже плечами пожал директор:

— Я считаю, что такое нельзя исключать.

— А кто может это знать?

Сэйтз медленно повернулся к окну и, пристально глядя в него, молчал какое-то время.

— Даже не знаю, кого назвать.

Часы блеснули у него на руке.

— И боюсь, мы только зря теряем время.

Лэнг не двинулся с места.

— Пожалуйста, назовите мне имя. Ведь кто-то должен разбираться в Пуссене и понимать, что символизирует то или иное изображение. Поверьте, это очень важно. Я не просто упражняюсь в живописи.

Сэйтз повернулся и посмотрел на него в упор. Нахмурился, поджав губы. Не было сомнений, он не привык, когда у него отнимали время без его на то согласия. Затем повернулся к книгам, стоявшим на полке в ряд, и, порывшись, достал одну.

— Насколько мне известно, ведущим специалистом по религиозному искусству позднего Возрождения считается Гвидо Марценни. Он довольно много написал о вашем Пуссене.

Лэнг быстро достал блокнот из портфеля.

— И где я могу найти мистера Марценни?

Хмурый взгляд сменился ехидной улыбкой.

— Он не «мистер», а «фра». Брат Марценни — монах. Историк живописи в ватиканском музее. Ватикан — это в Риме.

Он встал.

— А теперь я серьезно должен попросить вас извинить меня, мистер Рейли. Одна из девушек проводит вас.

Он ушел очень быстро, и Лэнг даже не успел поблагодарить его. Поблагодарить ни за что — теперь он окончательно запутался.

3

Атланта

В тот же вечер

Лэнг был так поглощен своими мыслями, что чуть не пропустил свой этаж, когда ехал в лифте. Продолжая пребывать в глубоком раздумье, он сделал несколько шагов к двери и остановился, чтобы поднять валявшийся на полу журнал «Атланта Джоурнэл-конституьюшн». Да так и застыл на месте с ключом в руке.

«Пожар уничтожил престижный район», — гласил заголовок на первой полосе.

На фотографиях, сделанных с воздуха, было видно, как черный столб дыма окутывает квартал одноэтажных домов с плоскими крышами. Одно из них — в центре — была «Галерея Энсли».

Войдя в квартиру, Лэнг плюхнулся на стул, напрочь забыв о Группсе, который с нетерпением ждал, когда хозяин выведет его на улицу.

«Пожар охватил почти всю Седьмую улицу еще днем. По информации, которую сообщил начальник пожарной службы Атланты, причиной возгорания послужил взрыв газового баллона. Три магазина, в том числе «Галерея Энсли», выгорели дотла. Остальные заведения этого известного торгового района частично повреждены. Сообщалось, что серьезно никто не пострадал, хотя несколько человек обратились за медицинской помощью».

Лэнг не дочитал статью. Газета выпала из рук, и он сидел, уставившись в стену. Возможно, действительно произошел взрыв газа, размышлял он, но до чего же странное совпадение! Кто-то взорвал дом в Париже (у него пересохло в горле), вломился к нему в дом только ради того, чтобы украсть картину. А теперь и галерея, в которой она хранилась, пополнила список погорельцев.

Если все это совпадение, значит, Пуссен налагает проклятие вроде алмаза «Голубая надежда». Нет, не совпадение. Здесь всплывала закономерность, путающая в своей простоте: кто бы ни владел этой картиной, кто бы ни знал о ней, он подвергал свою жизнь опасности. Включая самого Лэнга.

Но почему? Оригинал — тот, что хранится в Лувре, — видели миллионы. Кто-то желал обладать картиной, которую купила Дженет, из-за одного легкого отличия на заднем плане. И, похоже, для достижения своей цели преступники были готовы на все.

Лэнг знал четыре вещи: они упорно шли по следу за картиной, куда бы она ни перемещалась, их не волновало, кто при этом страдает, у них имелся международный доступ к любой информации, и даже больший, чем у полиции, и они были отлично подготовлены, чтобы исполнять свои задания.

Два последних обстоятельства пугали больше всего. Доступ к информации и подготовка означали профессионализм и, скорее всего, существование организации. Но что за организация способна взрывать и убивать лишь для того, чтобы уничтожить копию Пуссена? У этой организации был очень серьезный интерес к тому секрету, что хранило в себе полотно.

Его мысли постепенно вернулись к Группсу, который рвался на прогулку.

— Хорошо-хорошо, подожди минутку, — произнес Лэнг.

Он вошел в спальню и открыл ящик тумбочки. Вынул браунинг. Легким движением задвинув ящик, проверил оружие и засунул его в кобуру. С этого момента всегда нужно носить с собой кредитную карту: не выходить из дома без нее.

Завтра же он отправится, чтобы получить разрешение на ношение оружия. Но сейчас пусть его лучше поймают с браунингом, чем без него.

Выйдя из квартиры с Группсом на поводке, он остановился в холле, чтобы оставить пару меток.

Первая — крохотная пластиковая полоска, которую он положил между дверью и косяком. Так легко будет вычислить, заходил ли кто в квартиру, пока он отсутствовал.

Затем он поплевал на палец и приклеил волос к металлической пластине вокруг замка.

Если его предположения верны, значит, очень скоро его навещат гости.

4

Атланта

Спустя несколько минут

Вернувшись с прогулки, Лэнг сунул в микроволновую печь замороженный бифштекс и покормил Группса собачьим кормом, который он наконец-то сподобился купить. Судя по жадному чавканью, он сделал правильный выбор.

Бифштекс Лэнга был пересыпан таким количеством перца чили, что это могло послужить основанием для объявления войны Мексике. Лэнг счистил со своей тарелки объедки в миску Группса, но пес бросил на него укоризненный взгляд и ретировался в угол, оставив угощение

нетронутым. Похоже, в собачьих консервах Лэнг разобрался лучше, чем в национальной кухне.

Он выбрал длинный стальной стул, который, несмотря на миниатюрное сиденье, был очень удобным, и поставил его за дверью таким образом, чтобы, отворившись, она его прикрыла. Затем напротив входа Лэнг установил лампу, занавешенную с трех сторон, чтобы было видно, если кто-то войдет в дверь, но окно не освещалось. Браунинг он положил на колени, хотя и не собирался стрелять, пока не припрет. Ему требовались ответы на вопросы, а не мертвые тела.

После этого он стал ждать.

Чтобы читать, света не хватало. Поэтому он просто сидел, изучая ночной город. В голове вертелось множество мыслей. Время тянулось медленно, очень медленно.

Может быть, он ошибался? И никакой опасности для него нет? Может быть, но не точно. Кто-то стер с лица земли целый дом в Париже и устроил пожар в Атланте, почему бы теперь не убрать его самого? Вопрос упирался только в сроки.

И вот, когда время перевалило за полночь и уже прошел тот момент, когда он обычно выключал свет и уходил в спальню, он вдруг услышал — или только показалось — едва различимый звук. Что-то нарушило полную тишину за дверью. Грэм заворчал, и Лэнг положил руку на его мохнатую голову. Пес принял к сведению упрек хозяина, после того как в квартиру пробрались воры.

Лэнг встал и тихо отодвинул стул в сторону, засовывая браунинг за пояс. Ледяные мурашки пробежали по шее, а мышцы напряглись, готовясь дать отпор. За долгие годы он уже успел позабыть это ощущение.

За дверью послышались слабые щелчки, и Лэнг обрадовался, что не успел заменить замок. Новый замок мешал бы войти тому, кто сейчас стоял за дверью, и к тому же это насторожило бы налетчика.

Лэнг напрягся и постарался дышать глубже, чтобы расслабить мышцы и охладить голову. Напряжение приводит к ошибкам, так подсказывала ему многолетняя выучка. Но все напряжение ушло само собой, когда дверь медленно открылась, нарисовавшись темным квадратом в бледном свете лампы.

Лэнг подавил первый порыв броситься вперед и всем весом навалиться на нее, прижав к косяку непрошеного

гостя. В этом случае ему будет слишком просто выскользнуть и убежать. Вместо этого Лэнг подождал, пока не появится вся фигура целиком. Темный силуэт мужчины вошел в комнату, тихо прикрыв за собой дверь. Что-то сверкнуло в руке визитера.

Оружие, Лэнг не сомневался. Он почувствовал, как в нем начинает вкипать гнев, готовность немедленно отомстить за Дженет и Джефа. Но он приказал себе ждать.

Ждать до тех пор, пока налетчик не повернется. И тогда он двинулся навстречу ему. Умом Лэнг еще не понял, что видит шок в глазах вошедшего, а левая рука уже опустилась, как топор, на его правое запястье, желая разбить вдребезги, раздробить хрупкие кости. Или по крайней мере вышибить оружие. Одновременно другой рукой Лэнг врезал по горлу противника. Правильно выполненный удар сделал свое дело: незнакомец стал беспомощным, он был слишком занят, пытаясь вдохнуть воздух через разбитую глотку, чтобы сопротивляться.

Но Лэнгу повезло лишь отчасти. Что-то со стуком упало на пол, раздался судорожный, сдавленный вдох, и темная фигура отшатнулась. Лэнг извернулся и, вложив всю массу тела в удар кулака, въехал в солнечное сплетение непрошеного гостя — так, чтобы он сложился пополам, как карманный нож.

Но промазал: удар пришелся по ребрам.

Его противник покачнулся, налетел на стул, на котором сидел Лэнг, и с грохотом повалился на пол.

Лэнг щелкнул выключателем.

Человек, который скреб ногами по полу, с трудом пытаясь подняться, был одет в черные джинсы и черную рубашку, на руках у него были кожаные перчатки. По телосложению примерно такой же, как Лэнг, а возраст было трудно угадать. Лэнг выхватил из-за пояса пистолет и, вцепившись в него обеими руками, наставил на свою жертву:

— Лежать, не двигаться, сука!

Раздался лязгающий звук, словно щелкнула пружина складного ножа. Незнакомец неуклюже рванулся вперед: ноги у него все еще тряслись от побоев Лэнга.

Как матадор, уворачивающийся от быка, Лэнг отскочил в сторону, развернулся и ударил тяжелым оружием

по затылку чужака со всей яростью, что накопилась у него в душе с той ночи, когда погибли Дженет и Джеф. Сейчас ему хотелось разнести череп врага даже больше, чем узнать ответы на вопросы. Пойманный опустился на пол, как марионетка, у которой перерезали веревочки.

Лэнг нажал на запястье врага с такой силой, что пальцы разжались сами собой. Нож выпал и тут же от пинка перелетел через комнату. Продолжая держать пистолет у его головы, Лэнг проверил карманы опасного посетителя.

Ничего. Ни бумажника, ни ключей, ни денег, никаких документов, полное отсутствие каких-либо предметов, удостоверяющих личность пришельца. Профессиональные налетчики никогда не носят с собой предметов, которые могут их выдать.

Даже на воротнике рубашки не было никакого клейма. Но зато на шее висела серебряная цепочка, возможно, даже с прикрепленным к ней медальоном. Лэнг рванул цепь, и она оказалась у него в руке. В этот момент мужчина дернулся и оттолкнул Лэнга, как дикая необъезженная лошадь. Лэнг оказался на коленях и опять наставил браунинг на него.

— Сначала извинись, мразь!

Налетчик поднялся на трясущихся ногах, и его взгляд упал на дверь, находившуюся за спиной Лэнга. Лэнг подумал, что он хочет кинуться на него, сделать попытку выбраться из гостиной. Вместо этого налетчик согнулся и, пошатываясь, побрел к стеклянной двери, которая отделяла гостиную от узкого балкона.

— Эй, постой! Куда? Ты не сможешь...

Но он смог. Со звоном разбив стекло, он бросился через перила. Комната наполнилась осколками. Лэнг слышал, как по улице, на двадцать четыре этажа ниже, проносились машины.

Внизу уже начали собираться люди, шесть или семь человек, они загораживали все тело, кроме нелепо раскинутых ног. Лэнг узнал по униформе ночного постового. Подняв голову кверху, тот показывал пальцем в его сторону. При свете уличных фонарей его рот был разинут, точно большая черная буква «О».

Отойдя от пробитого окна, Лэнг подошел к телефону и набрал 911, но в этот момент полицейская машина уже

с воем мчалась по улице. Он быстро зашел в спальню, убрал браунинг обратно в ящик и поспешил в гостиную, чтобы все проверить. На полу валялись два перевернутых стула, ковер напротив входа был скомкан. Под столом в другом конце комнаты лежал довольно большой складной нож. Прямо перед кушеткой оказался еще один нож, кинжал с изогнутым лезвием и резной рукояткой. Джамбия — оружие, которое кочевые арабы носят за поясом, так же привычно, как западные жители — галстук на шее.

В ту секунду, когда раздался звонок в дверь, взгляд Лэнга упал на какой-то предмет, блестевший в складках ковра.

— Иду! — крикнул Лэнг и нагнулся, чтобы поднять предмет.

Серебряная цепочка. Наверное, она выпала, когда налетчик толкнул Лэнга. На ней болталась подвеска. Тонкий ободок размером с двадцатипятицентовую монету, внутри которого четыре треугольника сходились вершинами в центре. Лэнг никогда не видел ничего подобного, хотя подвеска казалась очень знакомой, возможно, даже что-то напоминала. Но что?

Он положил ее в карман рубашки и открыл дверь. В холле стояли трое мужчин. Двое из них — в форме, третий, жилистый чернокожий человек, был одет в спортивную куртку, из которой он достал удостоверение.

— Франклин Морс, полиция Атланты. Вы Лэнгфорд Рейли?

Лэнг распахнул дверь шире.

— Да, это я. Заходите.

Морс окинул комнату подозрительным взглядом.

— Не хотите рассказать, что здесь произошло?

Лэнг кивнул и закрыл дверь.

— Конечно. Может, присядете?

Морс покачал головой.

— Нет, спасибо. У нас мало времени. Так что же случилось?

Лэнг рассказал обо всем, что случилось, ни словом не обмолвившись о медальоне. Ему не хотелось выдавать единственную зацепку, которая, по его подозрению, служила ключом к разгадке о существовании организации, устраивающей подобные налеты.

Когда он закончил свой рассказ, в дверь постучали, и Морс открыл, впуслав белого мужчину с фотоаппаратом и молодую темнокожую девушку с портфелем в руках. Лэнг изумился: до чего быстро они все очутились в его квартире.

Словно соглашаясь с невидимым собеседником, Морс утвердительно кивнул, глядя на Лэнга.

— Ворвался сюда, вооруженный двумя ножами, и пытался убить вас в этой самой комнате. Так вы говорите, мистер Рейли?

— Да, мне удалось дать отпор.

— Трудно поверить, что ему больше понравилось кончать с собой, чем позволить себя арестовать. Вы уверены, что не использовали джиу-джитсу, чтобы помочь ему вылететь из окна с двадцать четвертого этажа?

Лэнг покачал головой.

— Нет, я ведь уже сказал, что всего лишь выбил нож из его руки. Дал ему по затылку, и он выронил другой нож. Он сам выпрыгнул.

Морс потер подбородок.

— А вы, я смотрю, парень не промах. Где учились боевым искусствам?

— Военно-морские силы, спецназ, — ответил Лэнг. Это была легенда, не поддающаяся проверке. Морс воззрился на него с любопытством.

— «Морские котики», ха! Вы недостаточно старый для отставки.

— Участвовал в операции «Буря в пустыне» в девяностом году. Был ранен: получил пулю недалеко от гавани Эль-Кувейта.

Тем временем полицейские рыскали по всей комнате, проверили мебель, осмотрели поверхность секретера.

— Так, повторим подробности драки, — Морс сверился со своим рабочим блокнотом. — Вы услышали, как кто-то скребется в замке. Затем, вместо того чтобы позвонить 911, стали поджидать, пока он войдет.

Лэнг поправил перевернутый коврик ногой.

— Я уже объяснял вам все. Если бы я начал дозваниваться вместо того, чтобы приготовиться, убийца сейчас был бы здесь, а не на улице.

Глаза Морса снова обшарили комнату.

— Телефон у вас в спальне. Закрылись бы там да и вызвали полицию.

Лэнг хмыкнул, хотя смешного здесь ничего не находил.

— Вы знаете, может, так и следовало поступить, но в прошлом месяце таким образом умер человек: пока он отвечал на вопросы оператора службы 911, у него случился сердечный приступ.

— У вас есть огнестрельное оружие? — поинтересовался детектив.

Внезапная смена темы разговора чуть не выбила у Лэнга почву из-под ног, хотя он и ждал такого поворота событий. Обычная практика для копов Атланты — конфисковать любое стрелковое оружие, которое они сумеют найти, используя любой предлог, который получится изобрести.

— А у вас есть ордер? — незамедлительно отпарировал Лэнг.

Морс вздохнул.

— Вы не только опасный, но и умный сукин сын. Хотите ордер, могу получить.

Он явно задумал блефовать.

— От кого, от волшебника из страны Оз? Вы получите дырку от бублика.

Морс пристально взглянул на него.

— Ладно, храните при себе свою артиллерию. Мы ее во что бы то ни стало отнимать не будем. Вы когда-нибудь раньше встречали этого парня? Не спешите отвечать. Подумайте хорошенько, вспомните.

Лэнг сел на стул, жестом предложив Морсу другой.

— Никогда!

Полицейский уселся и покачал головой.

— Вы уверены? А вам не кажется странным, что неизвестный с трудом проникает в здание, только чтобы убить ни в чем не повинного человека? Вы мне все рассказали?

— Разумеется, — ответил Лэнг. — По крайней мере, я всегда стараюсь действовать в рамках закона.

Морс фыркнул, а потом произнес:

— Вы, наверное, держите меня за дурака, рассказывая, что кто-то пришел, чтобы убить вас просто так? Чего-то вы недоговариваете. Вам известно, что врать полиции считается преступлением?

Рука Лэнга коснулась кармана, где лежала подвеска.

— Вы думаете, я бы стал что-то скрывать?

Морс наклонился вперед.

— А вы и скрываете. Сами знаете что.

Фотограф и женщина с портфелем направились к двери.

Лэнг подошел и открыл ее.

— Детектив, я считаю своим долгом сотрудничать с полицией. — Он протянул руку. — Рад был познакомиться, хотя не могу сказать, что приятно встречаться при таких обстоятельствах.

— Возможно, мы еще вернемся.

— Прошу в любое время.

5

Атланта

Позднее в ту же ночь

Лэнг был слишком возбужден, чтобы заснуть. Его мысли словно мчались по замкнутому кругу, снова и снова возвращаясь к только что минувшим событиям.

Была ли подвеска ключом к разгадке или это просто украшение, которое носил преступник? Сам того не замечая, Лэнг отрицательно покачал головой. Человек, который не носит с собой даже бумажника, вряд ли наденет простую побрякушку.

И он не один. Одиночка не станет крутлые сутки тратить на слежку и красть взрывчатку с военных объектов.

Но неужели какая-то копия с картины не самого знаменитого художника стоит жизни ее владельцев? Кто бы ни были эти люди, они — фанатики, готовые на смерть ради цели, которой Лэнг просто не понимал.

Все это было слишком противоестественно. Возможно, тут действуют сумасшедшие, какие-то психопаты, у которых свои причины ненавидеть эту картину и любого, кто к ней прикасается.

Теперь Лэнг чувствовал себя готовым на все, лишь бы выяснить, кто они такие. Если существует организация — еще какие-то люди, кроме тела на тротуаре, убийцы, погубившие Дженет и Джефа, — он должен это узнать или придется оглядываться через плечо всю оставшуюся жизнь. И, судя по их жестокости, оглядываться не долго.

Лэнг не очень хорошо представлял себе, с чего начать, но ясно понимал, что ответы на все вопросы нужно искать не в Атланте.

Видимо, ему понадобится небольшой отпуск. На работе он должен предупредить Сару, что примерно месяц будет отсутствовать. Только не говорить, куда он направляется. Хотя какая разница, он и сам точно не знает.

Он не представлял, что должен искать или кого. Для чего предназначена картина? Что символизирует подвеска? Не сомневался лишь в одном: вендетта началась.

Тамплиеры

Гибель ордена

По рассказу Пьетро Сицилийского
Перевод со средневековой латыни
на современный английский язык
Найджела Вульфа

1

Крест и меч

Кроваво-красный крест на его плаще был вытянут наподобие огромного двуручного меча. А крест, который он хранил на шее, был совсем невелик — четыре треугольника в серебряном кружке.

Но я нарушил последовательность событий, спеша оставить свои последние записи, и теперь возвращаюсь к самому началу.

Я, Пьетро Сицилийский, пишу все это в год 1310 от Рождества Христова¹, спустя три года после моего заключения под стражу, после того, как оклеветали моих братьев из ордена бедных рыцарей Храма Соломонова, и после выхода папской буллы *Pastoralis praeeminentia*, повелевающей всем христианским монахам завладеть нашими землями, нашим имуществом и всем другим добром и подписанной именем Его Святейшества Климента V.

В прошлые времена написать о себе было бы для меня гордыней, грехом в главах Вожиных. Теперь я не уверен, что это грех и даже, спасите меня небеса от богохульства, что Господь есть вообще.

События, кои привели меня к отступничеству, я излагаю не потому, что я, смиренный слуга Господа, заслуживаю известности, но потому, что наблюдал их и видел людей, которые способствовали ниспровержению моих братьев.

Хоть это и неважно, сообщу, что родился я в семье крепостного, принадлежавшего небогатому сицилийскому сеньору, в четвертый год правления Иакова II Драгонского, короля Сицилии². Я был самым младшим из шестерых детей, и при родах моя мать умерла. Отец не мог содержать семью и отдал младенца монахам-бенедиктинцам, чтобы они прирели меня, воспитали в вере и научили тому ремеслу, которое изберут по воле Господа.

¹ Здесь и далее см. примечания Найджела Вульфа на с. 58.

Монастырь получал весьма большое подаяние, поскольку располагался близко к городу — настолько близко, что были видны три башни нового замка, построенного на руинах, оставленных варварами. Как и во всех монастырях, наши наставники воспитывали нас быть милосердными и нести душевное тепло беднякам.

Мне преподавали знания, которые неведомы крепостным: чтение и письмо, латинский и франкский языки, а также математику. В последней науке я, с Вожией помощью, даже преуспел. Мне шел двенадцатый год, когда я стал келарем³: считал оливки и виноград, выпеченный хлеб, скудные пожертвования от мирян, находивших успокоение в наших молитвах, и даже количество глиняной посуды, обожженной в печи.

Тем же летом подошло к концу мое послушничество⁴, и я стал полноправным членом нашей семьи. Если бы я не поддавался греху тщеславия, я бы до сих пор жил там и не столкнулся с жестокой судьбой, которая поджидала меня.

Стоял август месяц, когда я впервые увидел его, Гильома де Пуатье, рыцаря на великолепном белом коне. Это был самый красивый человек, которого я когда-либо встречал. Я собирал овечий навоз за стенами монастыря, чтобы удобрить овощи, растущие в огороде, поднял голову и увидел его.

Несмотря на жаркий день, он был полностью облачен в доспехи, даже кольчуга⁵ виднелась из-под развивающегося белого плаща с двумя крестами цвета крови — на груди и на спине. Это означало, что он побывал в Святой земле, а ныне вернулся оттуда. Судя по его одеянию, он принадлежал к ордену бедных рыцарей Храма Соломонова — самых грозных и благочестивых воинов Церкви.

На левом бедре у него висел диковинный длинный кинжал с загнутым на конце лезвием, которое было шире, чем рукоятка. Как я узнал впоследствии, это было оружие язычников-сарацинов. Справа висел очень короткий нож.

Оруженосец, едущий верхом на осле, вел за собой двух могучих коней, самых огромных живых тварей из всех, что я когда-либо видел. За спиной у рыцаря находились длинный обоюдоострый меч и турецкая булава, и еще треугольный щит, украшенный крестом, на сей раз почти квадратным.

Я наблюдал, как он въехал в открытые ворота монастыря, а потом спрыгнул с лошади и опустился на колени перед нашим бедным настоятелем, словно перед самим Папой Римским. Он испросил ночлега и еды для своего слуги и животных. Для себя он просил в последнюю очередь.

Когда он, коленопреклоненный, обращался с мольбой, я заметил, что волосы у него длинные и давно не мытые, доспехи начали

покрываться ржавчиной, а одежда вся запыхалась. Как я позже узнал, он много путешествовал. Он пережил падение Акра, последнего христианского города в Святой земле. Это случилось несколько лет назад, через год после моего рождения. Вместе с обитателями Яффы, Тира, Сидона и Аскалона оставшиеся в живых братья во главе с Великим магистром Тибальдом Гудини отправились в плавание на венецианских кораблях, везя с собой сокровища и реликвии, которыми владел орден.

Гильом ждал на Кипре благословения от Бонифация VIII, надеясь, что когда-нибудь Господу будет угодно вновь послать рыцарей, чтобы очистить Иерусалим от мусульман⁶. Когда стало ясно, что это случится не скоро, он решил вернуться в свой монастырь в Бургундии.

Рискуя впасть в грех зависти, я решил встать рядом с ним на вечерней молитве, чтобы еще раз с восхищением разглядеть одеяние, которое уже описывал. Хотя в полумраке это было почти невозможно, я заметил темное пятно у него на лице и шрам в форме звезды на шее. То был след от стрелы азычника. Об этом ранении, а также о том, как ему благодаря милости Божией удалось выжить, он рассказывал мне впоследствии.

Потом я увидел круглый серебряный ободок, окружающий фигуру, которую я сначала принял за четыре треугольника. Уже потом он объяснил мне, что треугольники — это равные стороны креста тамплиеров, что символизирует Святое Распятие и равенство всех братьев Храма Соломонова. Единственное украшение, которое дозволялось носить членам ордена.

Он заметил мое любопытство, после молитвы дотронулся до шрама и произнес: «Только слабый убивает с расстояния, юный брат. Рыцари заглядывают в души своих врагов».

— В души? — с любопытством спросил я. — А разве у мусульман, проклятых Богом, есть души?

Он рассмеялся, чем привлек внимание брата Лоренцо, благочестивого человека и настоятеля монастыря.

— Он человек, юный брат. И не забывай: цифры, что ты используешь в своих вычислениях вместо римских букв, пришли от мусульман. Он достойный враг. А сейчас захватил все заморье, вытеснив христиан.

Брат Лоренцо даже не пытался скрывать, что слушает разговор. Я успел разгневать его, так как полное молчание и погруженность в раздумья после вечерней службы — непреложное правило. Я уже понял, что мне не избежать наказания за святотатство, и поэтому ответил:

— Но, конечно же, Церковь Христова в конце концов восторжествует.

Гильом снова засмеялся, к большому неудовольствию настоятеля. Смех, будучи богатством, от которого мы все отреклись, нечисто звучал в стенах нашей обители.

— Беда не в Церкви Христовой, а в христианских королях и принцах. Они сражаются друг с другом вместо того, чтобы объединяться против неверных. Их больше тревожит власть соперников, чем господство мусульман на родине Иисуса. — При этих словах он быстро перекрестился. — Многие короли боятся нас, бедных рыцарей Храма.

Если бы я тогда слушал не столь внимательно, впитывая каждое слово, меня бы миновала страшная участь.

Должен сознаться, что впал в грех гордыни, когда этот отважный рыцарь, который так доблестно служил Христу, удостоил меня своим вниманием даже больше, чем самого настоятеля, составив мне компанию за вечерней трапезой. Преклонив колена перед распятием, чтобы вознести благодарность, я чувствовал, что ко мне прикованы все взгляды.

Наш гость взглянул в плошку с кашей, и на лице у него появилось отвращение.

— Она без мяса? — спросил он, перебив читающих молитву?

В комнате наступила тишина, настолько мы были потрясены, что не принц и не аристократ ожидал увидеть мясо, а тем более посреди недели после службы. Настоятель был человеком почтенного возраста, и голос его дребезжал, с трудом пробиваясь сквозь тяжелое дыхание.

Он кашлянул, сделав усилие, чтобы его слышали с помоста, где он делал стол с другими старшими братьями.

— Добрый человек, — произнес он, — последней пищей Христа были только хлеб и вино. Насколько питательней эта еда? Будь благодарен за нее, ведь некоторым не доведется съесть и этого простого ужина.

И вновь Гильом рассмеялся, подняв глиняную чашу, наполненную вином.

— Ты прав, добрый аббат! Я благодарен за пищу и за гостеприимство, с которым ты принял бедного рыцаря, возвращающегося со службы Христу.

Успокоившись, старый настоятель продолжал есть кашу, которую в то время мы ели чаще всего.

Не поднимая глаз от своей плошки, рыцарь пробормотал, обращаясь ко мне:

— Я не надеялся, что ради меня заколят тучного телца, но даже ленивец способен поставить ловушку на зайца, а косулю в адских лесах я видел бесчисленное множество.

завороженный его словами и заслуживая этим побоев — если не за кощунство, то за наглость, — я спросил:

— А вы, храмовники, можете съесть зайца или косулю на ужин посреди недели?

— Не только на ужин, но и на обед. А еще говядину или поросенка. Такая еда не повредит телу человека.

— Но она повредит душе, — прошептал брат, сидевший напротив. Гильом отодвинул миску, едва к ней притронувшись. Только богач мог так пренебрегать едой. Или глупец.

После ужина правила требовали вернуться в часовню для исповеди, а потом разойтись по кельям для молитвы перед последней службой⁸. Меня освободили на вечер, так как оставались дела в счетной комнате. Ближился урожай оливок, и надо было подсчитать, сколько *boivac*⁹ требуется выжать, чтобы получить масло на продажу.

Я только закончила черновые подсчеты на грифельной доске и собирался перенести цифры на овечий пергамент, как вдруг почувствовал присутствие Гильома.

Он улыбнулся, показав отличные зубы, и, подойдя, бросил взгляд на надписи через мое плечо.

— Ты разбавляешься в них — в этих языческих цифрах?

Я кивнул.

— А вы разве нет?

Он, нахмурясь, посмотрел на них, склоняя голову то так, то этак.

— Зачем рыцарям буквы и цифры? Они не монахи.

— Но вы же член монашеского ордена!

Снова раздался смех.

— Твоя правда, но особого ордена. Ты видишь, я не ношу сутану, которая смердит и кишит паразитами. Меня омывает пыль дорог. Рыцари Храма не похожи на других монахов.

— И, конечно, вы не станете по наказу Господа нашего подставлять другую щеку, — проговорил я с противоестественной дерзостью.

— А также я не считаю, что кроткие наследуют землю. И вообще не верю, что Господь говорил подобные вещи. Это лицемерие, лживая догма, нужная, чтобы удерживать в повиновении крепостных и вассалов.

— Повиновение, — заметил я, — один из основных обетов нашего ордена.

— И без него воцарится хаос, — ответил Гильом. — Армия, которая не желает подчиняться единому приказу, никогда не одолеет врага. Я сожалею о кротости, а не о повиновении.

Я немного успокоился.

— Ты не только цифры, но и письменный язык понимаешь?

— Если это латынь или франкский и написано отчетливо, — ответил я скромно.

Казалось, он на мгновение задумался.

— Ты еще не давал последнего обета?

Я понятия не имел, зачем он задал такой вопрос, но ответил со всей честностью:

— Нет, не давал.

— Моему ордену нужны такие люди, как ты.

Я был поражен.

— Но я не благородного происхождения и никогда не держал в руках меча.

— Ты не понимаешь. У всех молодых рыцарей есть наставники. В каждом храме должны быть братья, которые умеют считать деньги и продукты, читать и писать. С этой ролью ты справишься великолепно. Поехали со мной в Бургундию.

С тем же успехом он мог предложить мне отправиться на Луну. Я никогда не отъезжал от того места, где сидел сейчас, дальше, чем на расстояние одного дня пути.

— Я не могу, — ответил я. — Мои братья нуждаются во мне, и я должен выполнять работу, угодную Господу.

Не вполне благочестивая улыбка тронула его губы.

— Я уже понял, что Бог обычно получает то, чего Он хочет, и здесь все усилия человека тщетны. Я предлагаю тебе есть трижды в день, причем два раза — мясо. Ты никогда не будешь ощущать голода. Ты будешь спать в чистой постели, носить свежую одежду без вшей, блох и клещей. Ты будешь жить, как никогда и мечтать не мог. Или можешь остаться здесь, в грязи и голоде. Сравни. А служить Господу ты будешь в любом случае.

Я лишился дара речи и ничего не мог ответить. Я молил Всевышнего наставить меня и помочь принять правильное решение и чувствовал, что Он велит мне остаться. Но, как многим молодым людям, мысль о такой роскоши вскружила мне голову — слишком велико было искушение.

— Я уезжаю сразу после заутрени¹⁰, — сказал рыцарь. — Ты можешь ехать на ослике по очереди с моим оруженосцем, а можешь остаться здесь и служить Господу, но только в грязи.

На следующее утро я покинул свой единственный дом, который помнил, келью, в которой умещался лишь соломенный тюфяк и с таким низким потолком, что в ней едва можно было выпрямиться в полный рост¹¹. Так как взять с собой мне было нечего, я отправился, в чем есть. Я оставил бедную жизнь, к которой привык с детства.

Примечания Найджела Вульфа

¹ Все даты были переведены на григорианский календарь для удобства читателя.

² В 1290 году.

³ Эконом, заведующий монастырским хозяйством.

⁴ Это слово Пьетро написал на средневековом латинском — *poviciatus*. Оно означало место, где обучались новички.

⁵ Длиннорукавная кольчуга с капюшоном и рукавицами. Описание полной экипировки тамплиера можно найти во Французском сводном Уставе. В добавление к предметам, которые упомянул Пьетро, она включала в себя шлем (*heaume*) и доспехи, защищающие руки и ноги: наплечники (*espalliers*), военные башмаки (*souliers d'armers*) и т.д.

⁶ Иерусалим пал от нашествия мамлюкского султана Бейбарса в 1243 году.

⁷ Библию читали перед каждой трапезой.

⁸ Последняя молитва за день, обычно проводимая перед сном.

⁹ Это франкское слово произошло от английского *bushel* — бушель (мера объема — 36,3 л.)

¹⁰ Ранняя утренняя месса, обычно около 5 часов. Самая первая из всех дневных служб.

¹¹ Многие монастырские кельи были намеренно построены таким образом, чтобы монах всегда склонялся, заходя внутрь, и тем самым не забывал о своем целомудрии и добродетели.

Глава 1

Даллас, Техас
На следующий день

энг ненавидел летать. Пристегнутый ремнями в пассажирском кресле, он чувствовал себя беспомощным и потерявшим контроль над ситуацией.

С хмурым видом он сидел в зале ожидания у выхода 22 в терминале Американских авиалиний и наблюдал за мужчиной и маленьким мальчиком, расположившимся неподалеку.

Мужчина, по виду сорока с небольшим лет, с легкой проседью в волосах, немного полноватый, относился к тому разряду людей, на которых в переполненной комнате просто не обратишь внимания — типаж, на который Лэнг научился обращать внимание в первую очередь. Мальчик был светло-волосый, лет четырех-пяти и внешне совершенно не похож на мужчину. Однако ребенок — хорошее прикрытие. Кто-то чертовски умен.

Сперва Лэнг не придавал им особого значения, когда мужчина, запыхавшись, пробился к кассе «Дельта-авиалиний» в Атланте и купил билеты, объясняя, что он непременно должен лететь этим рейсом, у него семейные обстоятельства.

Семейные обстоятельства где?

По кредитной карте Лэнг забронировал билет на Даллас, а потом в кассе за наличные и по фальшивому паспорту купил место из Далласа до Форт-Лодердейла. Из Лодердейла он планировал добраться на такси до международного аэропорта в Майами,

а уже оттуда вылететь в Рим. Окольный маршрут нужен был, чтобы оторваться от вероятного хвоста.

В Атланте мужчина с мальчиком выглядели как обыкновенные попутчики. Когда в Далласе они уселись на тот же трамвай, чтобы перебраться из одного аэропорта в другой, Лэнг насторожился. И наконец, желтый рюкзак мальчика вновь привлек к себе его внимание, когда они проходили через ворота на рейс до Лодердейла.

Лететь из Атланты в Лодердейл через Даллас — это было странно.

Лэнг следил за мужчиной, когда он зашел в кабину телефона-автомата, без сомнений, чтобы предупредить кого-то из своих сообщников во Флориде. Он воспользовался таксофоном, а не сотовым, что могло означать одно из двух: либо он единственный человек в Америке, у которого до сих пор нет мобильного, либо он хочет сохранить свой звонок в тайне. Лэнг притворился, что с интересом наблюдает за взлетным полем через огромное окно, находившееся как раз рядом с телефонными кабинами. Из такого положения он мог слышать каждое слово. Но человек пристально посмотрел на него и повесил трубку, не попрощавшись.

Когда мужчина повел малыша в уборную, Лэнг подошел к киоску и купил газету «США сегодня». Затем проглядел сладости, выбрав три упаковки пирожков на мятном масле. После чего проследовал в туалет и закрылся в кабинке. Можно было подумать, что он там засел и читает статью.

Лэнгу требовалось лишь немного везения, чтобы мужчина не успел сделать еще один звонок до того, как он вернется.

Возвратясь в зал ожидания, Лэнг огляделся, пытаясь найти место, куда присесть. Он выбрал кресло рядом с ребенком, игравшим в «Гейм-бой». Немного пододвинув ботинком рюкзак малыша, Лэнг уселся так, что ребенок оказался между ним и своим компаньоном, а затем повернулся к мальчику всем корпусом, при этом слегка загордив рюкзак ногой.

— Во что играем? — поинтересовался Лэнг.

Малыш нисколько не смутился от внимания незнакомца.

— В «Ин-иг-му», — ответил он, не поднимая головы.

Лэнг взглянул на маленький экран.

— А как в это играть? — спросил он с наивным видом.

Он внимательно выслушал объяснение, удивившись, насколько толково рассуждает ребенок столь нежного возраста.

— Наверное, в эту игру интереснее играть вдвоем, — предположил Лэнг.

— Очень любезно с вашей стороны, мистер, — услышал он голос мужчины, — но не стоит...

Лэнг не распознал акцента, однако этот человек явно не из Атланты.

— А мне хочется! — заявил Лэнг. — Он напоминает мне моего сына. — Он страдальчески сморщил лицо. — Ему было примерно столько же, когда он умер от лейкемии.

Глаза блондинки, сидевшей в кресле напротив, немедленно увлажнились.

— Можно мне? — протянул Лэнг руку.

Ребенок доверчиво посмотрел на дяденьку и отдал игрушку.

— Ой! — Лэнг ее выронил.

Наклонившись под сиденье, чтобы поднять маленькую электронную коробочку, он что-то незаметно вытянул из-под брючины. Потом вдруг резко выпрямился и ткнул пальцем в конец вестибюля, за спины сидевших.

— Это кто, неужели Мэл Гибсон?

Все головы повернулись в указанном направлении. Ловким движением Лэнг сунул предмет в рюкзак и уткнулся в «Гейм-бой».

— Кажется, я ошибся, — признался он застенчиво. — Покажи мне еще разок, на что тут нажимать.

Лэнг азартно молотил по кнопкам, когда объявили посадку.

Как пассажир первого класса, он прошел в самое начало очереди. Предъявляя билет работнице аэропорта, наклонился к ней и что-то проговорил тихим голосом. Она отшатнулась, как будто ей сделали непристойное предложение, поспешила доверить проверку билетов одному из своих коллег и быстро убежала.

Лэнг помахал маленькому мальчику и ступил на трап.

Потягивая скотч, он нашел свое место, указанное в билете. Какая-то женщина сунула сумку в отсек для ручной клади над головой и уселась рядом с ним. Она была одета в деловой костюм — строгий серый пиджак и узкую юбку. Из косметики на лице только помада и чуть-чуть румян.

Пепельные волосы собраны сзади под шиньон и скреплены черепаховым гребнем. На указательном пальце сверкало бриллиантовое кольцо, которое сочли бы вульгарным где угодно, пожалуй, кроме Техаса. Она была молода, двадцати с небольшим лет, но запыхалась, точно восьмидесятилетняя старушка, преодолевшая третий лестничный пролет.

Лэнг улыбнулся ей, поставив стакан.

— Такое впечатление, что вы бежали стометровку.

Она тяжело выдохнула:

— Я думала... они отменят рейс... а мне необходимо, просто необходимо попасть в Форт-Лодердейл во что бы то ни стало.

Удивлению Лэнга не было предела.

— Отменят рейс?

Несколько тонких, как солома, прядей выбились из-под заколки, когда она утвердительно тряхнула головой.

— Один мужик пытался пронести пистолет на борт.

— Не может быть!

— Да, в рюкзаке своего сына. Кто-то предупредил охрану, заметив что-то неладное. Представляете, прямо в детском рюкзачке.

Лэнг ахнул в изумлении:

— Вы его видели, этот пистолет?

— Нет, сотрудники службы безопасности увели мужчину в участок, сказав, что собираются проверить детскую сумку. Я думаю, боялись, как бы он не начал палить во всех подряд. Честно говоря, мне так жаль малыша!

Лэнг сочувственно развел руками.

— Какая подлость — втягивать ребенка в подобные дела.

В этот момент он заметил, что ему под ногти забился шоколад. Наверное, он туда попал, когда Лэнг сидел в кабинке, разминая в ладонях пирожки, чтобы потом слепить их в мягкий ком, придать ему Г-образную форму пистолета и обернуть свое творение жестяной фольгой, великолепно отражающей рентгеновские лучи.

Слежка это была или не слежка, их удалось обвести вокруг пальца.

— Думаю, у меня еще осталось немного времени, чтобы вымыть руки, пока нас не заставили пристегнуться ремнями. Надеюсь, полет пройдет без приключений. — И Лэнг ободряюще улыбнулся соседке.

Глава

2

1

Аэропорт им. Леонардо да Винчи

Рим

На следующее утро

омытый и заспанный, Лэнг выбрался из самолета, с наслаждением окунувшись в прохладу весеннего утра после утомительного перелета. Таким облегчением было выйти наружу, хотя запах топлива и бил в нос. С высоты трапа он увидел автобусы, ползающие по полю аэропорта Леонардо да Винчи, точно жуки по поверхности озера. Деревья, растущие вдоль аэропорта вдалеке, окутывало серое кружево смога.

Черета автобусов, пыхтя, подъезжала к остановке, и пассажиры по одному залезали внутрь. По каким-то причинам, столь же таинственным, как Пуссен, итальянцы редко использовали управляемые бортовые мосты, позволяющие пассажирам попадать сразу с борта самолета в терминал. Лэнг подозревал, что у владельца автобусного парка были хорошие связи.

В прежние времена аэропорт Рима частенько подавал повод для шуток. Но теперь всякое злословие осталось позади. Белые бетонные плиты, обтекаемые углы и окна из затененного стекла придавали международному терминалу немного морской вид. Внутри ожидал еще один сюрприз. Лифты, эскалаторы и лестницы тоже были новые, хотя, как и раньше, в их направлении царил полная неразбериха.

Под скучающим взглядом таможенников, стоящих на никак не обозначенном выходе, Лэнг предъявил паспорт для мимолетной проверки, а затем ныр-

нул в первый подвернувшийся туалет — и потому, что надо было, и для того, чтобы проверить, кто из пассажиров его рейса последует за ним.

Никого.

Открыв сумку, он сменил джинсы «Левис» и рубашку на пуговицах на джинсы французского производства и рубашку итальянского пошива. Место кожаных туфель заняли европейские сандалии с темными носками — европейцы настаивают, что носки надо носить непременно черные или очень темные. В зеркале, забрызганном лаком для волос, отразился непривычный образ европейца.

Обмен долларов на евро в аэропорту оказался просто разорительным. И все же пришлось купить немного евро, чтобы проследить, не задержится ли поблизости чья-нибудь знакомая физиономия, пока счетная машина занимается своим вымогательством.

Вместе с дрейфующей толпой он оказался на железнодорожной станции — это было единственное место, совершенно не изменившееся со времени его последнего приезда. Под навесной крышей — четыре пути и небольшая аркада. Он купил чашку кофе-эспрессо у пожилой женщины и билет, а потом сел ждать поезд на Рим. Кофе подействовал, и перед дорогой Лэнг немного взбодрился.

Поезд оказался новенький, как и сам аэропорт. Удобные сиденья, обтянутые синей тканью приятного оттенка, заменили грязный потрескавшийся винил. Вместо маленьких грязных окошек и тесного прохода теперь по обе стороны просторного вагона через стекла открывалась великолепная панорама.

Дорога на Рим не изменилась. Сельская местность, повсюду развалины замков и арки, готовые в любую минуту рухнуть на землю, алебастровые статуи, оставшиеся в наследство от знаменитого прошлого. В конце концов, это был Рим, Вечный город.

Когда они ехали здесь вместе с Дон, она от всего приходила в болезненное возбуждение. Ее бесила каждая новая скучная остановка. Она радовалась каждой прожитой минуте, ловила впечатление от мельчайших деталей. Сейчас он видел ее не в современном вагоне, а в старом: как она сидит на прежних виниловых сиденьях, то и дело поглядывая на итальянцев-попутчиков и выворачивая шею, лишь бы удостовериться, что она ничего не пропустила из

промышленных пригородов Рима. За все сорок пять минут, которые длилась поездка, ее восхищение незнакомой страной ничуть не уменьшилось.

Потом она говорила, что даже запахи в заполненном людьми вагоне показались ей экзотическими. Хотя любовью содрогнется от аромата полусотни немытых тел, перемешанного с запахом чеснока и туалетной воды.

Дон...

Они остановились в крошечном отеле. Тогда город казался таким романтическим, очаровывающим, полным приключений на каждом шагу. Сейчас Лэнг видел одни людские толпы да грязь, свойственную всем большим городам, — место, наполненное болезненными воспоминаниями.

Поезд приблизился к конечной станции Тибуртина, и он вернулся к реальности. Где остановиться? По зрелом размышлении Лэнг решил, что места, где они были так счастливы с Дон, — слишком уж «туристические», его ничего не стоит там выследить. Разумеется, как и в больших отелях «Хасслер» и «Эден», где чаще всего селятся американцы. Множество небольших гостиниц располагалось вдоль останков северной стены. Здесь предлагали номера по скромным ценам с видом на городскую сад. Нет, это никуда не годится! Постоянные посетители: туристы и командировочные, студенты, академики и просто вольные путешественники. Еще хуже было то, что эти здания находились по соседству с американским посольством, а потому велик риск натолкнуться на кого-нибудь из старых знакомых. Только не хватало случайно с кем-нибудь из них встретиться. Лишние вопросы совершенно ни к чему.

Лэнг искал район, где иностранца редко встретишь, место, где при надобности он сумеет легко затеряться. Был ряд неплохих маленьких гостиниц, тянувшихся вдоль улицы Виа Дель Корсо. Здесь останавливались продавцы «Армани» из Милана и коммивояжеры, торгующие венецианским стеклом, которые предлагали свой товар магазинам, расположенным в этом шикарном торговом районе Европы.

И все же, когда поезд, вздрогнув, остановился, он решил выбрать Траставере. Лэнг помнил его еще с тех пор, как они отдыхали здесь с Дон. Как и другие районы, отсе-

ченные от основной части города рекой, Транставере считал себя особым местом — более римским, чем сам Рим. Точно так же бруклинцы гордятся тем, что они и есть настоящие ньюйоркцы, а жители Рив Гош считают себя истинными парижанами.

Лэнг находил особый шарм в истории Траставере. В шестнадцатом веке это был римский «город мастеров» — округа, где жили ремесленники, которые строили соборы, разрисовывали их фресками и украшали лепниной. Здесь останавливались и Микеланджело, и Леонардо да Винчи. В настоящее время тут был рай для богемы — дом безработных музыкантов и артистов, подыскивающих себе продюсеров.

Как-то на одной из площадей Траставере Лэнг зашел в trattoria и заказал себе пасту. Еда оказалась чудовищной, внутреннее убранство помещения еще хуже: на стенах висели фотографии двух американских кумиров — Фрэнка Синатры и Сталлоне. Пианист наигрывал американские мелодии пятидесятых. Лэнгу и в голову не пришло привести сюда Дон. За дверью соседнего домика располагался пансион: несколько комнат для постояльцев, конечно, без намека на роскошь, какую непременно потребовал бы американец.

То что надо!

Он совсем немного говорил по-итальянски, в основном употребляя фразы из разговорника для туристов. Мог спросить, сколько чего стоит, или пожаловаться на персонал отеля. Да еще универсальное «prego», которое могло означать что угодно от «побыстрее» до «милости просим». К сожалению, его латынь могла здесь пригодиться не больше, чем язык Чосера в современной Америке. Скажем, вот этот таксист, водитель «опеля», который вез его с железнодорожной станции, с итальянским был вообще почти незнаком. Хорошее знание Рима, подкрепленное самыми общими фразами и жестикულიацией, помогало ему без труда понимать, куда хочет попасть пассажир.

Перекрестки без светофоров взвинчивали уровень тестостерона в крови до немыслимых показателей. Улочки, по которым они ехали, годились скорее для велосипедистов, любые автомобили выглядели на них слишком громоздкими. От безысходности Лэнг закрыл глаза, чтобы не

видеть происходящего вокруг, и, крепко держась, молился римскому богу Меркурию, хранителю путешественников на опасных дорогах.

Внезапно машину дернуло, и Лэнг едва со всей силы не стукнулся о стекло. Потом за своей спиной он услышал нескончаемый поток итальянских ругательств и открыл глаза. Машина стояла на мосту Понте Палатино. Внизу в своей бетонной тюрьме апатично хлопал тускло-зеленый Тибр.

Лэнг вспомнил, что говорила Дон: в отличие от Парижа, Лондона, даже Будапешта, в отношении собственной реки Рим показывает себя не с лучшей стороны. Тибр — это городские задворки, утверждала она. Скучное место, на которое не выходит фасадом ни одно интересное здание. Античный, средневековый, современный Рим находится далеко отсюда. Как это часто случалось, она высказала мысль Лэнга, которую он не мог до конца сформулировать. И это была еще одна причина, почему ее уход оставил такую пустоту в его жизни, брешь, которую он когда-нибудь сумеет залатать.

Впереди в море коричневого смога плавал собор Святого Петра.

Но вот поворот направо — и вместо реки потянулись трех- и четырехэтажные здания, оштукатуренные в розовый цвет. Он узнал Пьяцца Санта-Мария ди Траставера по ее церкви в романском стиле. На маленькой площади толклись бабушки с детскими колясками и мужчины, разгружающие машины. Мужики были помятого вида, точно пьяные, и работали они неохотно, зевали, словно еще не пришли в себя после вчерашнего. Но вечерняя темнота прогонит по домам детей и стариков, и тогда их место займут джазовые музыканты, мимы и свингующая молодежь. По ночам эта площадь превращалась в Бурбон-стрит, Лефт-Бэнк — самое модное место в городе.

«Опель» стремительно промчался по аллее, где почти не было людей, и остановился в глухом месте. Убогие здания впритык стояли на маленькой площади, вымощенной камнями, точно и сотен лет не проходило. Тени от домов придавали ей зловещий вид, и казалось, утренний свет проникнет сюда еще нескоро.

Выйдя из такси, Лэнг заплатил водителю и пересек площадь, гадая, почему он не выбрал района получше. Траттория, которую он помнил, еще не открылась. Зато

на дверях соседнего дома висело объявление, гласившее, что в пансионе есть свободные места. Лэнг дважды ударил в дверь огромным латунным кольцом и услышал, как внутри закрутились замки — один, другой, третий, — и только потом дверь, висевшая на железных петлях, с грохотом открылась.

Лэнг уже успел позабыть об этих мощных затворах. Наверное, в городе то и дело происходили ограбления, а может быть, его жителям просто нравилось запирать двери на замки. Было что-то необычное в том, что двери на ночь так надежно закрывались, да еще у каждой комнаты было по два, по три замка.

— Si?*

В проеме возник старик — такой маленький и щедедушный, что дверь рядом с ним выглядела просто гигантской.

— Una camera? — спросил Лэнг. — Комната?

Старик смерил Лэнга пытливым взглядом. Лэнгу этот взгляд был хорошо знаком. Владелец гостиницы пытался угадать, сколько незнакомец сможет заплатить за номер. Отступив на шаг назад, хозяин жестом пригласил гостя войти.

— Una camera? Si**.

Лэнг попытался сгладить свой американский акцент.

— Con Banga? С душем?

Видимо, старик решил, что перед ним один из его обычных клиентов: студент, путешествующий бедняк. Он покачал головой. Нет, комната без душа. «Но пройдемте со мной», — показал он жестом.

Лэнг последовал за ним по темной лестнице, затем по коридору и наконец вошел в открытую дверь. Внутри была меблировка, какую Лэнг и ожидал увидеть: двуспальная кровать, сверху лежат свернутые простыни и подушки; у противоположной стены — комод, его дверцы, подделка под дерево, прожжены сигаретой. Над ним зеркало в пластмассовой раме. Пройдя по комнате, Лэнг подошел к единственному окну и был приятно поражен, увидев внутренний дворик — один из римских закоулков, скрытых от шума и грязи улиц. Во дворике были разбиты грядки, что совершенно в итальянском духе. Хотя стоял всего лишь апрель, сочные помидоры гроздьями свисали с толстых веток. Некоторые уже даже перезрели. Росла

* Да? (итал.).

** Комната? Да (итал.).

зелень, в которой Лэнг признал базилик и кориандр, без которых не обходится ни один итальянский огород.

Старик так быстро тараторил, что Лэнг никак не мог понять, чего он хочет. Наконец до него дошло, что хозяин описывает удобства, которые есть в комнате.

— Non parlo Italiano*, — произнес Лэнг грустно, как о самой большой потере в своей жизни. — Sprechen Sie Deutsch**?

Лэнг перешел на немецкий, потому что его раздражение из-за собственной слабости в итальянском языке достигло предела. После стольких лет, проведенных в Бонне, Франкфурте и Мюнхене, общаться на немецком ему было куда как легче. Существовали и другие причины, по которым Лэнг предпочитал этот язык.

Старик покачал головой, словно заново оценивая гостя. Лэнг догадался, что он достаточно стар и помнит войну, Ось зла, Гитлера и Муссолини. Итальянцы не находят ничего противоестественного в том, чтобы признавать Дуче строителем дорог, единственным правителем, при котором поезда не опаздывали, и в то же время возлагать вину за разорение их страны на Гитлера. Разгром фашизма отмечается каждый год в апреле, и праздник называется Днем освобождения. Существует лицемерное мнение, что сам народ не имел никакого отношения ко Второй мировой войне. Правда это или нет, но старый хозяин гостиницы не захотел признавать, что понимает язык бывшего угнетателя своей страны.

Ни исторический пересмотр Оруэлла***, ни возникший недавно общий рынок не ослабили трепета, с которым итальянцы относятся к немцам. Тевтонские поезда прибывают с точностью до секунды; у них надежные автомобили и стабильное правительство. Немцы совсем не как итальянцы.

Отдельный разговор — нежелание немцев торговаться, хотя ни одна покупка итальянца без этого не обходится. Лэнг увидел разочарование в глазах пожилого человека, когда он вышел в коридор, чтобы показать Лэнгу

* Не говорю по-итальянски. (итал.).

** Вы говорите по-немецки? (нем.).

*** Джордж Оруэлл — английский писатель, создавший известный роман «1984», в котором предсказал победу тоталитарного мышления в мире.

самое большое достоинство комнаты — душ рядом с номером. Лэнг жестом отклонил предложение зайти и взглянуть, как работает техника. Он повидал достаточно ванных комнат и твердо знал, что будет стоя мыться под душем и ни за что не сядет в ванну, которую моют раз в неделю.

Лэнг кивнул, он был согласен снять номер.

— Оплата каждый день?

— Да.

Трактирщик назвал сумму, расстроившись, когда Лэнг никак не отреагировал, — значит, продешевил. И протянул руку за паспортом. Как почти во всех европейских странах, в Италии требуют, чтобы учреждения, сдающие комнаты на ночь, записывали данные постояльцев. Информация вводится в компьютер и поступает в базу данных местной полиции, где и сливается со списками преступников в розыске и предполагаемых террористов.

— Но я с девушкой, — сказал Лэнг, подмигивая со скабрёзным видом, и достал несколько крупных купюр.

Не надо было бегло разговаривать, чтобы прочесть мысли старика как по-писаному. Он издали внимательно осмотрел деньги и, взглянув искоса на Лэнга, хитро подмигнул. Его гость немец, а значит, богат. Просто ему хочется провести ночку-другую с другой женщиной, а не с женой, и избежать неприятностей, так зачем ему сообщать свои данные полиции. Здесь вставал вопрос не нравственности, а экономии. Какую взятку придется заплатить полиции, чтобы она забыла об этом незначительном нарушении обременительного закона, который есть не что иное, как посягательство на личную свободу? Частый вопрос в итальянском бизнесе.

Лэнг повернулся к лестнице, делая вид, что уходит, и тогда старик нехотя согласился принять предложенное. Он протянул Лэнгу связку ключей и побрел вниз, бормотание потянулось за ним по ступеням, как вонючий дым дешевой сигары.

Лэнг запер дверь и растянулся на кровати. Сквозь распахнутое окно сонным жужжанием доносился шум машин. Лэнг вдохнул аромат свежевспаханной земли, смешанный с букетом трав. Подумал о Дженет и Джефе. И через минуту уснул.

2

Португалия

08:27

Тот же день

За сотни километров, примерно в то же время, когда самолет Лэнгфорда коснулся земли, туман струился рябью и был такой плотный, что сквозь окна в домах почти ничего нельзя было разглядеть. Сгустившись, он превращался в маленькие серебряные ручейки, стекавшие по стеклам в старинных рамах. Этот туман, через который еще не пробились слабые лучи солнца, превращал здания из серого камня в подобие старинных черно-белых фотографий.

За одним окном зажегся свет, он затрепетал капельками ртути во влажном воздухе. Голубоватый свет, словно включили экран компьютера. И это совсем не вязалось с обработанным вручную камнем, зубчатыми стенами и башенками. Перед монитором сидел человек, словно явившийся из другого времени. Он был одет в грубый халат с капюшоном, чем-то напоминавший одежду, которую носили в Средневековье. Несмотря на холод, его ноги были обуты в сланцы. Он нетерпеливо ждал ответа, введя пароль из восьми знаков. Наконец на экране появились целые ряды букв — по пять в каждом ряду. Совершенно беспорядочный набор символов для любого, у кого нет программы-расшифровщика. Когда человек удостоверился, что сообщение получено полностью, он ввел код. Блоки зашифрованных букв сложились в одно-единственное предложение.

Человек потер подбородок, хотя и был согласен с тем, что читал. Несанкционированный и виртуально нераспознаваемый вход в резервационную систему международных авиалиний обнаружил, что Лэнгфорд Рейли совершил перелет из Майами в Рим. Попытка взломать кредитку и тем самым обнаружить отель, где он остановился, не принесла успеха. Предположительно в скором времени информация о его местонахождении появится в полицейском компьютере, куда будут занесены паспортные данные. Тогда получить ее не составит труда.

Человек, сидевший перед монитором, нахмурился. Ему не нравилось это ожидание.

Подул бриз, который начал разгонять туман, висевший за окном, как штора. Человек даже не заметил этого. Он перечитывал сообщение, неосознанно теребя серебряную цепь, висевшую на шее. На цепи болталась подвеска с четырьмя треугольниками, сходявшимися вершинами в центре. Человек давал инструкции своему электронному корреспонденту: *Найди Рейли. Проверь, какие у него могут быть контакты в Риме. Вскоре за ним начнут охотиться власти. Прежде чем убить его, проверь, что ему известно и от кого.*

Глава 3

1
Рим
13:00

энг проснулся в хорошем расположении духа. После перелета и смены часовых поясов он полностью выпался и восстановил силы. На улице стояла странная тишина. Один взгляд, брошенный на стрелки часов, все ему объяснил: тринадцать ноль-ноль — все магазины, музеи и даже церкви закрыты на три часа.

Спустив ноги с кровати, Лэнг поднялся и отпер дверь. Выйдя в пустой коридор, он неслышно прошел к общей душевой и постучался. Ответа не последовало, и он заглянул внутрь. Помещение оказалось еще страшнее, чем он себе представлял. Он умылся над потрескавшейся фарфоровой раковиной и приготовился идти по своим делам.

Стоя в тени дверного проема, Лэнг оглядел площадь: нет ли кого подозрительного? Выбивая друг у друга футбольный мяч, по улице с криком бегали мальчишки. Старухи в черных платьях щупали и обнюхивали продукты на небольшом овощном прилавке. На противоположной стороне улицы за столами перед таверной сидели старики и пили кофе или виноградное вино, поглядывая вокруг выцветшими глазами. Как Лэнг догадался, люди среднего возраста обедали в помещении, перед тем как вернуться на работу.

Пересекая площадь, он с удовольствием отметил, что в trattoria рядом с пансионом — той самой, где отвратительно кормили, а на стенах висели жуткие картинки, — сидело несколько завсегдатаев.

Пока он неспеша шел по дороге, его окружили кошки. Вот этот зверь — настоящий символ Рима. Обыкновенная полосатая мурка, а вовсе не волчица из легенды. Казалось, кошки были ничьи, но при этом вид у них был довольно сытый и ухоженный. Возможно, именно благодаря им вокруг не было видно ни единой крысы. Маленькие фонтанчики, размером чуть ли не с чашу, находились почти в каждом дворе, оттуда кошки и бродячие собаки пили воду.

Но кого было еще больше, чем кошек, так это цыганок. Черноволосые женщины выращивали розы на продажу, гадали по ладони и нянчили своих младенцев, повсюду таская их за собой. Местные жители считали, что все цыгане промышляют воровством. Правда это или нет, но Лэнг на всякий случай переложил бумажник в нагрудный карман.

На редкой площади не было своей особенной церквушки, не похожей ни на какую другую, статуи или фонтана. Из каждого двора тянуло каким-нибудь запахом, но над всем преобладал аромат капуччино. В квартале отсюда находился рынок, наполнявший воздух запахом спелых овощей.

Благоухание свежесдобитого хлеба заставило Лэнга замереть. Последний раз он ел в самолете и внезапно почувствовал, что умирает от голода. Повернув направо, он двинулся вниз по улице, ведущей вдоль аллеи, ловко увернулся от японского мотоцикла, взбрыкнувшего под своим седоком, и наконец добрался до Пьяцца Сан-Аполлония. Лэнг надеялся, что в местной остерии так же вкусно, как и раньше, готовят блюда из морепродуктов.

Час спустя он снова вышел на солнцепек, ощущая привкус чеснока во рту. Он двинулся неспеша, чтобы желудок спокойно переварил съеденный обед, и наконец дошел до широкой проезжей части. Этот бульвар вел в Ватикан. Даже в апреле, перед началом туристического сезона, он был весь запружен народом. В магазинах продавались религиозные безделушки, маленькие бюсты Папы Римского, дешевые распятия. Лэнг бы не удивился, если бы увидел собор Святого Петра в снежном шарике.

Перед отъездом из Атланты Лэнг опять позвонил Майлсу, на этот раз, чтобы порасспросить об общих знакомых в Риме. Майлс насторожился:

— Ты берешь отпуск и отправляешься в Рим только для того, чтобы обнять старых добрых друзей, я прав?

Ни к термитной бомбе, ни к смерти твоей сестры это не имеет никакого отношения, так ведь?

— Уж больно ты подозрителен, Майлс.

— Работа такая, сам знаешь. Кроме того, я могу подставить людей, если начну рассказывать, кто был агентом в Риме. Еще пристрелят.

— Они больше этим не занимаются, — заверил Лэнг. — Разве что руководство лишит тебя пенсии.

— Учитывая, сколько я лет на них убил, это еще хуже.

— Кроме того, — резонно заметил Лэнг, — я же не спрашиваю, кто из управления работает в Риме, я спрашиваю, кто из наших общих знакомых там живет.

— Типичное юридическое крохоборство. А кстати, зачем тебе?

— Мне нужно, чтобы меня официально представили в Ватикане, люди из управления знают, на кого выйти.

Майлс даже не сделал попытки изобразить, что поверил.

— Ватикан, это там, где сам Папа Римский сидит? Собираешься сдавать документы для своей будущей канонизации?

— Майлс, Майлс, не позволяй яду цинизма отравлять твою жизнерадостную натуру. Мне просто надо побеседовать с одним папским историком искусств.

Сквозь телефонный треск донеслось насмешливое фырканье.

— Правильно! Мы тоже с Шерон Стоун занимаемся на необитаемом острове одними интеллектуальными беседами.

Лэнг преувеличенно вздохнул.

— Майлс, я серьезно. У меня есть клиент, который собирается вложить свое состояние в религиозное искусство. А главные знатоки в этой области сидят в Ватикане. Зачем мне врать тебе?

— Вот и я говорю: зачем мне врать своей жене, когда она находит следы губной помады на моей ширинке? Хорошо-хорошо. Я слышал, Герт Фуч назначили торговым атташе в посольство в Риме.

Лэнг не помнил, поблагодарил ли он Майлса или просто так повесил трубку. В одно мгновение имя Гертруды Фуч заставило его позабыть обо всем.

Лэнг начинал карьеру в Центральном разведывательном управлении. Эта работа в его сознании ассоциирова-

лась с Джеймсом Бондом. Как и большинство шпионов-новичков, он прошел обучение в лагере Кемп-Перри в Вирджинии. Там его обучили загадочному искусству кодировки, наблюдению за объектами, владению огнестрельным и холодным оружием. Успехи, которые он продемонстрировал, были одновременно и слишком хороши, и недостаточны (смотря по тому, как взглянуть) для того, чтобы докладывать о них в Четвертый, административный, директорат. Поэтому его послали служить в тоскливый офис, расположенный напротив франкфуртского вокзала, где он коротал дни в составе Третьего директората — информационно-аналитического. И его инструментами были вовсе не плащ с кинжалом, а компьютеры, фотографии, сделанные с искусственного спутника, пресса Центральной Европы да будничные, однообразные командировки.

В 1989 году, когда наконец-то кончилась «холодная война», управление сильно усохло. Теперь Лэнг с ностальгией вспоминал даже замшелый офис во Франкфурте, когда отчаянно штудировал арабский или фарси и его посылали в такие места, где тридцать градусов казались нежной прохладой. Дон, его невеста, стала тем жребием, который он вытянул, вместе в длинной, до полу, паранджой, составлявшей ее приданое. Лэнг получил все привилегии, полагавшиеся за отставку, и ретировался в юристы.

Герт была беженкой из Восточной Германии и считалась отличным лингвистом, аналитиком и экспертом по Германской Демократической Республике. Она тоже торчала в Третьем директорате.

Они с Лэнгом несколько раз переспали, проводя вместе выходные в Баварских Альпах. В его воображении Герт навсегда осталась связана с придорожными гостиницами, баварской едой и горными склонами. Но не настолько трепетно складывались их отношения, чтобы несколько месяцев спустя помешать ему влюбиться в Дон во время короткой поездки в Штаты.

К удивлению и досаде Лэнга, Герт вовсе не выглядела брошенной, скорее — освободившейся. Они продолжали дружить, хотя их новые отношения складывались строго в рамках приличий: иногда вместе опрокинуть стаканчик во Франкфурте, иногда пообедать в Лиссабоне — и так до отставки.

В то время Герт ожидала назначения на руководящую должность. И сексуальной уравниловки, заведенной по наказу Конгресса, в этом решении было куда больше, чем искреннего признания ее высокой квалификации. А между тем ее таланты вовсе не ограничивались знанием иностранных языков. Герт многое умела — начиная от компьютерной криптографии и до меткой стрельбы на полигоне. Если здраво рассуждать, может быть, именно из-за этого Герт и не приняла их разрыв слишком близко к сердцу.

Когда до собора Святого Петра оставалась лишь пара кварталов и весь горизонт закрыл собою купол Микеланджело, Лэнг принялся искать телефон-автомат. Он порадовался, что находится не в одной из тех европейских стран, где таксофоны скрывают, точно клад. В Риме их было множество, правда, далеко не все работали. Он решил позвонить именно из этой части города.

Он набрал номер посольства и, услышав сквозь скрип, треск и жужжание итальянскую речь, попросил мисс Фуч из отдела по торговым отношениям.

Тот же голос вежливо осведомился по-английски:

— Могу я узнать, кто ее спрашивает?

— Передайте ей, что Лэнг Рейли в городе, он хотел бы вместе с ней поужинать.

— Лэнг! — закричала Герт через мгновение. Если она и не была счастлива слышать его, то сыграла свою роль блестяще. — Каким ветром тебя задуло в Рим?

Герт по-прежнему не вполне владела английскими идиомами.

— А таким, что снова захотелось увидаться с тобой.

Она хихикнула совсем по-девчоночьи.

— Как всегда, *застенчивейший... э... заливатель*. Да, Лэнг?

Он представил себе ее вскинутую бровь.

— А ты привез свою жену, чтобы она тоже встретилась со мной?

Он решил, что это не телефонный разговор, и потому ответил:

— Я уже не женат. Ты свободна вечером?

— Для тебя даже если не свободна, освобожусь.

Были в ней какие-то черточки, ушедшие из нашей жизни вместе с водевилем.

В Риме у них не было общей истории, и он не знал, где предложить встретиться. Главное, чтобы там оказалось немногочленно и никто не мог за ними следить. Или, наоборот, пусть будет слишкомлюдно, так их обнаружить будет еще сложнее.

— Давай встретимся на Пьяцца Навона. Ты знаешь это место?

— А как же, это одна из самых известных...

— У фонтана Четырех рек. В шесть часов тебя устроит?

— А не рановато для ужина?

Итальянцы не представляют себе вечерней трапезы раньше девяти вечера. Но, конечно, принимать аперитив начинают много раньше.

— Герт, мне бы хотелось видеть тебя в солнечных лучах. Ты всегда превосходно выглядела при свете дня.

Не дожидаясь ответа, он повесил трубку.

Как и многие адвокаты, Лэнг был связан пуповиной телефонного провода с материнским лоном своего офиса. Сара ответила со второго гудка.

— Офис мистера Рейли.

Лэнг посмотрел на часы и посчитал, что раз сейчас здесь пять часов, значит, в Атланте только недавно пробило девять утра.

— Это я, Сара. Есть что-нибудь новенькое? Какие-нибудь проблемы?

— Лэнг! — В ее голосе чувствовалось напряжение. — Звонил мистер Чен.

Чен? Но у Лэнга не было клиента... Стоп. У него был клиент по имени Ло Чен несколько лет назад. Этого человека обвиняли в том, что он входит в число азиатских гангстеров. Чен не верил, что власти способны проявить такую глупость, чтобы не прослушивать телефонных разговоров адвоката, а потому настаивал, чтобы Лэнг звонил ему по таксофону. Уступая желанию клиента, Лэнг всегда звонил ему из фойе. Что Сара хотела этим сказать?

— Вы помните номер мистера Чена? — промолвила Сара чуть не плача.

— Не уверен...

Сара проговорила что-то, отвернувшись от трубки, словно обращаясь к человеку, стоявшему поблизости.

— Мистер Рейли? — прозвучал мужской голос.

— Кто вы такой, черт побери? — спросил Лэнг требовательно, разозлившись, что кто-то прервал разговор с его собственным офисом.

— Странно, что вы не узнаете меня, мистер Рейли.

Лэнг почувствовал, как у него холодеют руки. Похоже, произошло что-то скверное.

— Морс?

— Он самый, мистер Рейли. И где же вы, позвольте узнать?

— Какого черта вы делаете у меня в офисе?

— Пытаюсь разыскать вас, мистер Рейли.

— У вас возникли новые вопросы? Я вам на них отвечу, когда вернусь.

— И когда же вы вернетесь?

Было что-то нехорошее в его тоне, какая-то гнусная угроза. Паранойя Лэнга так и взвилась, будто по сигналу боевой тревоги.

— Вы так говорите, словно собираетесь встречать меня у трапа с духовым оркестром.

Наступила пауза, которая в фильмах ужасов не предвещает ничего хорошего. Лэнг назвал бы ее зловещей.

Затем на проводе снова оказалась Сара.

— Они пришли сюда, чтобы арестовать вас, Лэнг!

— Арестовать? Ну-ка дай мне Морса.

В душе Лэнга начал закипать гнев. И когда детектив снова взял трубку, он уже почти забыл о своей тревоге:

— Это что за дела? Какого черта вы уверены, что я обязан мириться с результатами вашего следствия?

На самом деле в округе Фултон он мог уверять присяжных, что Ганибал Лектор пострадал от принятия закона «О чистоте продуктов питания и лекарств». Послышался еще один сухой смешок, словно ветер подгонял опавшие листья.

— Искать доказательства — не моя работа, а вот арестовывать — моя. Вы подозреваетесь в убийстве. Где вы находились вчера вечером?

«На пути в Даллас с фальшивым паспортом», — подумал Лэнг сердито. Поэтому в документах не значится, что Лэнг Рейли летел тем самолетом.

— В убийстве? — спросил Лэнг. — Кого? То есть в чем?

— Ричарда Халворсона.

— А кто это такой?

— Его уже нет. А был он портье в доме, где вы живете. Лэнг никогда не интересовался, какая у Ричарда фамилия.

— Что за бред! Зачем мне убивать портье?

— А мне откуда знать? Может, он не подал вам машину вовремя.

Важный повод, нечего сказать.

— Так я не услышал, где вы были вчера вечером, — добавил Морс.

— Но ведь я его едва знал, — запротестовал Лэнг.

— Да небось неплохо знали: оставили свою собаку с ним. Его застрелили из крупнокалиберного пистолета, как раз такого, который лежит в тумбочке у вас в спальне.

Лэнг поборол в себе желание бросить трубку и бежать. Чем больше он узнает, тем больше очевидных нелепостей сумеет опровергнуть.

— Раз вы рылись в моей тумбочке, значит, полагаю, ордер у вас был.

— Угу. Все красиво и по закону. Он у меня был, когда ваши отпечатки пальцев оказались на кобуре, гильзе, обойме от патронов. Из оружия стреляли совсем недавно, но баллистическая экспертиза будет готова только к завтрашнему утру. Держу пари, портье убили из вашего оружия.

Морс наслаждался.

— Если вам есть что рассказать, можете вернуться сюда и поведать. Вашим делом уже занимается ФБР, а вас нет на месте, значит, вы считаетесь беглецом. Вы же не хотите, чтобы они сели вам на хвост.

«Прямо как Ричард Кимбл*», — подумал Лэнг.

Он понимал, что ему необходимо как можно скорее разорвать связь, но не мог, еще не сейчас. «Собаку я оставил с Ричардом...»

Похоже, Сара слышала разговор. На заднем плане ясно прозвучал ее голос:

— Я заберу его, Лэнг!

Лэнг повесил трубку с ощущением, что хотя бы одна проблема решена, и погрузился в глубокие раздумья. Ко-

* Персонаж фильма «Беглец», ложно обвиненный в убийстве своей жены.

нечно, это их рук дело. Они застрелили Ричарда из его браунинга, и теперь отпечатки пальцев, которые он оставил на патронах, говорят против него. Умно. Теперь все копы, используя Интернет, ринутся на его поиски. Интерпол, итальянская полиция — все будут помогать им.

Сколько Лэнг говорил по телефону? Успели его за-сечь? При помощи компьютерной техники его местоположение могли вычислить со скоростью света. Не утешало и то, что следствие скоро выяснит, где находится Лэнг: вовсе не в Соединенных Штатах, а в «Маме Роме». А обнаружит этот факт Морс элементарно, проверив выписку с кредитной карты, что является стандартной процедурой при поиске людей. Лэнгу волей-неволей приходилось пользоваться своей кредиткой во время путешествия. Если бы он расплачивался наличными за международный перелет, то при современной террористической угрозе это вызвало бы слежку, которой он желал меньше всего.

2

Атланта

Спустя 20 минут

Детектив Франклин Морс снова уставился в сообщение, полученное по факсу, хотя уже изучил каждую мелочь на обеих страницах. Качество плохое, но различить копию билета на самолет, следовавший из Майами до Рима, вполне возможно. Имя пассажира ясно видно — Лэнгфорд Рейли, так же как и фотографию, зернистую и нечеткую.

Создавалось впечатление, что у Рейли важные дела по ту сторону телефонной будки, то ли таможенку проходит, то ли иммиграционный контроль. Если адвокат сбежал в Рим (только если именно из Рима он беседовал с детективом полчаса назад), то это можно было хоть как-то понять.

Но что было совершенно невозможно понять, так это два листа бумаги с сообщением. Они пришли на факс, которым пользовались исключительно копы, сидевшие в комнате своего отделения на восточной Понс-де-Леон города Атланты. Конечно, не бог весть какая государственная тайна, но и в справочнике этого номера не найдешь. Судя по надписи сверху, послание было отправлено

с аппарата, стоявшего в каком-то общедоступном месте в Риме.

Ладно! Итак, Лэнг находится в Риме и кто-то хочет, чтобы Морс узнал об этом. Но кто и зачем? Ордера находятся в публичном доступе, но немногие граждане станут рыться в судебных записях. Морс не хотел шума, чтобы не спугнуть адвоката. Разумеется, пока Рейли не сбежал. Однако кто бы этот факс ни посылал, он черпал информацию не из газет. Такой поворот наводил на мысль, что аноним, посылавший данные о Лэнге, имел источник внутри департамента.

Морс непроизвольно окинул комнату взглядом — серая мебель на сером ковре с серыми ромбами. Люди приходят и уходят, звонят телефоны и щелкают компьютеры — привычная какофония. Какая уж тут секретность! Любой мог брякнуть, что полиция Атланты хочет побеседовать с Лэнгфордом Рейли лично и поподробнее.

Допустим, слово вылетело. Но Морс слишком долго работал на этом месте, чтобы принимать за чистую монету любую анонимную подсказку. Доносчики, которые предают людей по чувству гражданского долга, жаждут одобрения. Иногда эти негодяи сдают, потому что кто-то, по их мнению, хотел добиться чего-то несправедливым путем — по-настоящему или в их воображении. Чаще всего информация поступает за деньги.

И ни одной из этих причин Морс здесь не находил. Обычный осведомитель не поедет в Рим и не станет посылать анонимку, заплатив немалую цену за трансатлантический факс. Нет, сэр, тут кроется что-то еще. Но что?

Размышляя, Морс оттолкнулся от металлического стола. Нет смысла терять время, гадая о том, чего не знаешь. Так или иначе, но у него имелась информация, что подозреваемый в убийстве находится в Риме. А раз предполагаемый убийца в Риме, то, следуя стандартной процедуре, нужно поставить в известность ФБР.

Без всякого удовольствия Морс пересек комнату и направился звонить в ФБР. Рейли не походил на преступника. И все же он способен был убить Халворсона, потому что портье мог знать, из-за чего тот парень бросился с балкона.

Позже, возвращаясь к своему рабочему столу, на котором царил вечный беспорядок, детектив был по-прежнему

му погружен в раздумья. Снова он задался вопросом, зачем кто-то прислал анонимное сообщение о том, что Лэнг Рейли находится в Риме, и, главное, зачем анониму нужно, чтобы копы Атланты узнали эту информацию. На поверхности лежала лишь одна причина: кому-то необходимо, чтобы Рейли поймали.

Интересный вопрос — зачем. Ответ на него, и сразу все встанет на свои места.

Морс откинулся на спинку стула и уставился в потолок, где уже много лет темнели пятна от воды. Но с чего начинать? Подозреваемый — адвокат, мало ли кто хочет упрятать его за решетку. А что если проверить деятельность Лэнга и посмотреть, не было ли у него случаев, за которые можно зацепиться.

Ха, это казалось бессмысленным. Но что-то, какое-то шестое чувство, которому он привык доверять, подсказывало ему, что надо заглянуть в послужной список Лэнга.

Спецназ военно-морских сил. Маленькое элитное подразделение. Не так уж много спецназовцев бегают вокруг. Посмотрим, кто такой мистер Рейли, частный адвокат. Морс снова оглядел комнату, на этот раз пытаясь припомнить, у кого может быть номер телефона военного подразделения, расположенного в Сент-Луисе.

3

Рим

17:50

Лэнг появился на Пьяцца Навона пораньше, чтобы успеть обнаружить ловушку, если кто-то уже расставил сети. Лэнг считал это место самым красивым в городе. Здесь чувствовалась история. Вытянутая овальная форма напоминала о стадионе императора Домициана, на развалинах которого и была построена площадь. Древняя архитектура гармонично сочеталась с романским стилем, барокко и готикой. Три мраморных фонтана на площади, а самый большой, Четырех рек, в центре. Здесь было проще всего найти друг друга среди толп туристов, импровизирующих артистов, художников и местных жителей, поглядывающих вокруг с невозмутимым любопытством.

Лэнг выбрал столик при выходе из таверны и, прикрывшись развернутой газетой, принялся наблюдать за людьми.

ми, которые гуляли, покупали и продавали картины, и за простыми зеваками. Он очень надеялся, что похож на итальянца, вышедшего днем, чтобы выпить чашку кофе.

Герт трудно было не заметить. Все головы поблизости повернулись в ее сторону. Она стояла буквально в шести шагах от него. Бледно-медовые волосы были собраны на затылке и убраны под заколку. Она приблизилась медленным величавым шагом, вечернее солнце поблескивало в темных очках, когда она оглядывала площадь.

Когда она подошла ближе, Лэнг с радостью заметил, что десять лет, минувшие с момента их последней встречи, не изменили ее: длинное лицо, острый подбородок и высокие скулы остались прежними. У нее был вид недоτροги, что заставляло мужчин держать дистанцию. Было в ее облике некое высокомерие, что не могло не отталкивать поклонников.

Она немного опустила очки и обвела все вокруг взглядом голубых глаз. Она ждала, чтобы он подошел первым. Лэнг поднялся со своего места и направился к ней, не в силах сдержать глупую улыбку. Чтобы поцеловать ее в щеку, наклоняться не пришлось.

— Великолепно выглядишь, Герт.

Она поцеловала его в ответ с несколько меньшим энтузиазмом.

— Вот и я так говорю.

Он взял ее за левую руку, удивился собственной радости, не обнаружив обручального кольца, и провел ее к своему столику, на котором стояла чашка кофе и лежала газета. Герт села на стул с королевской грацией, как будто это был трон, покопалась в довольно большой сумке и выложила на стол пачку «Мальборо».

— До сих пор куришь? — спросил Лэнг.

Она вынула сигарету из пачки и прикурила.

— А как я могу бросить? Мне уже все мозги прополаскали эти ваши табачные компании, которые сбегают сюда, потому что в Штатах они никому не нужны.

— Ты губишь свое здоровье, Герт.

Она выпустила поток дыма из ноздрей и снова затянулась, заставив Лэнга вспомнить о золотом веке кинематографа, а также о том, что курение вызывает рак легких.

— А что не вредно? Работа, которой ты занимался, когда мы в последний раз виделись, еще вреднее.

— В Третьем управлении, в разведке? — спросил Лэнг. — Да там самая большая опасность была отравиться в буфете.

— Или встретить девушку... и потом сбежать от нее, как... от пожара.

— От огня.

— От огня. — Голубые глаза смотрели так пронзительно, что Лэнг отвернулся.

— Я жалею, что сказал тогда, что раскаиваюсь. Я был очень сильно влюблен в Дон.

— А в меня?

— К тебе я скорее чувствовал страсть.

В очередной раз затянувшись сигаретой, она помедлила и переменяла тему.

— Если сотрудники в посольстве поняли, что я встречаюсь со своим бывшим, э... коллегой, которому от меня что-то понадобилось, тогда мне придется сходить за Толстым.

«Сходить за Толстым» на их языке значило — заполнить отчеты всякими приукрашенными байками, когда надо было избежать подробностей, не вписывающихся в заведенный порядок.

Появился официант с двумя стаканами «Брунелло». Заходящее солнце отражалось в красном вине, рисуя кровавые разводы на поверхности стола. Они наблюдали за людьми, которые тоже наблюдали за происходящим. Любимое времяпрепровождение римских жителей. За женщиной-гидом, державшей в руках красный зонтик, точно воинское знамя, проследовал целый батальон японцев. Сломав строй, они начали фотографировать величественные фонтаны.

Когда стакан наполовину опустел, Герт заговорила беззаботным тоном. Лэнг понимал, что раньше она слишком нервничала, чтобы спросить его об этом.

— Ты разведен?

— Не совсем так.

Он объяснил все про Дон, пытаясь рассказывать о ее смерти отстраненно, словно не о себе. Иногда быть мужчиной нелегко. Герт поняла, что он изо всех сил пытается скрыть до сих пор не успокоившуюся острую боль, и ее глаза заблестели. Все немцы так сентиментальны.

— Мне очень жаль, Лэнг. — Ее голос сорвался от волнения и сочувствия. — Правда...

Она положила ладонь на его руку. Он не шелохнулся.

— А ты так и не вышла замуж?

Она презрительно фыркнула.

— За кого? У меня на работе не встретишь приличных людей. Одни психи.

— Бывает хуже, — съязвил Лэнг. — Что, если бы ты работала в пенитенциарной системе?

Она оживилась.

— А что, есть такая?

— Исправительная система, Герт. Американские тюрьмы.

— А... — Она вздохнула с разочарованием. — Что ж, ты ведь приехал не из-за того, что я до сих пор не вышла замуж. Думаю, тебе что-то нужно.

Он рассказал ей все о Дженет и Джефе и о человеке, прокравшемся в квартиру.

— Кто эти люди, которые могли убить твоего племянника и сестру?

— Именно это я и пытаюсь выяснить.

Они помолчали минуту, пока официант наполнял стаканы.

Когда он отошел, Лэнг вынул из кармана копию палароидного снимка и положил ее на стол.

— Если бы мне кто-нибудь объяснил, какой смысл заложен в этой картине, я бы приблизился к разгадке.

Она внимательно взглянула на фотографию, словно расшифровывая код.

— А полиция в Штатах. Они не могут помочь?

Он забрал снимок.

— Не думаю. Кроме того, это слишком личное.

— Неужели работа в управлении тебя не научила, что месть — это верная дорожка к гибели?

— Я ни о какой мести и не помышляю, просто хочу выяснить, что это за люди. Копы могут помешать.

— Угу, — задумчиво протянула она, не веря ни единому слову. — А чем, по-твоему, я способна помочь?

— Мне нужно, чтобы меня представили Гвидо Марценни, монаху. Кстати, он работает в музеях Ватикана. Кто из управления сейчас в Ватикане?

Лэнг вспомнил хорошо охраняемый секрет, что у Ватикана есть своя собственная разведывательная служба. Папская курия, орган, с помощью папских директив уп-

равляющий всеми делами Католической церкви, содержала целый штат информаторов, в основном миссионеров, приходских священников и прочих лиц духовного сана, работающих с людьми.

Хотя со времени Средневековья эта служба не совершала ни громких политических убийств, ни диверсий, многочисленные католики в разных странах, с их преданностью, а главное, тайной исповеди, могли собирать информацию, недоступную разведкам многих государств. ЦРУ, как и другие подобные ему организации, частенько обменивалось сведениями со Святым престолом.

Герт вытянула еще одну сигарету из пачки.

— И что мне сказать начальству? Почему я решила представить нашего бывшего агента этому монаху?

Лэнг посмотрел на огонек ее сигареты.

— Просто хочешь помочь старому другу, который, в интересах своего клиента, собирается выяснить истинную стоимость некоторых произведений искусства.

— Я подумаю.

Они заказали фасолевый суп, салат с оливковым маслом и еще одну бутылку вина.

Закончив есть, Лэнг сказал:

— Герт, существует еще одна вещь, которую ты должна знать.

Она оторвала взгляд от зеркала, в которое смотрелась, подкрашивая губы.

— Тебя разыскивает американская полиция? Закрой рот, а то не очень-то приятно на тебя смотреть. Сегодня днем я видела сводку.

После распада СССР ЦРУ, чтобы не исчезнуть, приняло на себя новые обязанности. В том числе оно помогало Интерполу и местным властям разыскивать беглых американцев за рубежом. ФБР, чувствуя вторжение на свою территорию, рьяно протестовало, но все было бесполезно.

Лэнг почувствовал, как съеденный обед закрутился у него в желудке.

— Ты хочешь сказать, что в управлении знают?

Она встряхнула головой.

— Не думаю. Сообщение кто-то стер. Еще день-другой вредительства никто не заметит.

— Но почему?..

Она положила зеркальце обратно в сумку.

— Я давно знаю тебя, Лэнг Рейли. И твой звонок спустя столько лет насторожил и встревожил меня. Ведь ты не позвонил бы мне, если бы тебя жареный петух не клюнул в одно место. А потом я прочла сводку и сопоставила факты. И заподозрила правду.

«Жареный петух» ничуть не уменьшил его удивления.

— Но ты могла бы...

Она встала и выпрямилась, как он догадался, чтобы набрать в грудь побольше воздуха.

— Ты — мой старый друг, один из *комраген*. У меня таких осталось совсем немного.

Лэнг почувствовал, что не может сдержать улыбку.

— Даже если я нахожусь в международном розыске?

— А что это меняет? Ты позвонил, и я решила помочь.

Лэнг оставил на столе деньги и поднялся.

— Прогуляемся, а потом я посажу тебя на такси.

Она подошла совсем близко, и он ощутил запах табачного дыма, когда она заговорила:

— Я что, настолько сильно постарела, что у тебя больше не осталось ко мне никакого интереса?

Кокетством Герт никогда не отличалась.

— Если ты о внешности, то ты выглядишь моложе, чем свежий виски. Я бы вряд ли позвонил, если бы не чувствовал никакого «интереса».

— Вот и хорошо, — произнесла она. — Тогда мы можем взять такси и поехать туда, где ты остановился.

Будучи южанином, Лэнг ощутил некоторую неловкость, осознав, что его так откровенно соблазняют. Вот Скарлет О'Хара была стальной магнолией, не то что эти современные женщины.

Он взял ее за руку.

— Будь по-вашему, фройлен. И, кстати, я не совершал никакого убийства.

Она повесила сумку на плечо.

— Я знала это еще до того, как прийти сюда.

Поздно ночью Лэнг лежал на тонком одеяле. На его груди высыхала испарина. Рядом слышалось ровное и глубокое дыхание Герт — звук мирного сна. В эту ночь они безудержно занимались любовью и устроили такое шумное представление, что у хозяина должны были отпасть все сомнения о причине, по которой его гость не желал вводить номер своего паспорта в базу данных.

Обвинение в убийстве, которое ему предъявляют, думал Лэнг, можно легко опровергнуть. Показать Морсу поддельный паспорт и предложить ему проверить список пассажиров того рейса. Управление наверняка будет не в восторге, что у их бывшего сотрудника на руках поддельные документы, но управление его мало волновало. Проблема заключалась в другом: для того чтобы предъявить алиби, необходимо вернуться в Атланту. А вот этого он не готов был сделать. По крайней мере сейчас.

4

Рим

12:30

На следующий день

— Твоего брата Марценни нет в Ватикане.

Лэнг отправил в рот кусок пиццы, проглотил его и спросил:

— А где же он?

Утром Герт нужно было зайти на работу, а потом они договорились встретиться на Виа-дель-Бабуино. Они сидели за столиком на улице, откуда открывался вид на Испанскую лестницу — сотни метров белого известкового туфа, прямых линий и террас в весеннем наряде из розовых азалий. На ступеньках, как всегда, толпами сидела молодежь — студенты и художники, которые, казалось, все дни напролет только и делают, что сидят, покуривают, фотографируют друг друга и лениво нежатся под лучами солнышка.

Герт явно наслаждалась их с Лэнгом общим делом и стремилась затянуть его подольше. Она с любопытством ткнула вилкой в салат.

— В Орвието. Уехал в Орвието. Наблюдает за реставрацией фресок.

Лэнг сделал маленький глоток пива и поставил стакан. Орвието — в двух с половиной часах к северу от Рима, в сторону от автострады, ведущей на Флоренцию.

— Хочешь, поедем в Умбрию* на денек, просто как туристы?

Покончив с салатом, Герт закурила очередную сигарету, уже вторую с тех пор, как они встретились.

---

* Умбрия — административная область в Центральной Италии.

— Почему бы нет? Только не воображай, что я поверила в этот туристический вздор. Ты не сможешь пообщаться со священником, только если он сам по-английски не говорит, так что мне придется сыграть роль переводчика.

И снова Герт прочла его мысли с беспощадной точностью. Она говорила на нескольких языках, в том числе и на итальянском. В Ватикане найти переводчика несложно, но в маленьком городке это может оказаться непосильной задачей.

— Так ты согласна?

Она кивнула и ошарашенно воззрилась сперва на пепельницу, затем на пепел, который свалился к ней в тарелку, зашипев в салатном масле.

— Согласна.

— Поедем лучше на машине. Мою фотографию наверняка уже раздали местным копам, и теперь в душегубках лучше не появляться.

Душегубками они называли места, где тебя легко могут вычислить и загнать в угол, — автобусные станции или аэропорт.

Она задрала подбородок и выпустила дым струей в небо.

— По-моему, ехать на мотоцикле безопасней. Шлем — отличная маска, да и никому в голову не придет искать тебя среди байкеров.

Лэнг усмехнулся.

— Я и сам не представляю себя в этом качестве. Ты в последнее время любовалась на эти машины? Чудовища, монстры. На них надо ездить, точно занимаешься с ними любовью. И потом, мчаться по автостраде не в какой-нибудь железной оболочке — это чистой воды самоубийство.

— А было время, ты гонял на них и тебе даже нравилось. Помнишь, у тебя даже был собственный — «Триумф Бонневиль». Ты еще называл его оседланной ракетой.

— Это было больше десяти лет назад, — сказал Лэнг. — С тех пор у меня в голове прибавилось немного мозгов.

Она затушила сигарету в тарелке.

— Ты уверен?

— Прошлой ночью ты меня тупым не считала.

— Я молчала из вежливости.

Появившаяся на столе тень заставила их притихнуть. Официант с явным интересом прислушивался к их беседе.

— Любовники ссорятся, — объяснил Лэнг.

— Мы не влюблены друг в друга, — сказала Герт.

— Ты обожаешь меня.

— Это тебе приснилось.

Официант удалился, и они разразились смехом.

Посерьезнев, Лэнг сказал:

— Если честно, мне не до смеха. Ты хорошо подумала о том, что сейчас сказала?

— О том, что мы не влюблены друг в друга?

— О мотоцикле.

— Отличная маскировка. Никто и предположить не может, что человек в твоём возрасте рассекает на мотоцикле.

Лэнг призадумался, не оскорбление ли это...

— Ты хочешь сказать, что всю дорогу до Орвието будешь сидеть за моей спиной?

— Свежий воздух нам обоим пойдет на пользу.

— Да, но, может, мы все-таки найдем машину и сможем ехать внутри, а не верхом?

Глава

4

1

Рим

Следующее утро

Энг не надеялся, что найдет отличный итальянский мотоцикл — «дукади» или «мото гуцци». Они были слишком дороги для среднего итальянца и потому по большей части экспортировались в Штаты. Он решил потратиться на маленький японский мотоцикл, какие часто встречаются на тесных римских улочках. И ошибся.

На следующее утро Герт подкатила на «БМВ-1000», стареньком, но в хорошем состоянии. Машина не славилась мощным ускорением, но компенсировала его своей надежностью, бесперебойностью в работе и отсутствием шума. В общем, эта марка пользовалась у туристов наибольшим успехом.

Светлая коса подпрыгивала на бело-зеленой кожаной куртке, а шлем полностью закрывал лицо, так что узнать Герт было невозможно. С восторгом и удивлением Лэнг смотрел на нее. Она нажала на тормоз.

На его памяти Герт была единственной женщиной, у которой хватило сил поднять такой большой мотоцикл на заднее колесо. Пока она стаскивала шлем и перчатки, он оценивающе разглядывал «БМВ».

— Хорошо сделан, правда? — сказала она.

— Да, на таком приятно путешествовать. А еще одного кожаного костюма у тебя нет?

Европейские мотоциклисты ездят не в джинсовой, как американцы, а в разноцветной кожаной одежде. Без такого костюма Лэнг слишком бросался бы в глаза.

Она ткнула пальцем.

— В багажнике лежит.

— А вон и еще один шлем! — Шлем, точно такой же, как у нее, был подвешен за ремешок к сиденью мотоцикла.

— Просто не представляю, на что тебе пришлось пойти, чтобы убедить кого-то одолжить тебе мотоцикл вместе со всем добром, — проговорил Лэнг, вынимая кожаный костюм из багажника, — наверное, лучше не спрашивать.

Герт засмеялась.

— А почему ты решил, что я его одолжила? Он мой.

Лэнг почувствовал укол ревности, взглянув на перчатки и подумав, сколько других парней их уже надевало.

— Тогда, я полагаю, ты захочешь сама вести?

— И чтобы ты сидел за женщиной? — Герт от души развеселилась, найдя это очень забавным.

Кожаные брюки сидели на нем на удивление хорошо. Куртка плотно облегла, но ее пришлось застегнуть на молнию. Из витрины магазина на Лэнга смотрел типичный европеец, готовый отправиться на загородную прогулку.

— Черт, забыл про ботинки!

Герт улыбнулась.

— Еще одних ботинок у меня нет.

— У меня есть, только за ними надо вернуться в пансион. Конечно, они не мотоциклетные, но все же лучше, чем сандалии.

Медленная езда по узким улочкам и аллеям сошла за курсы повышения квалификации по вождению мотоцикла. К тому времени, как они добрались до пансиона, Лэнгу уже не терпелось выбраться на нормальное шоссе, где «БМВ» наконец-то приобретет устойчивость и перестанет ехать нетвердым аллюром, которым приходилось пробираться по битком набитым городским улицам.

Пока, сидя верхом на мотоцикле, Герт изучала дорожную карту, он бросился бегом в комнату. Его ботинки не предназначались для переключения передач, но пришлось надеть их за неимением лучшего.

Лэнг взял курс на восток вдоль Тибра и, крепко ухватившись за ручку газа, плавно повернул ее на себя.

Старик, хозяин гостиницы, выглянул через занавеску. До чего же странные, эти немцы! Человек снимает номер с самой скромной обстановкой, а сам ездит на «БМВ», который стоит две или три ежемесячных зарплаты среднего итальянца. И где он хранил такую ценную машину? Не на ней же он приехал. Ясно как божий день, что они с этой женщиной вместе разъезжали на мотоцикле, оба в коже. Жене немца очень интересно будет это узнать. Небось даже заплатить не откажется.

Надо будет разузнать, кто этот мужчина. Может быть, поискать документы у него в комнате... Только поосторожнее. Жилец, поселившийся наверху в комнате рядом с душевой, явно не простой человек. Это чувствуется по его манерам, по жесткому и невозмутимому взгляду, даже по походке.

Раздался стук в дверь, кто-то барабанил, словно сильно торопился. Пусть подождут. Все три комнаты заняты — никакого смысла бежать к двери, только чтобы отказать. Стук становился все настойчивее, пока старик шаркающей походкой направлялся к выходу.

За дверью стоял человек в комбинезоне — обычной одежде европейского рабочего. Должно быть, водитель грузовика или водопроводчик. Было непохоже, чтобы он хотел снять комнату.

— Чего надо?

Рабочий втиснулся внутрь и, захлопнув за собой дверь, показал фотографию. Старик узнал своего жильца-немца.

— Вы знаете этого американца? — спросил незнакомец. У него был не римский выговор, может быть, даже вообще не итальянский.

— Я что, справочное бюро? — усмехнулся старик. Как любой другой товар, информация имела ценность, поэтому он не собирался ею разбрасываться. Может быть, этот человек подослан ревнивой женой постояльца.

— Убирайтесь отсюда! Отправляйтесь задавайте свои вопросы где-нибудь в другом месте или предъявите свое полицейское удостоверение.

Чужак потянулся к карману и вместо документа вынул пистолет. Дуло ткнулось в голову старика.

— Вот мое удостоверение, ты, старый урод. А теперь, прежде чем твои мозги разлетятся во все стороны, я еще раз спрашиваю тебя: ты знаешь этого американца?

Старик перепугался не на шутку. Он видел, как такое происходило в американских программах по телевизору. Что, если этот страшный человек — американец? Даже хуже — сицилиец, судя по тому, как коверкает язык. Да в любом случае — смерть из-за секретов постояльца в арендную плату не включена. Если только этот человек уйдет и оставит его невредимым, он сто раз прочтет «Аве Марию» в соборе Святого Петра.

Он кивнул, показывая на фотографию своего гостя.

— Я думал, он немец.

Водитель грузовика или водопроводчик, или кто он там был, не опуская оружия, произнес со злобой:

— Плевать я хотел, что ты там думал. Он здесь?

Старик почувствовал небольшое облегчение. Струя мочи потекла по его ноге, и стало холодить ногу, когда штанина промокла.

Он надеялся, что человек с пистолетом не заметил этого. Он дойдет до собора Святого Петра на своих больных коленях, если только этот злодей сейчас уберется отсюда.

— Они уехали несколько секунд назад, прямо перед вами. Он с женщиной.

Старик вздохнул, когда увидел, что пистолет вернулся на прежнее место.

— Парочка на мотоцикле?

Хозяин пансиона усердно закивал.

— Да, да. Это они. Они поехали в сторону Флоренции. Незнакомец насторожился.

— Откуда ты знаешь?

У старика от страха онемел язык, но он был готов выложить все, лишь бы этот налетчик как можно скорее отсюда исчез. Если только исчезнет, он проползет до собора Святого Петра на брюхе, как змея.

— Я видел цвет области на карте, которую разглядывала женщина. К северу от Рима — Флоренция.

Глаза то ли бандита, то ли рабочего сузились.

— А у тебя отличное зрение для твоего возраста.

Старик был уверен, что рассказал достаточно много. И если он останется в живых, то не просто доползет до Святого Петра — он возьмет деньги, заплаченные этим

проклятым немцем-американцем, и положит их в коробку для пожертвований в благодарность за свое спасение.

Человек развернулся на каблуках и направился к выходу. Старик был свободен. Ну, повезло ублюдку! Задержись он тут на секундочку дольше, старый трактирщик задал бы ему жару. Напал бы на него, вырвал пистолет из рук и застрелил бы его из этого пистолета, как тот полицейский из американского фильма, который показывали по телевизору. Как же он сказал-то, этот полицейский? Ах да! «Go ahead, make my day»*.

3

Умбрия

Спустя два часа

Мотоцикл мчался по автостраде, проносясь мимо мотелей, точно таких же, какие встречаются на шоссе между американскими штатами. На современных окраинах Орвието Лэнг и Герт пристроились к веренице грузовиков, а потом свернули с главной дороги и стали взбираться на гору.

Орвието стоял на холме посреди совершенно нехолмистой местности. Лэнг такого никогда не видел, а между тем это была столовая гора — геологический феномен, прекрасно знакомый коренным жителям юго-запада Америки. На плоской вершине каменного образования возвышалась старинная крепость, обнесенная стеной. Машин здесь почти не было. Туристы еще не открыли для себя этого места, хотя огромная парковка на главной площади свидетельствовала о том, что горожане очень этого хотят.

Петляя по узким улицам, Лэнг направился на Пьяцца Думо — площадь у собора. На позолоченной мозаике, покрывающей фасад богатого итальянского готического храма, плясали лучи утреннего солнца. На площади стояло всего несколько машин. Лэнг припарковался и придержал мотоцикл, подождав, пока Герт не перенесет через сиденье длинную ногу.

Они вошли в церковный притвор и остановились, чтобы глаза привыкли к полутьме. Внутри нефа, в боковых приделах, потрескивали свечи, из-за колышущихся теней

---

* «Ну давай, порадуй меня» (англ.), в смысле попробуй достань свой пистолет. Слова из фильма «Грязный Гарри» с Клинтом Иствудом.

создавалось впечатление, что фрески движутся. Откуда-то со стороны хор лился яркий свет. Там, где поперечный неф пересекал центральную часть храма, стояла высокая платформа.

Возле алтаря искусной работы горело еще больше свечей, и от дрожания их огоньков казалось, что Иисус вздрагивает на Кресте. Придел с другой стороны был ярко освещен электрическим прожектором. Пол покрывали ковровые дорожки. Повсюду лежали щетки, шпаклевочные ножи, стояли бутылки с замазкой. Но даже этот беспорядок не мог отвлечь от величественного зрелища человеческих фигур, падающих в пропасть. То были фрески на любимый итальянский сюжет — день Страшного суда.

Неважно, чьей кисти они принадлежали — Микеланджело, Бернини или других художников, — эта сцена всегда напоминала Лэнгу бар для одиноких сердец в пятницу поздно вечером.

На лесах, отвернувшись от страдающих душ, предаваемых проклятию (или засыпающих в одиночестве), стояли три человека, внимательно разглядывая одну из фигур. Двое были в спецовках. Третий — в сутане, заляпанной красками.

— Фра Марценни! — окликнула Герт.

Человек в сутане обернулся. Возникло ощущение, что это один их святых, словно сошедший с церковных стен. Белые волосы торчали вокруг розовой лысины на макушке, мощный луч прожектора запутался в них светящимся нимбом. Монах был маленький, почти такого же роста, как хозяин пансиона, и приблизительно того же возраста.

— Si?

— Вы говорите по-английски? — спросила она, глядя на возвышение и прикрывая глаза рукой, чтобы было лучше видно. Белый нимб отрицательно качнулся — нет. Герт затараторила по-итальянски. Монах улыбнулся и ответил, показывая за спины Лэнга и Герт.

— Он говорит, что придет через минуту-другую и что он с радостью поговорит с нами. А пока мы можем наслаждаться произведениями искусств, которые находятся в этой великолепной церкви.

Лэнг не слишком любил религиозное искусство, так же как и роскошное церковное убранство, и потому, вместо того чтобы разглядывать фрески, он развлекал себя тем,

что занялся расшифровкой латинских эпитафий, выгравированных на надгробных плитах, установленных на могилах священников и разных благородных особ, от которых эта церковь получала щедрые пожертвования. Без сомнения, могилы, где похоронены бедняки, были давно забыты. Может быть, в один прекрасный день кроткие и наследуют землю, да только земля о них не вспоминает.

Лэнг изучал маленький стеклянный пузырек, вмонтированный в алтарь, пытаясь выяснить, что за святая реликвия могла в нем храниться. Гвоздь со Святого Креста? Палец святого Павла?

Он так никогда и не узнал этого. Герт взяла его под руку.

— Фра Марценни освободился. Сейчас мы будем пить кофе на площади.

Но добрый брат предпочитал вино. Они расселись за столиком на открытом воздухе, всего в нескольких метрах от массивных дверей собора. Герт с монахом обменялись какими-то вежливыми фразами, с точки зрения Лэнга, — банальностями, с которых всегда начинается разговор с иностранцем.

Жестом попросив у официанта второй стакан, монах что-то сказал Герт и посмотрел на Лэнга.

— Он хотел бы увидеть картину, ради которой мы приехали, — перевела она.

Лэнг протянул снимок через стол.

— Скажи, что мне нужно узнать, что на ней изображено.

Разговаривая с Герт, монах внимательно разглядывал фотографию. Он ответил, и Лэнг с нетерпением стал ждать перевода.

— Три пастуха смотрят на могилу.

Лэнгу и в голову не приходило, что загадочное строение на холсте может быть могилой.

— А женщина, кто она такая?

Старец выслушал Герт и перекрестился, отвечая.

— Святая, возможно, сама Пресвятая Дева, — ответила Герт. — Она вместе с пастухами взирает на могилу, вероятно, на гробницу самого Христа, перед тем как он воскрес.

Замечательно! Весь этот путь Лэнг проделал только для того, чтобы понять сюжет еще одной картины на религиозную тему. Правда, могилу Христа всегда рисовали

в виде пещеры, иногда с камнем, который от нее откатился, но эта разница не стоила целого путешествия.

Ему вспомнилась история о двух жертвах кораблекрушения, которые долго плутали на лодке в тумане. Наконец они увидели берег, на котором стояла человеческая фигура.

— Эй! Где мы находимся? — закричал один.

— В море! Недалеко от берега! — последовал ответ.

— Подумать только! — сказал моряк товарищу. — Умудрились налететь на адвоката.

— С чего ты взял, что он адвокат?

— Так ведь он ответил на мой вопрос абсолютно точно, но без толку.

Как и старый священник...

Должно быть, брат Марценни почувствовал разочарование Лэнга. Откуда-то из своей сутаны он достал лупу и еще раз уже через нее рассмотрел картину. А потом обратился к Герт.

— Он говорит, что буквы на надгробие латинские и написаны без пробелов, как писали древние римляне.

И опять Лэнг ощутил себя в лодке, которая плывет по морю в тумане.

— Все это я уже знаю.

Словно поняв английскую речь, брат Марценни медленно и волнуясь прочел: «*Et in Arcadia ego sum*».

— Но тут нет смысла, — сказал Лэнг. — И *sum* и *ego* означают первое лицо: *sum* значит «я есть», *ego* — просто «я», местоимение первого лица.

Герт воззрилась на него с таким видом, как будто у него выросла вторая голова. Лэнг, точно извиняясь, пожал плечами.

— Латынь для меня вроде хобби.

— Никогда об этом не знала.

— Да как-то ни к чему было ее использовать. Мы обычно общались, охая и ахая. Спроси у него, зачем два раза используется местоимение первого лица.

Подарив Лэнгу взгляд, который мог прожечь и бумагу, Герт погрузилась с монахом в обсуждение. Он жестикулировал так, словно руками надеялся развязать запутанную тайну.

Наконец Герт кивнула:

— Он говорит, что второе местоимение, возможно, использовано для подчеркивания смысла. Фразу можно пе-

ревести как «Я тоже» или «Я даже». Возможно, художник изъяснялся алле... алле...

— Аллегориями, — помог Лэнг.

— Да. Например, фраза «Я тоже здесь» может означать, что смерть существует даже в Аркадии.

— Значит, могила Христа находится в Канаде или в Греции? Спроси у него, как такое может быть?

Выслушав вопрос Герт, монах жестом попросил принести ему еще один стакан вина и рассмеялся, разведя руками.

— Он говорит, Пуссен — француз. Французы слишком заняты женщинами и вином, чтобы разбираться в географии. Кроме того, Аркадия символизировала пасторальный мир.

«Или что-то другое», — подумал Лэнг.

Так как Лэнгу еще предстояло вести мотоцикл, он пил кофе. Содержимое его чашки уже остыло, и он попросил принести другую. Тем временем брат Марценни достал линейку и начал измерять снимок. Он крутил карточку во все стороны, смотрел и сверху, и снизу и, наконец, кивнув, обратился к Герт.

— Он говорит, что это не просто картина, но еще и карта.

Лэнг забыл о своем кофе.

— Карта? Карта чего?

Герт перевела.

— Старинные картины часто бывали картами. Видишь, жезлы, которые держат пастухи под углом, — это две стороны равностороннего треугольника. Если мы нарисуем третью сторону, могила окажется в центре. Это значит, что картина, то есть карта, указывает зрителю на саму гробницу.

— Он уверен?

Еще один вопрос прозвучал по-итальянски.

Монах энергично закивал, прикладывая линейку то к одной, то к другой оси на картинке.

— Уверен. Пастушьи жезлы, солдатские мечи, другие прямые предметы часто использовались как указатели. Если жезлы не поставить в нужном направлении, то не получится треугольника.

— Могила находится между двумя палками? — скептически поинтересовался Лэнг.

Герт покачала головой.

— Нет-нет. Видишь на заднем плане деревья на горах? Если продолжить линию тех деревьев, она тоже протянется к могиле. А еще деревья обрамляют этот зубчатый провал в горе, видишь? Брат Марценни говорит, что если перенестись в это место и найти, где горы выстраиваются в ту же линию, что и на картине, то можно установить, где находится могила.

Монах прервал ее, продолжая что-то говорить.

— А еще важно, что фон не такой, как на картине Пуссена, у Пуссена было по-другому. В те дни, когда жил художник, такие похожие картины нередко создавали.

Ничто из сказанного Лэнга не убедило.

— Он хочет сказать, что картина — это карта того места в Греции, где находится могила Христа?

Герт снова заговорила по-итальянски. Старик покачал головой, снова перекрестился и указал на картину, на небо и на себя самого.

— Конечно, нет. Святая гробница находится в Иерусалиме, она опустела через три дня после того, как Иисуса Христа распяли, а он воскрес, вознесшись на небеса. Могила на картине может означать что угодно, сокровища, например. Или место, где кому-то явилось видение.

В те времена, когда эта картина создавалась, всякий символизм, скрытые значения, головоломки, тайные карты были в большой моде. И, зная, где находятся эти горы, допустим, в Греции, можно было найти то, что символизирует могила.

Это было уже лучше, чем плыть в тумане.

— Итак, — сказал Лэнг, — вот из-за чего погибли моя сестра и племянник. Кто-то хотел быть уверен, что ни один человек на свете не постигнет тайну карты, ведущей к сокровищам или еще чему-то, ради чего он готов был убить.

— Или умереть, — заметила Герт. — Как тот парень, бросившийся с балкона.

Мгновение они сидели в полной тишине. Лэнг пытался угадать, что может быть хуже, чем прыжок с балкона. Монах осушил свой стакан, поставил на стол и заговорил.

— Ему пора возвращаться к работе. Эти ленивые штукураты ничего не хотят делать, пока их не приструнишь, — перевела Герт.

Лэнг поднялся.

— Передай ему искреннее спасибо от еретика.

Выслушав перевод Герт, монах улыбнулся, после чего повернулся и отправился в собор.

Лэнг снова сел и глотнул холодного кофе.

— Знаешь, что я тебе скажу? Человек, готовый убивать, лишь бы никто не разгадал секрета картины, нарвется на кучу неприятностей.

Герт окинула площадь беспокойным взглядом.

— А я скажу, что тебе надо, как говорят американцы, лучше присматривать за своей задницей. — Она наморщила нос. — Только как ты это сделаешь, не оторвавшись от стула?

4

Орвието

Они ехали вниз по холму, узкая горная дорога петляла перед мотоциклом, точно черная лента. Хотя сзади сидела Герт, машина держалась прямо, пока Лэнг тормозил, поворачивал и прибавлял газу. Он так сосредоточился на дороге и мотоцикле, что даже забыл о руках Герт, обнимавших его, о груди, прижимавшейся к его спине, что чувствовалось даже через кожаную куртку.

Заграждения не было. По правую сторону от себя Лэнг видел верхушки деревьев и крыши домов. Его взгляд был устремлен через Умбрианскую долину и упирался в туманные холмы на горизонте. Дважды он видел большую птицу, парящую внизу над полями, расправив мощные крылья. На этом мотоцикле он чувствовал почти такую же свободу.

Слева за стенами постепенно исчезал город, пока не осталось ничего, кроме клубов пыли и груд камней.

Лэнг не понимал, почему его захлестнула эйфория — то ли красивый пейзаж, то ли компания. Знал только, что сильно удивился, когда на одном коротком и прямом отрезке пути увидел, что все отражение в зеркале занимает огромный грузовик. Над кабиной водителя виднелся груз, лежащий в кузове и накрытый брезентом. Углы брезента трепало ветром, словно машина вместе кузовом и грузом сейчас взлетит.

Откуда он взялся? То ли Лэнг отвлекся от дороги, то ли грузовик двигался слишком быстро для извивов серпантина.

Лэнг наклонился и ушел вправо, оставив слева крутой поворот дороги. Ничего не помогло: словно из всех сил пытаясь удержаться на асфальте, грузовик упрямо догонял их. Лэнг отчетливо видел, как кузов резко качнулся, едва не опрокинувшись. Завизжали тормоза. Наверное, водитель был пьян или тормоза неисправны. Но если за рулем сидел трезвый, то только душевнобольной мог сделать такой рискованный вираж на дороге, где между трассой и пустотой оставалась совсем узкая обочина. Лэнг стал искать впереди поворот или хотя бы какой-нибудь закоулок. Ничего! Справа — обрыв, слева — отвесная стена. Бежать некуда.

Мелкие капли холодного пота выступили на спине у Лэнга. Грузовик в зеркале разрастался все больше.

Поворот — и им удалось оторваться метров на двести. Сквозь свист ветра Лэнг ясно услышал, как водитель грузовика переключил передачу. Этот идиот не собирался тормозить!

Лэнг слегка шлепнул Герт по ноге и указал пальцем назад. До него донеслось немецкое ругательство, и она плотнее прижалась к нему.

Мотоцикл встряхнуло: заднее крыло разлетелось вдребезги, и Лэнг едва удержал машину. Эта паскуда собралась задвить их! Он повернул дроссель до предела.

Как они отыскиали его? Откуда им было знать, что он на мотоцикле отправился в Орвието? Лэнг выдавил этот вопрос из головы. Сейчас думать только о дороге.

Если он сумеет оторваться от грузовика на следующем повороте, кто-то из них будет вынужден притормозить или его сбросит с горы центробежной силой. Жаль, «БМВ» славился скорее удобством, чем скоростью.

Он вновь ощутил мощный удар ревущего колеса и увеличил скорость, чтобы уйти от преследователя. Мотоцикл мчался на пределе, пересекая разделительную полосу. Если бы кто-то выехал из-за поворота навстречу, они бы столкнулись лоб в лоб. У Лэнга не было выхода — или riskовать, или их размажут по дороге.

Но им повезло: они свернули за неизвестный поворот и скрылись в тени холма, оторвавшись метров на сто.

Лэнг держался за руль мертвой хваткой, ладони у него взмокли. А еще эти чертовы перчатки...

Лишь несколько секунд в зеркале не было отражения. Почти сразу из-за поворота с визгом и фырканием выполз

громадный грузовик. Лэнг попытался вспомнить, как они ехали в Орвието и где сейчас могли находиться. Если им удастся выбраться на ровную дорогу, они уйдут от грузовика, это точно. Если удастся...

Преследовавшая машина снова сократила расстояние. Ее возможности были на высоте, а мотоцикл просто не мог ехать быстрее.

Внезапно Герт шевельнулась. Ведь она знала, что любое движение способно нарушить равновесие и тогда мотоцикл полетит в пропасть. Лэнгу хотелось обернуться и рывкнуть, чтобы она сидела ровно, но он не мог даже на секунду отвести взгляд от дороги. Только не сейчас.

Он почувствовал, как ее рука обхватила его поперек груди. Казалось, Герт откинулась назад и куда-то тянется. К багажнику! Господи, нашла время что-то искать!

В одно из зеркал Лэнг увидел, как она привстала и, обернувшись, посмотрела на грузовик, продолжая одной рукой держаться за Лэнга, чтобы не потерять равновесия. Лэнг ничего не мог сделать: ни затормозить, ни, взяв ее за руку, усадить на место.

Решетка на морде грузовика походила на открытую пасть, которая вот-вот заглотит их обоих. И Лэнг ни черта не мог сделать.

Неожиданно сквозь шлем и свист ветра раздался хлопок, а за ним другой. Лопнула шина! Лэнг изо всех сил старался справиться с управлением, чтобы ни на мгновение не потерять скорость. Потом послышались еще звуки, напоминающие тихие удары. Мотоцикл немного качнуло.

Бросив мимолетный взгляд в зеркало, Лэнг увидел, что грузовик заметно отстал и миллионы алмазных огоньков, блистая в солнечных лучах, рассыпались по лобовому стеклу. Почти не веря, он смотрел, как машина все больше отклоняется от курса, скользя по огромной дуге, пока наконец, протестуя взыв резиной, она не врезалась в скалу, точно ракета. На мгновение зависла над пустотой, потом клюнула носом и низринулась в пропасть, как души на фресках.

Герт села и положила руку ему на талию. Он уловил запах сигарет, прежде чем ветер унес его, и потом понял, что случилось.

Когда они скатились со склона, дорога стала ровней и шире и Лэнг наконец смог затормозить. Остановив-

шись, они оба не шевелились и молчали, пытаясь прийти в себя.

Наконец Лэнг снял шлем и повернулся к Герт.

— Я и забыл, что в восемьдесят седьмом ты выиграла соревнования по стрельбе в управлении. Стрельба из пистолета и винтовки, если я правильно помню.

Она улыбнулась с притворной застенчивостью, как будто примеряла новое платье.

— В восемьдесят восьмом и восемьдесят девятом тоже. Потом я больше не участвовала.

— Что случилось с пистолетом?

— Выбросила в траву, когда грузовик отстал. Когда полиция прибывает на место аварии, они станут опрашивать всех в округе. В лобовом стекле дырки от пуль. Я не хочу, чтобы у меня нашли оружие.

— Там все чисто?

Она наклонилась вперед, проверив макияж в зеркале мотоцикла, и в тот момент была больше похожа на неопытную девчонку, нежели на человека, который только что стрелял не хуже Джеймса Бонда.

— В управлении научили. Я в перчатках, а значит, никаких отпечатков пальцев на оружии или следов пороха на моих руках, если проверят.

— Как думаешь, нам надо вернуться и посмотреть, что с водителем?

Оторвавшись от зеркала, она взглянула на него с недоумением.

— А что мы скажем властям, если они уже на месте? Не думаю, что они станут слушать объяснения беглеца, находящегося в международном розыске.

Лэнг задумался.

— Но так мы не узнаем, кто нас преследовал.

— Ты пока переоденься, спрячь кожаный костюм в багажник, а я схожу одна. Если полиция уже на месте, они ни за что не заподозрят женщину в такой точной стрельбе. Тем более они итальянцы. Они подумают, что это были очередные разборки. Надо посмотреть, нет ли на нем каких-нибудь опознавательных знаков. А еще взглянуть, не сможет ли он проболтаться.

Лэнг смотрел ей вслед и думал, что, наверное, Киплинг, когда писал: «В любой породе женщина ужасней», — имел в виду такую женщину, как Герт.

5

Умбрианская автострада
Спустя тридцать минут

Лэнг ждал на одной из заправочных станций. Своими кафетериями и душевыми, воняющими дезинфекцией, здешние заправки ничуть не отличались от Нью-Йорка или Флориды. Почему Америка экспортирует всякую дрянь? У Лэнга появилась теория, что однажды наступит день и вся Европа станет похожа на Канзас или, еще хуже, на Калифорнию.

Хотя в тот день он много чего передумал. Капуччино, стоявший перед ним, был вроде входного билета, ценой, которую он заплатил за место в баре. Но разве кофе могло подарить такой кайф, как возбуждение гонки, уже утасажующее. Как он жил так долго без острых ощущений, которые способна дать только опасность? Конечно, работа в управлении никогда не заставляла его балансировать на грани жизни и смерти, участвовать в перестрелках, погонях, и все же приходилось вычислять контрабанду или переребечиков через укрепленную границу. Даже предполагать, каким окажется следующий ход на шахматной доске Европы, и то было весело, пока красный король с его пешками не исчез с игрового стола.

Теперь же, глядя вперед, он видел одни словесные поединки в зале суда — стилизованное представление вроде театра кабуки. Он даже не предполагал, что из его жизни совсем исчезнет игра. Стремительно разворачивающиеся события, вызов — все это заглохло в памяти, и даже без сожаления, когда его поглотило сокрушительное единообразие юридической школы и адвокатской практики. А жена — да она заболела бы от беспокойства, заикнись он, что уедет из дома на неопределенный срок.

Теперь Дон больше не было, а Лэнг оказался втянут в игру с правилами, которых не выбирал. Даже красные — эта мировая угроза, коммунисты-безбожники, смысл существования ЦРУ — и те не были фанатиками. По крайней мере ни один из тех, кого он знал. Он никогда не слышал, чтобы кто-то из них горел нетерпеливым желанием умереть за марксизм, как моджахеды готовы принести себя в жертву Аллаху. Они, — Лэнг не знал, как их назвать, — они были точно одержимые террористы.

Наемный убийца, приходивший, чтобы прикончить его, не задумываясь, выпрыгнул с балкона, готовый распрощаться с жизнью, лишь бы не поймали. Водитель грузовика гнал на бешеной скорости по извилистой дороге, даже не думая ее сбавлять. Единственной его целью было уничтожить двух мотоциклистов, пусть даже ценой собственной жизни. Но ради чего?

Чтобы так гореть, надо быть глубоко верующим человеком, членом религиозной группы, скорее всего, сторонником какого-то культа. История полна мрачных примеров. Мусульманский орден ассасинов, встречавших крестоносцев ножами в ночи, индийские душители, губившие англичан, японские камикадзе, погибавшие за императора.

Объяснения брата Марценни только подтвердили его предположение: люди, которые хотели получить эту картину, способны были убить за нее. Должно быть, несметные сокровища спрятаны в тайнике, зашифрованном на картине Пуссена. Но он никогда не слышал, чтобы люди умирали мученической смертью ради богатства. Умереть можно за идею, за честь, из мести. Но даже самые неслыханные сокровища не входят в этот список.

Но пойдём дальше. Старый монах ведь не говорил, что картина — это карта, указывающая, где зарыто пиратское золото, так ведь? А отчего еще можно убить за копию, даже не вполне похожую на оригинал? Значит, она имеет какую-то идеологическую ценность.

Но какую? Это что, Святой Грааль?

Было несколько фактов, в которых Лэнг не сомневался. Они хотели заполучить картину и намеревались уничтожить всякого, кто мог раскрыть ее секрет. Этот секрет представлял для них огромную ценность. Лэнга интересовало, в чем он мог заключаться. Разгадка этой тайны могла вывести на того, кто убил Дженет и Джефа и пытается убить его самого. Теперь, зная, что картина хранит в себе секрет, ему требовалось выяснить, кто его охраняет и почему.

У него в голове выстраивался план.

В забитом помещении воцарилась тишина: в комнату вошла Герт и уселась рядом с Лэнгом на свободное место за барной стойкой. Валькирия шести футов ростом в мотоциклетной коже приковала к себе всеобщее внимание.

Не обращая внимания на взгляды, следящие за каждым ее вздохом, она закурила «Мальборо» и указала человеку за стойкой на чашку Лэнга. Ей тоже хотелось капуччино. Лэнг готов был биться об заклад, что бармен никогда не старался так быстро выполнить заказ.

Когда вокруг вновь зажужжал разговор, он усмехнулся.

— А ты производишь впечатление.

Она глубоко затянулась и заговорила, одновременно выпуская табачный дым.

— Пусть смотрят.

Он с нетерпением ждал, когда она расскажет, что узнала, но она принялась пить кофе.

— Ну что?

Свободной рукой она полезла в карман и вытащила серебряную цепочку. Такую подвеску Лэнг уже видел в Атланте: четыре треугольника сходятся вершинами в центре круга.

Играя брелком, она сказала:

— Ни документов, ни бумажника, ничего.

— Полагаю, он выглядел...

— Как селедка.

— Скумбрия.

— Какая разница, какого копчения рыба, если она мертвая? А это украшение о чем-нибудь тебе говорит?

— Такое же было на человеке, который пробрался в мою квартиру в Атланте.

Затушив сигарету, Герт убрала цепочку в карман кожаной куртки.

— А не проще ли было использовать ружье, чем грузовик? Остается только гадать, зачем он гнался за нами, вместо того чтобы просто выстрелить, спрятавшись за деревом.

— Может быть, есть причина, по которой мы оба должны погибнуть в дорожном происшествии.

Герт пожала плечами, как будто это не имело никакого значения.

— Погибнуть, значит, погибнуть. А мы остались живы. Что дальше?

— Мне нужно сматываться из Италии и ехать в Лондон. Лэнг увидел сомнение на ее лице.

— Не так все просто, — проговорила она. — Сейчас твой портрет будет в руках всех полицейских Европы.

Она была права, но Лэнг возразил:

— Со времен общего европейского рынка границ больше никто не охраняет. — Он подозвал бармена и попросил еще двойной кофе. — Если выбрать аэропорт, из которого рейсы отправляются только по Европе, никаких таможен и иммиграционных служб там не будет. Волноваться следует лишь в одном случае: в аэропорту меня могут узнать копы. Сносная маскировка — и проблема решена.

— Но, чтобы лететь, надо по-прежнему предъявлять паспорт.

— Кажется, я помню одного человека, который...

Она оглянулась посмотреть, не подслушивает ли кто их разговор.

— Да-да, гравер в ювелирном магазине на Виа Гарибальди. Если мы поедem вдвоем, маскировка окажется еще лучше. Полиция не так пристально следит за парами.

— Спасибо, но я не хочу подвергать тебя риску.

— Вы только послушайте его, он вспомнил о риске! — ее брови взлетели. — А что, по-твоему, мы делали на дороге, чай пили?

— Если ты хочешь помочь, найди какого-нибудь знакомого в НТ, кто может устроить перевоплощение.

Второй отдел агентства — «Наука и технология» — обеспечивал сотрудников всем необходимым, начиная от радиоприборов и заканчивая зонтиками.

Герт утрюмо усталилась в чашку.

— Или я еду с тобой или не проси меня ни о какой помощи. Я не собираюсь дожидаться, пока они с тобой расправятся.

Лэнг обдумывал такой ход событий. Герт не была девицей, о которой требовалось заботиться каждую минуту, что она и доказала. Но сталкивать ее с этими людьми...

— Твой гравер, — добавила она, словно чувствуя, что он взвешивает все «за», и «против», — сидит в тюрьме за подделки.

— Ты меня убедила, — сдался Лэнг. — Можешь попросить помощи в НТ?

Герт допила кофе, поморщившись, когда в рот попала горькая кофейная гуща.

— Да, «Наука и технология» тебя переоденет так, что родная мама не узнает. Но как они это объяснят? Знаешь, они не специализируются на пособничестве тем, кто

скрывается от полиции. Им же надо сдать официальную заявку, получить разрешение...

В ЦРУ, как любом правительственном учреждении, жгучая смесь бумажной волокиты и канцелярщины. Когда была провозглашена «мирная глобализация», служащим вроде Лэнга было дозволено уйти в отставку без пополнения штатов. Но в Первом директорате, оперативном, родном доме крючкотворов, бюрократы до сих пор водятся в изоляции, как тараканы. И так же, как эти насекомые, способны пережить все — от урезанного бюджета до ядерного взрыва. Это люди нуждаются в бесконечных формальностях, потому что они оправдывают их существование.

— Игра не стоит свеч, — признал Лэнг. — Я еще и сам помню, как гримироваться. Ты тоже меня не узнаешь.

— В одежде или без?

Лэнг оставил без внимания ее слова.

— Мне нужны наличные, потому что я не могу пользоваться кредиткой. По выпискам с моего счета можно легко проследить, где я нахожусь. Еще мне нужна одежда и всякие мелочи, мои остались в пансионе. Не возвращаться же за ними! Еще понадобится паспорт и всякая всячина вроде водительского удостоверения. Ты мне можешь все это достать?

— Да, если ты берешь меня с собой.

— Ты прямо заключаешь сделку.

— Ради твоей же безопасности. Сам ты не сумеешь уберечь свою задницу.

— А что у тебя с работой?

— С этого времени у меня начинается отпуск.

Лежа на обеих лопатках, Лэнг знал, что это стратегическое отступление.

— Ладно, давай вернемся в Рим, заедем к тебе за необходимыми вещами. Но помни, я предостерегаю тебя: это не просто игра в войнушку.

Она сладко улыбнулась и перешла на тот медоточивый южный говорок, которому очень любят подражать люди, ни разу не бывавшие южнее Вашингтона.

— Милый, да такого чудесного приглашения я ни от кого в жизни не получала.

Лэнг просто не знал, что на это ответил бы Ретт Батлер*.

---

* Ретт Батлер — герой «Унесенных ветром», романа М. Митчелл о людях американского юга.

Тамплиеры

Гибель оргена

По рассказу Пьетро Сицилийского
Перевод со средневековой латыни
на современный английский язык
Найджела Вульфа

2

Еще прежде чем солнце вошло в зенит, Гильом де Пуатье решил снять с себя доспехи и саботоны¹, оставив только нарукавники, жилет² и кольчугу. Поверх всей этой военной амуниции был надет белый плащ, окутывающий его, как облако, со всех сторон.

Он без всякого смущения повествовал нам о невзгодах, с которыми ему доводилось сталкиваться во время войны с ненавистными турками: о заброшенных землях, безводных и непригодных для жилья. Там он и его товарищи не обрели манны небесной, просыпавшейся на израильтян в пустыне, но лишь колючие растения, скудную влагу и пропитание. Не единожды он и его друзья съедали боевых коней и оставляли мангонелы³, стенобитные орудия, навесные лестницы и другое боевое снаряжение на песке, не имея средств тащить их.

Его оруженосец, молодой человек лишь немногим старше меня, был окрещен Филиппом. Он, как и я, плохо помнил свою семью, так как еще в раннем детстве был отдан в рыцарское братство. Мы с трудом ехали вместе на тяжело нагруженном ослике в пыли, поднятой скакуном Гильома. Филипп занимал меня историями об экзотических странах, и я слушал его с открытым ртом, так как ничего подобного и вообразить себе не мог. Со своим хозяином он не расставался с самого Кипра и уже оттуда делил с ним все горести и радости. Дважды они подвергались нападению африканских пиратов, и оба раза Господь посылал ветер, и они оставались невредимы.

Впадая в грех чревоутодия и алчности, я снова и снова расспрашивал Филиппа о пище и напитках, которые надеялся отведать. Он повторял мне слова своего хозяина: мясо ели дважды в день, и все братья — неважно, были они рыцари, оруженосцы или другие, — спали на тюфяках, набитых соломой, которую меняли каждую неде-

¹ Здесь и далее см. примечания Найджела Вульфа на с. 115–116.

лю. Поблизости находился ручей, поэтому, если погода позволяла, можно было освежить тело. Я был так впечатлен рассказами о роскоши, ожидающей меня, что почти позабыл о том, что моя истинная цель — служить Господу, а не собственным желаниям. Возможно, именно за это я сейчас и несу наказание.

Наш путь пролегал вверх по горе Монте-Сан-Джулиано. На самой вершине находился город Эриче, обнесенный стеной и возведенный норманнскими королями⁴. Здесь мы провели ночь в аббатстве, совсем не похожем на то, которое я покинул. Я был настолько захвачен обещаниями, что разочаровался, увидев пищу, которую ел всю свою жизнь.

И снова мы ушли затемно.

Утро еще не разгорелось, и дорогу, ведущую вниз с горы, почти не было видно. К тому же горная тропа оказалась такой извилистой, что почти невозможно было разглядеть следующий поворот. Я радовался, что еду на ослике: он по ловкости намного превосходил тяжелых лошадей, которых мы должны были осторожно вести за собой, чтобы они не оступились и не упали вниз с обрыва.

Едва мы отъехали от городских ворот на дюжину фарлонгов⁵, как вдруг неожиданно увидели впереди людей. Солнце уже достаточно поднялось в небе, и мы смогли разглядеть дубины⁶ у них в руках. Несмотря на свой отшельнический образ жизни, я понимал, что мужчины на большой дороге, без животных, без женщин, скорее злодеи, нежели простые странники.

Я крепко сжал на шее четки и начал молить о заступничестве святого Христофора, потому что, хотя брать у меня было нечего, я слышал, что люди, подобные этим, обычно убивают своих жертв. Нет, не про таких Господня притча о добром самаритянине!

Если из-за сумерек и плохой дороги мы не могли достаточно хорошо разглядеть этих местных негодяев, то, значит, и они не имели возможности понять, что перед ними рыцарь в доспехах и с оружием.

Когда они устремились в нашу сторону, Гильом де Пуатье развернул своего белого коня и рысью поскакал к нам, так спокойно и невозмутимо, словно собирался выйти на арену для состязаний⁷.

Из снаряжения на спине у одной из лошадей, которых мы с Филиппом вели за собой, он вытащил длинный меч и поднял щит. С клинком в одной руке, щитом — в другой, он развернулся и прищепил коня, направив его в сторону злодеев.

— С Вожией помощью! — вскричал он, с грохотом спускаясь по узкой тропинке.

Рыцарь верхом на коне — более чем достойный противник для пешеходов, вооруженных лишь дубинками и короткими ножами,

чему я стал свидетелем. Разбойники, предчувствуя свою судьбу, начали разбегаться в стороны. Им ничего не оставалось, кроме как нестись вниз по дороге или по обрывистому краю находящихся поблизости развалин.

Наш рыцарь поднялся в стремнах и, сверкнув лезвием меча, снес голову одному из бандитов, который сделал еще два шага, перед тем как упасть в море собственной крови. Стоявший рядом с убитым разделил судьбу своего товарища. Еще двое предпочли спрыгнуть в пропасть, нежели оказаться насаженными на вертел, точно свиная туша над огнем.

Я раньше видел, как люди умирают от болезни или просто потому, что на то воля Божия, но ни разу не наблюдал, чтобы душа расставалась с телом посреди такого количества крови. Хотя эти люди замыслили против нас зло, я был потрясен тем, что здесь нет священника, чтобы отпустить умершим их грехи. Я быстро прочитал молитву над разбойниками, надеясь, что успею, пока их души не будут преданы на вечные муки. Христианин не должен мстить даже таким бесчестным существам, как эти. В конце концов, все мы братья, дети Отца Небесного.

Если у Гильома де Пуатье и были такие мысли, он никак не выказал их. Вместо этого он снова приподнялся в стремнах и указал мечом вперед.

— Все в порядке, милорд? — спросил Филипп своего наставника, как только мы приблизились к нему на такое расстояние, что могли переговариваться.

Рыцарь засмеялся и рукояткой вперед протянул окровавленный меч Филиппу.

— Хвала Господу и тому, кто отправил мерзавцев в их заслуженное место в аду. Сейчас мы должны найти остальных, потому что они наверняка разбили лагерь где-то неподалеку.

Я мало что понимал тогда и был не вправе задавать много вопросов, а тем более осуждать рыцаря, Божиего посланника.

Когда наш путь пролегал по равнине, мы почувствовали запах дыма. Его след был виден на фоне неба, теперь уже залитого ярким утренним светом. На краю дороги рыцарь приказал нам вести себя тише, взял свежую лошадь и повел нас в лес, такой густой, что, казалось, наступили сумерки.

Вскоре мы увидели просвет. Несколько убогих плетеных хижин стояло вокруг костра, на котором жарилась лань, подстреленная в лесах местного синьора. Эти подонки питались куда лучше, чем слуги Господа.

Здесь же около костра сидели несколько женщин, некоторые кормили грудью младенцев. Из мужчин только старики и калеки, без

сомнения получившие увечья от разбоя. Заметив нашего рыцаря, все, кого несли ноги, бросились врассыпную, точно стада куропаток.

Гильом де Пуатье с презрением посмотрел на убежавших. Сидя на своей огромной лошади, он наклонился, взял из костра горящий хворост и бросил на лачуги. Уходя, я слышал пронзительные крики людей, загнанных пожаром в ловушку.

— Сударь, — обратился я к нему, — я могу понять, когда вы расправляетесь с нашими врагами на большой дороге, но это не по-христиански — поджигать хижины тех, кто ничего нам не сделал.

Он наклонил голову и почесал бороду, прежде чем ответить.

— Те, кого я поджег, помогали тем, кто на нас напал. Они подлые существа, рабы, они бежали от своих хозяев и теперь грабят путешественников, таких же, как мы. Уничтожить их, все равно что избавиться от вредителей в хранилище с зерном.

Это не соответствовало наставлениям Господа нашего о том, что даже нижайшие среди нас — наши братья. Но я был молод, неопытен и путешествовал с человеком, который боролся за Христа и готов был пролить за него кровь, а потому немного сменил направление разговора.

— Но, сударь, вы не смотрели в их глаза, — сказал я, вспоминая его замечание, что настоящий рыцарь должен заглядывать в души своих врагов. — Они умерли в хижинах, сгорев заживо.

Он кивнул, все с той же улыбкой на губах.

— У тебя хороша память, юный брат. Однако в каждом правиле есть исключения. Те люди, которые сгорели в своих хижинах, умерли в огне, в одном из четырех Божьих элементов.

Я знал, что четыре элемента включают в себя огонь, воду, воздух и землю, но понятия не имел, при чем здесь убийство. Спустя несколько часов мы въехали в город Трапани. Это название по-гречески означает «серп», из-за гавани, напоминающей по виду полумесяца. Как я уже говорил, прежде я никогда не уезжал далеко от дома. Конечно, мне доводилось слышать о море, но это совсем не то же самое, что увидеть его своими глазами. Думая о море, я представлял себе Господа нашего, идущего по воде, а также его апостолов, ловящих рыбу, но я и вообразить не мог, что откроется моему взору. С прискорбием я вынужден был признать, что вера моя оказалась слишком мала для того, чтобы я сумел представить себе ловлю рыбы в столь темно-синих водах, настолько бесконечных и безбрежных. Я привык видеть холмы и горы, деревья и ручьи. А теперь я понял, где находится край земли.

И кораблей я тоже никогда не видел раньше — таких гигантских повозок, покачивающихся на воде под огромными белыми паруса-

ми. На каждом судне было достаточно ткани, чтобы накрыть собой весь мой старый монастырь.

Казалось, их тысячи, и они напирали друг на друга, то вздымаясь, то опускаясь с каждым вздохом могущественного океана⁸. Как мне сказали, весь этот громадный флот принадлежал тамплиерам, которые, чем платить вымогателям-венцианцам за доставку в Святую землю, предпочли обзавестись собственными кораблями⁹.

Целыми днями мы ждали попутного ветра, который отнесет нас к северу вдоль берегов Италии до Генуи, а затем к побережью Бургундии.

Проводя время в Трапани, я осознал, что не один Гильом де Пуатье отличается от бедных монахов из моей старой обители. Все его братство жило хорошо. Хотя и негоже судить других людей, я заметил, что смирение и бедность не числятся среди достоинств тамплиеров.

Они с наслаждением пили неразбавленное вино (которое поспешили объявить худшим по сравнению с винами соседних земель) и потакали своим пагубным привычкам. Лазартные игры были столь же приняты в их круту, как и молитвы, как и рассказывание историй, в которых каждый новый повествователь обычно оказывался героем чуть больше, чем его предшественник.

Я должен был понять, что ряд правил Святого престола неприменим к этому ордену. Возможно, именно это посеяло семена его грехопадения, столь же сокрушительного, как низвержение с небес сатаны.

Примечания Найджела Вульфа

¹ Броня, прикрывающая ноги и ступни.

² Броня, прикрывающая руки, плечи и верхнюю часть тела.

³ Приспособление для спуска с высокой горы наподобие катапульты.

⁴ В 1091–1250 гг.

⁵ Приблизительно 650 м.

⁶ Пьетро употребляет франкское слово *сусгел*, которое может означать как короткую тяжелую дубинку, так и оружие, которым били противника. В данном контексте естественнее предположить, что у разбойников было не металлическое оружие, а оружие, которое можно быстро изготовить из подручного материала.

⁷ Автор употребляет франкское слово *liste*, которое позже стало обозначать площадку, на которой проходили рыцарские состязания. Поскольку в те времена, к которым относится рассказ Пье-

тро, турниры как спортивные состязания между рыцарями были неизвестны, употребляется более раннее значение этого слова.

⁸ Это преувеличение принадлежит Пьетро, а не переводчику.

⁹ Не сохранилось свидетельств, какое число кораблей принадлежало тамплиерам, однако несомненно, что в одном неизвестном Сицилийском порту стоял целый флот и все корабли в нем являлись их собственностью.

Глава 5

1

Атланта
Тот же день

Морс сгорбился в кресле, изучая очередной факс, на сей раз полученный из Министерства обороны.

И даты службы, и пуля, застрявшая в области между седьмым и восьмым шейным позвонком, — все это подтверждало слова Рейли. Если Морс правильно понимал медицинскую тарабарщину, врачи решили его не оперировать, заняв позицию «от добра добра не ищут». Пытаясь хирургическим путем удалить эту проклятую пулю, можно было перерезать какой-то нерв с длинным названием.

Внезапно Морс так резко выпрямился, что колесики его кресла глухо хлопнули по серому ковру, заставив детектива в соседнем кабинете оторвать взгляд от компьютера и насторожиться.

— Значит, между седьмым и восьмым, — пробормотал он себе под нос, хватая телефон и набирая по памяти номер судмедэкспертизы.

Первый же человек, взявший трубку, подтвердил его предположения: никакого восьмого шейного позвонка не существует! Спинной отдел начинается с седьмого межпозвоночного диска.

Ошибка? Все может быть...

Он полез во внутренний карман своего пиджака, брошенного на спинку кресла, и вытащил записную книжку. Отыскать телефон офиса Рейли оказалось минутным делом. Лишь бы секретарша согласилась сотрудничать, хоть немного...

2

Атланта

Кабинет Арнольда Краузе, доктора медицины

Морс терпеть не мог медицинских приемных, даже если приходил туда не как пациент. Потрепанные старые журналы и дешевая мебель были настолько же отвратительны, как и медсестры-секретари. «Доктор вам поможет!» — неизменное обещание, которое дается бодрым голосом, только выполняется далеко не всегда. Он подозревал, что где-то существует школа, где оболваненных после лоботомии пациентов учат работать секретарями за конторками в этих приемных.

Но значок полицейского совершенно менял дело. Времени рассиживаться с журналом «Пипл» у него не было, и его сразу проводили в кабинет, где за дипломами и сертификатами едва можно было разглядеть темную обшивку стен.

— Арнольд Крауз!

Вслед за Морсом в комнату вошел невысокий человек в белом халате и, обогнув гостя, встал за рабочим столом.

— Как я понял, вас интересуют сведения из карты мистера Рейли.

Морс наслаждался тем беспокойством, которое большинство людей начинают испытывать рядом с полицейскими.

— Совершенно верно, доктор.

Крауз плюхнулся в кожаное кресло и протянул через полированный стол папку и огромный конверт.

— Вообще-то обычно мы не даем информации о пациентах без повестки из суда. Но раз наш пациент находится под следствием...

Морс уселся в кресло напротив и принялся листать папку.

— Я одобряю ваш неформальный подход к делу.

— Мы стараемся сотрудничать с представителями закона, — доктор пытался разглядеть через стол, что привлечет внимание детектива.

Морс читал последние записи. Похоже, Рейли отличался хорошим здоровьем. Он с нетерпением открыл конверт и вывалил на стол рентгеновские снимки. Разглядывая их один за другим на свет окна, он наконец нашел то, что искал. И протянул снимок доктору:

— Это шея, правильно?

Извернувшись в кресле, доктор вставил снимок в смотровое устройство на стене. Замигал и зажегся флуоресцентный свет.

— Нижняя часть шейного отдела позвоночника, да. Вообще-то это снимок грудной клетки.

Было заметно, что доктору хочется знать, зачем это Морсу понадобилось, но детектив не обратил на его безмолвный вопрос ни малейшего внимания.

— И в позвоночнике мистера Рейли нет никаких посторонних предметов, верно?

Брови врача озадаченно нахмурились.

— Посторонних предметов? Каких, например?

— Например, пули.

Доктор побледнел.

— Пули?

Морс перегнулся через стол.

— Я же говорю, пули. Если бы она была здесь, мы бы увидели ее, так?

Краузе кивнул.

— Вне всяких сомнений. Но зачем?..

— Когда вы обследовали мистера Рейли, вы никогда не замечали шрама или какого-нибудь другого повреждения, которое могло остаться, если пулю удалить?

Доктор покачал головой.

— Нет, ничего такого. Но почему?..

Морс поднялся, протянув руку.

— Вы очень помогли мне, док.

Крауз пожал протянутую руку с такой осторожностью, словно боялся, что она сломается.

— Вы думаете, мистер Рейли был ранен в шею?

Морс повернулся к двери, собираясь уходить.

— Некоторые в этом даже не сомневаются.

3

Атланта

Парковка, принадлежащая медицинскому центру

Морс протянул в окно автомобиля деньги, и ворота поднялись. Он даже не пересчитал сдачу, что с ним случилось редко, настолько был поглощен мыслями о ранении, которого не существовало, но которое подтверждали документы.

Человек, подмазавшийся к карьере военного, его не слишком интересовал. Многие подмазываются. Говорят, что побывали в сражении, а сами не высывались из офицерского клуба. Или заявляют, что служили, хотя военную форму не носили с тех пор, как были бойскаутами. Но ему ни разу не встречалась целая контора, фабрикующая фальшивых ветеранов.

Зачем они это сделали?

Он включил кондиционер в казенном «форде», скривившись, когда из воздушных клапанов подул теплый воздух, вздохнул и опустил окно. Они это сделали, потому что мистер Рейли никогда не служил в спецназе военноморских сил, а может быть, и вообще во флоте. И потому что кто-то предпочитает, чтобы в прошлое мистера Рейли не совали нос. И это единственный возможный ответ, который приходит в голову.

Он опять скривился, на сей раз от неприятных мыслей. Раз какой-то безымянный, безликий чинуша создает для Рейли подложное прошлое, значит, настоящее его прошлое, скорее всего, находится под прикрытием огромной и расплывчатой ширмы под названием государственная тайна. Иными словами, мистер Рейли был шпионом. А почему, собственно говоря, был?..

Но если мистер Рейли до сих пор шпион, то какой ему резон убивать Халворсона? Или вышвыривать мужика с балкона?

Наверное, в Вашингтоне решили, что портье на самом деле агент террористического объединения, и приказали его прикончить. Или что таинственный вор-взломщик — сводный брат Бен Ладена, раз уж на то пошло..

Морс врезал по тормозам, едва не проскочив на красный свет.

Касается дело национальной безопасности или нет, убийство никому не должно сходиться с рук, по крайней мере на территории Морса. Он доложит о своих подозрениях фэбээровцам, пусть побегают. Может быть, сумеют выудить какую-нибудь рыбку среди рыцарей плаща и кинжала. Выяснить, с кем Рейли знаком в Риме и где он может скрываться.

Глава

1

1

Лондон

На следующий день

езкий сигнал и вспыхнувшая надпись «Не курить», разбудили крепко спавшего Лэнга. Он протер глаза и, перегнувшись через Герт, посмотрел в иллюминатор.

Снизу навстречу МД-80 поднималось море грязных облаков. Напротив Лэнга, через узкий проход, сидела молодая пара, по виду из Восточной Европы, безуспешно пытаясь утешить ревущего малыша. Стюардессы Британских авиалиний носились по салону, собирая пластиковые стаканчики и составляя их в длинные стопки.

Лэнг поднес пальцы к верхней губе, чтобы убедиться, что усы на месте. Седеющие волосы и очки в толстой оправе делали его немного старше, по крайней мере Лэнг надеялся на это. Кусочки каучука, заложенные за щеки, превращали лицо в копию щекастой фотографии Генриха Шнеллера, которая была вклеена в немецкий паспорт, лежавший у него в кармане. Герт и Лэнг сделали этот снимок в фотомагазине через квартал от американского посольства. Едва на ней успел высохнуть клей, как Герт уже прилепнула ее копией государственной печати к чистому паспорту.

Лэнг не привык к растительности у себя на лице. Он всегда считал, что культивировать над верхней губой то же самое, что в другом месте растет само по себе, — это полная глупость.

Служащий, проверявший билеты в миланском аэропорту, вскользь глянул на документы и весело сказал им «arrivederci»*. Единственное внимание, которого они дождались от полицейских в серой форме, с портупеями и ботинками, отполированными до блеска, — это заинтересованные взгляды в сторону Герт. Темный, ровно подстриженный парик да легкая сутулость, чтобы скрыть рост, — вот и вся маскировка, на которую она согласилась. Кроме того, вряд ли они хоть раз видели ее лицо. Тем не менее она удостоилась самого беззастенчивого глазения, которым печально знамениты итальянские мужчины.

Герр Шнеллер и его супруга Фреда, выглядевшая много моложе своего мужа, покинули Милан на самолете, летевшем в Лондон. Если бы кому-нибудь вздумалось проверить, что за компания оплатила по кредитке их билеты, он бы выяснил, что фрау Шнеллер сопровождала мужа в деловой поездке, назначение которой — прицениться к ковровой шерсти сначала в Милане, а затем в Лондоне, откуда супруги намеревались отправиться в Манчестер.

Лэнг понятия не имел, существовал ли адрес его «работодателя» на самом деле, но по опыту знал, что по гамбургскому номеру телефона вполне может позвонить некий субъект, говорящий на правильном литературном немецком языке и сидящий в кабинете где-нибудь в Вирджинии.

Он также знал, что паспорта и водительские права будут внимательно проверять. Любая попытка проверить кредитные карты «Виза» или «Американ Экспресс» выявит, на что и где тратились средства, хотя он пообещал не использовать кредитки ни для чего, кроме удостоверения личности. Герт пришлось позвонить знакомым, чтобы ей помогли с документами и карточками. Сделать на них покупки было бы верхом безобразия.

Самолет затрясло, и Лэнг вжался в сиденье. Умом он понимал, что самолет взбрыкивает и скрипит от того, что поворачиваются лопасти и выходят шасси. И вообще эта машина — замечательное детище американской инженерной мысли. И все же ему становилось неуютно, едва он представлял себе высококачественные американские детали, в беспорядке разбросанные по сельской местности.

Лэнг все больше и больше не любил летать.

* До свидания (итал.).

Впрочем, приземление прошло благополучно, и кровь вновь прилила к рукам, мертвой хваткой вцепившимся в подлокотники кресла.

Как и ожидалось, в аэропорту не было никаких таможенных или иммиграционных проволочек. Не прошло и нескольких минут, как Герт и Лэнг уже вручали свои сумки улыбающемуся водителю, который уложил их в багажник черного блестящего такси. Лэнг отдавал должное лондонским таксистам, которые не только говорят по-английски, но и великолепно знают город.

Хотя в Италии вовсю чувствовался апрель, здесь, в Англии, зима неохотно ослабляла свою хватку. По небу цвета чугуна противня плыли пригоревшие пятна булочек-облаков. «Дворники» жалобно всхлипнули по стеклу, и такси направилось в западную часть города.

Дон так и не полюбила Лондон, и за это Лэнг должен винить самого себя. Он привез ее сюда под Рождество — время пушистого белого снега и сливовых пудингов. Вместо этого они получили туман, темноту в четыре часа дня и сопливые носы из-за допотопной отопительной системы в гостинице «Савой».

Даже викторианская роскошь в номере — овальной комнате, обставленной изысканной мебелью, — не смогла компенсировать того уныния, которое каждый день открывалось взгляду из окна. Лэнг с женой провели день в Тауэре: наблюдали за сменой часовых, давились пережаренной говядиной в «Симпсонс» — все туристические мероприятия, которыми он надеялся ее порадовать. Но погода, словно тяжелое одеяло, задушила весь ее энтузиазм.

Они обедали в клубах со старыми друзьями Лэнга, проводили вечера, наполненные возлияниями и военными байками.

А днем предавались мотовству в универмаге «Харродз». Но ничто не способно было поднять настроения Дон, такого же мрачного, как вид из окна.

Лэнг очень расстроился. Лондон был одним из его любимейших городов. Тогда они с Дон впервые поссорились — единственный раз за всю жизнь. Они рано уехали домой — в День рождественских подарков, 26 декабря, наплевав на изречение Бена Джонсона, который говорил, что кто утратил интерес к Лондону, тот утратил интерес

к жизни. По мнению Дон, выходило, что Бен Джонсон наслаждался ужасной погодой и невкусной едой. Когда пришло время улетать, погода стояла такая же скверная, как и в день прилета.

Воспоминания об этой поездке были для Лэнга особенно мучительны, потому что уже через неделю у Дон начались приступы резкой боли, заставлявшие ее корчиться, схватившись за живот. А спустя еще неделю врачи вынесли ей смертный приговор.

До сегодняшнего дня Лэнг не возвращался сюда.

В городе произошли явные перемены. Со всех сторон высились подъемные краны. Появились новые деловые здания, новые жилые дома для новых миллионеров. Недавно Лэнг прочел, что Лондон быстро растет, опережая остальную Великобританию по темпам строительства и процветания.

Из окна машины, залитого струйками воды, Лэнг наблюдал за дорогой. Вот они проехали Букингемский дворец. С противоположной стороны возвышался памятник королеве Виктории, весь облепленный цветными плащами и зонтиками: туристы искали самое выгодное место, чтобы посмотреть смену караула. Такси круто повернуло налево, на улицу Святого Иакова. Они находились всего за несколько кварталов от площади Пиккадили, въезда в Сохо — район магазинов, ресторанов и театров. Минував зубчатые башни дворца Святого Иакова, такси свернуло в закоулок и остановилось перед небольшим кирпичным зданием, примечательным, пожалуй, только своей вывеской «Отель Стаффорд».

В Риме дешевое и маленькое жилище не уберегло Лэнга от встречи с ними. Он был уверен, что его вели от пансиона до самого Орвието. На сей раз он выбрал средний симпатичный отель — место, вполне подходящее для господина Шнеллера и его супруги (в путеводителях о таких гостиницах пишут «за умеренные цены») да к тому же удачно расположенное. Решающим фактором при выборе гостиницы послужило то обстоятельство, что она находилась в тупике — на короткой улице, приютившей небольшой частный клуб, два отельчика и несколько торговых фирм. Никаких магазинов, никаких ресторанов. Любой празднующийся тип сразу попадет в поле зрения.

Швейцар достал из багажника их сумки. Пока Герт раздавала чаевые и проходила регистрацию, Лэнг исследовал вестибюль. Все было так, как он помнил. За административной зоной находилась гостиная викторианского особняка. За нею чья-то светлая голова додумалась расположить американский спортивный бар, он же — мужской клуб. Над баром висели каски всех команд Национальной футбольной лиги. С потолка, словно полосатые сталактиты, свисали шарфики, раскрашенные в цвета спортивных клубов. На стенах красовались фотографии европейских атлетов и среди них — единственный снимок самолета В-17 на взлетно-посадочной полосе, вероятно, какого-то британского аэродрома времен Второй мировой войны. Французские двери открывались в маленький внутренний дворик.

С последнего приезда Лэнга над гаражом были построены меблированные комнаты. Ему не слишком нравилось, что выбраться из отеля можно было только двумя путями: через входные двери и здесь. В том, что касается путей отступления, главный принцип — чем больше, тем лучше.

К тому времени как он завершил свой обход, Герт уже поджидала его около лифта. Номер у них был маленький, уютный, чистый и хорошо обставленный. Повесив одежду в шкаф, Герт закурила «Мальборо» и направилась в ванную.

— Я только переоденусь, а потом поеду на Гросвенор-сквер, — бросила она через плечо.

На Гросвенор-сквер располагалось посольство США, а значит, и руководство ЦРУ. В какую бы страну ни выезжали сотрудники управления, они обязаны были отмечаться, даже во время отпуска. Простой здравый смысл подсказывал, что этим требованием можно отбить у сыщиков всякую охоту раскручивать собственные частные проекты — вроде того, что сейчас вела Герт, сопровождая Лэнга.

— Возьми такси, не то простудишься, — посоветовал он, стоя у закрытой двери. — Ближайшее метро почти у самого посольства.

Дверь в ванную приоткрылась, и высунулась голова Герт в облаке табачного дыма.

— Ты это сам знаешь или вычитал в путеводителе?

— Где ближайшая станция подземки? Знаю. Я в этом городе провел немало времени.

Она кивнула, переваривая информацию.

— Спасибо за благой совет.

— За добрый совет.

— Какая разница! Твоя забота причиняет мне счастье.

Дверь захлопнулась, оставив Лэнга в задумчивости. Англичанин скажет, что он счастлив. Или что его сделали счастливым. И только немец способен сказать, что ему причинили счастье. В этом проявляются какие-то различия между национальными характерами. Когда у Лэнга будет время, он придумает какие.

2

Лондон

Площадь Святого Иакова

Спустя полчаса Лэнг вышел из гастрономического дома «Фортнум и Мэйсон», раскрыл новый зонт и поблагодарил швейцара в цилиндре, который держал перед ним распахнутую дверь. Зонт не только укрывал его от занудной мороси, — он позволял смешаться с толпой, которая двигалась под зонтиками, обтекая бордюрные камни и дожидаясь, пока не прервется поток машин.

Справа от Лэнга на мокрый тротуар сочился неоновый свет площади Пиккадили, разноцветные огоньки плясали на черном асфальте. Двухэтажный автобус сперва загордил, а затем, отъехав, вновь открыл взгляду статую Эрота, греческого бога любви, царившего на этом пятачке уже более ста лет. Отрывисто гудели машины, словно звонко целуя воздух. Тормозили грузовики и автомобили.

Не очень зная, с какой стороны обойти машину, справа или слева, Лэнг шагнул к ярко-красному «мини-куперу». Шевелюра водителя была пострижена «под битлов», во рту подпрыгивала сигарета — он разговаривал по мобильнику. Тогда Лэнг обогнул зад «ровера», два японских мотоцикла и наконец выбрался на противоположный тротуар.

Пройдя полквартала, он добрался до Олд-Бонд-стрит. Под номером 12 висела табличка: «Майк Дженсон, торговец раритетами и антиквариатом». Лэнг толкнул дверь и вошел.

3

Лондон
Вест-Энд

А тем временем за километры отсюда, в Вест-Энде, человек внимательно рассматривал на экране черно-белые фотографии центральных улиц, снятых, увеличенных и разложенных на отдельные городские сценки. То и дело одна из картинок застывала на экране, и вокруг лица появлялся белый ободок, пока оператор не запускал машину дальше.

Большинство лондонцев не подозревали о том, что они попадают в камеру, а потом их изображение передается на экран до сорока раз в день — как они идут на работу и возвращаются домой, бегут куда-то, опаздывая, или просто входят в магазин. Такие меры были предприняты, чтобы избежать угрозы террористических актов. Тысячи камер установлены в разных районах, и в их объективы попадает бесчетное множество лиц — много больше, чем могут опознать полицейские.

Век высоких технологий породил программу опознавания лиц. Человеческий портрет можно запрограммировать в компьютере, после чего с него снимают все необходимые параметры: замеряют расстояние между глазами, длину носа и так далее. Едва физиономия «разыскиваемого» попадает в объектив камеры, как тут же, по сигналу тревоги, она выдвигается на первый план, а на экране высвечивается тот район, где он находится.

Если черты лица изменились благодаря пластической операции или из-за травмы, компьютеру не составляет труда выявить эти изменения. В большинстве случаев внешность людей меняет новая прическа, прибавка в весе или самая безжалостная сила на свете — возраст.

Проявляя присущее всем правительствам нежелание отдавать однажды приобретенную власть, лондонская полиция позволила тем немногим, кто знал об этой аппаратуре, забыть о ней после того, как ирландский вопрос был временно урегулирован. Изредка, когда эта тема всплывала, власти быстро указывали, что камеры, поставленные в беспокойных районах, позволяют арестовать внушительное число преступников. А убирать аппаратуру из благополучных районов, раз уж она осталась в других, не стали,

чтобы не нарушать британских традиций «честной игры» и, главное, не беспокоить городской совет. Отдельных граждан, оплакивавших уединение и частную жизнь, власти клеймили как анархистов и противников безопасности.

Технология идентификации в качестве «эксперимента» была опробована полицией в Тампа во Флориде. В 2001 году девятнадцать болельщиков Суперкубка были опознаны как преступники, находящиеся в розыске.

Но чего уж лондонская полиция никогда бы не согласилась признать, так это что данные можно перехватить, взломав компьютер. Человек, сидящий напротив экранов, именно этим и занимался — перехватывал данные.

Лэнг Рейли повернул и вошел в магазин, предоставив возможность камере снять его и анфас, и в профиль. Человек, следивший за экраном, зафиксировал фотографию и приблизил ее, после чего набрал номер на сотовом телефоне.

— Вы были правы, — произнес он. — Как и следовало ожидать, он идет к Дженсону. Что дальше делать?

Какое-то время он внимательно слушал голос в трубке, а потом прервал связь, не произнеся в ответ ни слова, и торопливо набрал другой номер.

— У Дженсона, — произнес он, не представляясь. — Проверьте, чтобы все было чисто и Дженсон тоже. Нет, планы изменились. Мы хотим, чтобы Рейли остался жив, посмотрим, что еще ему известно.

4

Лондон Олд-Бонд-стрит

Колокольчик звякнул, Лэнг переступил порог магазина — комнатки на шесть квадратных метров. Масляные картины и акварели толкались на стенах, покрытых простой штукатуркой, споря за кусочек пустого пространства. Ровными парадными колоннами вытянулись ряды темной мебели, разделяя комнату на квадраты, идеальные, как строй британской пехоты. В помещении стоял запах лимонного масла.

Он услышал шаги по дощатому полу, и в дальней части комнаты приподнялась штора. Из-за нее, потирая руки, вышел человек в темном костюме. Длинное бледное лицо

обрамляли безжизненные темные волосы, слегка тронутые сединой. Улыбнувшись, человек показал кривые зубы.

— Доброе утро, сэр, — произнес он голосом, каким, по мнению Лэнга, заговорил бы дворецкий Дживз*. — Вам чем-нибудь помочь или просто хотите посмотреть?

— Мистер Дженсон? — осведомился Лэнг.

Вороватый огонек вспыхнул в глазах антиквара — взгляд субъекта, который намеревается удрасть. Лэнг готов был поспорить, что у мистера Дженсона несчастные кредиторы.

— А вы кто, позвольте узнать? — поинтересовался он, словно защищаясь, а не любопытствуя.

Лэнг улыбнулся, пытаясь выглядеть как можно миролюбивее.

— Человек, которому очень нужна информация.

Дженсон несколько не успокоился.

— И какого же рода информация вас интересует?

Лэнг с восхищением провел рукой по шкафчику из красного дерева, инкрустированному атласным деревом. Затем достал снимок и положил на мраморную крышку комода, разглаживая помятости.

— Не могли бы вы рассказать мне, откуда к вам попала эта картина?

Дженсон с огромным облегчением вздохнул.

— Полагаю, из чьего-то описанного имущества, а может, с распродажи обанкротившейся компании. Если у вас пристрастие к религиозному искусству, в таких местах вы его без труда найдете.

— Я адвокат, — объяснил Лэнг, не снимая руки с прохладного мрамора, где лежала карточка. — Один мой клиент чрезвычайно заинтересован в этой картине, и хотел бы узнать ее происхождение.

Дженсон принялся внимательно изучать снимок, при этом глаза у него сузились, как у лиса, учуявшего курятник.

— Я обычно не храню документов на предметы искусства, которые выставляются на всех распродажах. Места не хватает и все такое, ну сами видите. Надо поднять записи, просмотреть учетные книги. На это уйдет немало времени, если вы понимаете, о чем я говорю.

* Герой книг Пелема Гренвилла Вудхауза о дворецком Дживзе и аристократе Вустере.

Лэнг прекрасно понял.

— Мы с моим клиентом готовы оплатить каждую минуту вашего драгоценного времени.

Дженсон опять одарил Лэнга своим настороженным и проницательным взглядом.

— Хорошо, я для вас найду, — он вынул карманные часы, — после обеда. Заходите через пару часиков.

5

Лондон

Полтора часа спустя

Лэнг заказал себе рыбу с жареной картошкой. Нельзя сказать, что это была его любимая еда, но зато не пришлось долго ждать. Почитав газету, он вытер подбородок салфеткой и отправился в Королевскую академию художеств, где провел оставшиеся полчаса, бродя по выставке современного абстрактного искусства, разглядывая и ничего не понимая.

Самое большое впечатление на Лэнга произвели работы представителей двух течений. Первые были сплэттисты, которые швыряли краски на холст. Краска, расплющиваясь от удара, ложилась всевозможными узорами и формами, созданными скорее центробежной силой, чем талантом художника. Другие были смиристы. Эти художники беспорядочно капали краску на полотно, а затем размазывали ее завитушками, линиями и чем-нибудь еще таким же длинным и непонятным. А еще был настоящий авангард: холст просто зарисовывался одним цветом.

Все работы сильно напоминали рисунки Джефа, которые он рисовал года в три, обмакивая палец в краски и вода им по бумаге.

Джеф и Дженет. В последние дни Лэнг настолько сосредоточился на поиске убийцы, что совсем перестал ощущать пустоту, которую гибель близких оставила в его жизни. Кулаки у него сжались. Видит Бог, он найдет этих безымянных тварей. Он отомстит.

Женщина с зализанным белым учительским пучком на затылке посмотрела на него с испугом и быстро пошла в сторону, обернувшись, чтобы удостовериться, что он не идет следом. Лэнг осознал, что громко разговаривает вслух.

Признавшись себе, что концептуальное искусство находится за пределами его понимания, Лэнг ретировался в скульптурный зал и там утешился, любуясь барельефами Микеланджело. Вот барельефы — это именно то, что надо после абстракционистов.

Возвращаясь обратно по Олд-Бонд-стрит, он заметил, что туман начал рассеиваться. Небо немного прояснилось, и даже проглядывали солнечные лучи. Прохожие закрывали зонты и несли их под мышками или как трости.

Снова колокольчик звякнул на входе. Дженсона не было. Дожидаясь, пока хозяин появится из-за занавеса, Лэнг с интересом разглядывал старинную мебель.

Большинство предметов — копии, лишь отражение прошлых веков. Кресло Сованаролы со спинкой, напоминающей рыбий хребет, скорее сработано в 1920-х годах, а вовсе не во Флоренции пятнадцатого столетия. Когтистые лапы «чиппендейловского» стола по стилю больше подходят пятидесятым годам. Вряд ли мастер восемнадцатого века вырезал такие.

Устав ждать, Лэнг взглянул на часы. Уже прошло десять минут. Дженсон должен был услышать звон колокольчика. Может, он заболтался по телефону и забыл обо всем на свете?

— Мистер Дженсон! — позвал Лэнг.

Ответа не последовало.

Но он должен находиться в магазине. Не мог же он оставить его незапертым, без присмотра. Лэнг опять позвал, с тем же результатом. Его уже начала сердить эта человеческая невежливость. Тогда Лэнг пересек комнату и отдернул штору.

Две лампочки без абажура болтались на потолке. Свет, пробивавшийся сквозь крапчатую пыль, громоздил архипелаг теней вокруг столов, стульев и коробок. Все было сломано и требовало починки. Резные, но пустые рамы, иногда настолько большие, что в них мог поместиться портрет в полный рост, стояли, прислоненные к мебели, в беспорядке, не имевшем ничего общего со строгостью выставочной комнаты. В помещении царил полумрак, и Лэнг почувствовал тревогу.

Справа из-под двери сочился слабый свет. Нет сомнений, там находится кабинет. Неудивительно, что Дженсон не услышал, как он вошел. Лэнг двинулся дальше,

страясь не ушибиться о какую-нибудь «вредную» деревяшку.

Подойдя к двери, он постучал.

— Мистер Дженсон!

Не получив ответа, снова стукнул, на этот раз сильнее, и дверь открылась.

Лэнгу часто доводилось слышать, что у крови медный запах. Только ему казалось, что запах крови схож со вкусом стали, словно ты проводишь языком по лезвию ножа. И сейчас этот запах стоял в комнате, потому что кровь была повсюду.

Дженсон сидел за старым круглым столом, заваленным бумагами. Голова откинулась на спинку стула. Кровь залила его рубашку, пиджак и брюки. Кровавая лужа расплылась по столу и доскам на полу. Сочащаяся глубокая рана отсекла подбородок от глотки. Еще не успевшие потускнеть глаза с удивлением смотрели в темный потолок.

Рядом со столом из зияющей пасти сейфа струйкой на пол вытекли какие-то бумаги. Еще больше бумаг было разбросано вокруг стола, некоторые уже покраснели, точно волокно, впитывающее флюиды жизни Дженсона. Все выглядело так, словно в припадке последних судорог антиквар хватал каждый клочок бумаги, до которого мог дотянуться, и бросал в воздух.

Лэнг прислонил зонт к стене и дотронулся тыльной стороной ладони до расслабленной челюсти Дженсона. Кожа была еще теплой. Это значило, что смерть наступила совсем недавно. Начиная нервничать, Лэнг быстрым взглядом обвел комнату. Убийца легко мог спрятаться где-нибудь в полутьме за дверью. Продолжая оглядываться, он стал торопливо рыться в бумагах, лежащих на столе.

В основном здесь находились счета. Лэнг уже почти задышался от приторного запаха крови, заполнившего комнату, и поэтому старался не дышать носом. Возможно, он только зря терял время. С какой стати они будут убивать Дженсона и оставлять на месте важную информацию, которую всеми путями стараются скрыть? Ответ: ни за что они так бы не поступили, а Лэнгу совершенно не хочется здесь находиться, когда войдет следующий посетитель.

Он бросил вокруг последний взгляд и заметил что-то на полу под стулом, на котором сидел Дженсон, — листок бумаги, насквозь пропитанный кровью. Его не было вид-

но человеку, который, подойдя сзади к несчастному продавцу антиквариата, перерезал ему горло. Лэнг осторожно поднял листок, стараясь как можно аккуратнее держать его, чтобы ни одной капли крови мистера Дженсона не попало на его пальцы. В наши дни кровь может убить, если в ней поселился какой-нибудь страшный вирус. Прочитать текст было почти невозможно. Какой-то счет. Лэнг уже хотел бросить его и вытереть руки, как вдруг слово «Пуссен» заставило его забыть о своей брезгливости и осторожности. Это был перечень предметов, совершенно залитый кровью, но Лэнг догадался, что картина числилась как один из пунктов списка среди наименований проданной мебели и других вещей. Единственное, что ему удалось разглядеть, — это слова «Пегас Лтд.», «поставщик» и неразборчивый адрес.

Или Лэнг держал в руках листочек, не имеющий никакого отношения к людям, которых он разыскивал, или ему повезло. Вероятнее всего, Дженсон просматривал целую стопку Пуссенов, и убийца попросту не заметил того списка, который сейчас поднял Лэнг. Человек, нависший над Дженсоном, не имел возможности его увидеть, особенно если торговец антиквариатом положил счет на стол, а потом столкнул с края на пол, когда его мышцы сокращались в последних судорогах. Раздумывать было некогда. Колокольчик, висевший над дверью, возвестил о том, что в магазин вошел новый посетитель. Или вышел. Это мог ускользнуть убийца, и дергаться за ним было уже поздно.

Или не поздно? Запихнув окровавленный листок в карман, Лэнг осторожно вышел в комнату, где хранились поломанные вещи. Кто бы ни перерезал глотку Дженсону, этот человек сейчас весь в крови, судя по тому, насколько забрызгано помещение.

Если только убийца Дженсона не угнал машину или не сел в тачку, поджидавшую у тротуара, то опознать его будет легко. Только надо успеть схватить его прежде, чем он успеет переодеться.

Правда, с тем же успехом убийца мог до сих пор находиться в магазине. И колокольчик звякнул, когда кто-то вошел, а не вышел. Эта мысль притормозила Лэнга, заставив его осторожно красться к выставочному залу, прижавшись спиной к стене.

Лэнг приблизился к шторе, отделявшей основную часть магазина, и в этот момент заметил на полу что-то темное. На секунду ему показалось, что в тусклом свете он видит еще одно тело. Он напрягся и в то же мгновение осознал, что это всего-навсего сваленная в кучу одежда, рабочий комбинезон, перепачканный кровью.

Он не сомневался, что увидел бы комбинезон, лежи он здесь раньше, когда Лэнг только вошел. Он аккуратно подцепил тряпье двумя пальцами и быстро осмотрел, на всякий случай. Вряд ли тут найдется что-нибудь полезное, но для порядка надо. Мысль о том, что убийца прятался здесь и наблюдал, как Лэнг пробирается к кабинету, заставила подпрыгнуть в желудке рыбу с картошкой.

Почему же он не попытался завершить дело, начатое в Атланте?

Довольно скоро Лэнг получил ответ на свой вопрос. Английский констебль, одетый в традиционный мундир с четырьмя пуговицами и высокий шлем с закругленными полями, осматривал выставочный зал. В руках он держал пистолет, наставив его на Лэнга.

Увидев оружие, Лэнг в первый момент решил, что убийца переоделся полисменом. Затем он вспомнил, что лондонская полиция уже давно забросила свои традиции и вовсе носит «пушки».

— Кто-то позвонил, сказал, что...

Глаза копа расширились, и до Лэнга дошло, что он по-прежнему держит в руках окровавленную одежду.

— Посмотрите, я не... — начал Лэнг и тут же осознал, насколько неубедительно звучат все слова.

Судя по дрожащему голосу, которым полицейский разговаривал по рации, находившейся в отвороте его мундира, он был напуган еще больше, чем Лэнг.

— К стене, руки за голову, быстро! — прокричал он с выговором лондонского кокни, который прославился благодаря Элизе Дулитл*. — Не двигаться! У меня тут преступник. Номер двенадцать по Олд-Бонд-стрит.

Лэнг бросил одежду и, протянув руки, чтобы полисмен видел, что у него нет ничего угрожающего, отступил назад, в подсобное помещение.

— Я просто зашел сюда и нашел его.

---

* Элиза Дулитл — героиня пьесы Б. Шоу «Пигмалион».

Офицер был молод и явно нервничал. Дуло пистолета подрагивало.

— Ага, а я муж королевы. Стой где стоишь, янки! Стоять, говорю!

Лэнг сделал еще один шаг назад и приблизился к большому шкафу. Коп медленно последовал за ним. Возможно, он боялся, что, если Лэнг скроется из виду, будет упущен момент и он начнет стрелять. Лэнг отвел руку за спину, чтобы не налететь на преграду. Пальцы нащупали прислоненную к шкафу раму.

— Встань так, чтобы я мог видеть, — скомандовал констебль.

Лэнг готов был поспорить, что коп не спустит курок, если его не спровоцировать, — пари, которого он нипочем не заключил бы в Атланте. Вот если бы избежать ареста, не причинив вреда юному полисмену. В таком случае если его невиновность будет доказана, он останется чист перед законом. Пальцы Лэнга ощупывали раму. Офицер подходил все ближе, его свободная рука полезла за спину — за наручниками, решил Лэнг.

— Обе руки, я сказал...

Лэнг вздохнул полной грудью и вложил всю силу в высокий удар ногой. Пистолет, крутанувшись в воздухе, вылетел из руки полицейского и грохнулся на пол. Констебль инстинктивно дернулся за ним, и в то же мгновение Лэнг поднял раму и с размаху надел ее на полицейского. Подошло как нельзя лучше! Обе руки парня оказались прижаты к бокам позолоченной древесиной. Полицейский мог лишь смотреть во все глаза. Картина, в общем, не для слабонервных.

— Поверь мне, — сказал Лэнг, — я не виноват и очень жалею, что не могу задержаться, чтобы это доказать.

Судя по лицу констебля, не слишком-то он поверил.

Лэнг уже слышал вой сирен, какие стоят на всех полицейских машинах Европы. Ему вспомнился фильм «Дневник Анны Франк»: вот за ним едут из гестапо... Если поймают, в Освенцим, конечно, не отправят, но можно не сомневаться: за колючей проволокой он окажется, а уж там они его достанут на досуге.

Лэнг вышел из магазина и пошел прочь, сопротивляясь желанию побежать что есть силы. Он прошел уже два квартала и только потом осознал, что забыл свой зонт.

6

Лондон

Десять минут спустя

В гостинице его ждала записка:

Ушла по магазинам. Пообедаю в «Пойнт-де-Тур». Вернусь к чаю, в четыре.

Герт.

Послание было написано на странице, вырванной из журнала. Здесь же Лэнг прочел, как проехать в «Пойнт-де-Тур», один из новых ресторанов Лондона к югу от моста Тауэра. Французская кухня, обедают знаменитости. Все дорого.

Ждать Герт не имело смысла. Он прошел в комнату и собрал свою сумку. Он чувствовал себя чертовски виноватым, но ее присутствие не входило в его планы. Они пасут его, убивают Дженсона и вызывают полицию, чтобы застигнуть его на месте преступления.

Теперь каждое полицейское агентство в Европе и в Штатах будет считать своим долгом найти Лэнга по отпечаткам пальцев, которые остались на зонте. И супружеская парочка уже не прикрытjie. Тем более если художник в полиции нарисует портрет Генриха Шнеллера по описанию констебля. Его отпечатки пальцев облетят весь Интерпол и быстро превратят герра Шнеллера в персону, которую требуется срочно задержать.

Лэнг сунул в карман деньги, которые Герт положила в сейф в номере, написал ей записку, безобразно короткую и несуразную, и ушел.

Пересекая аллею по направлению к Сейнт-Джеймскому парку, он задержался на несколько минут, притворившись, будто наблюдает за птицами на Утином острове. Пока никто не проявлял к нему интереса. Он шагал по улице Уайтхолл, вдоль коричневого гравия конногвардейского плаца, мимо Банкетного дома, части королевского дворца. Здесь был обезглавлен Карл I. Но сейчас Лэнгу было не до истории.

Конечно, он понимал: если он их не замечает, это еще не значит, что они за ним сейчас не следят. Лэнг уже достаточно убедился в их способностях. Убийца Дженсона мог прирезать и его самого в полутемном магазине.

В стране с низкой преступностью его смерть вызвала бы еще больший переполох, чем гибель продавца антиквариата. Но они решили выставить преступником самого Лэнга.

Лэнг подозревал, что они в любом случае сумеют его найти. Это криминальная организация, члены которой находятся и в Америке, и в Европе. Организация, которая имеет доступ к полицейской информации и, что еще вероятнее, способна пробраться в любую тюрьму, куда он может угодить. И что ему делать? Кто поверит подозреваемому в двух убийствах да к тому же находящемуся в международном розыске? Кто станет верить в какие-то секреты на картине?

Хитро!

Лэнг остановился на тротуаре, притворившись, будто завязывает шнурок на ботинке, а сам тем временем исподволь огляделся вокруг. Рядом остановилась группа японцев. Защелкали фотоаппараты, защебетали голоса. Повернувшись к туристам спиной, Лэнг быстро свернул направо, надеясь затеряться среди машин, голубей и людской толпы на Трафальгарской площади.

У Лэнга было хотя и незначительное, но все же преимущество. Они не знали, что у него в кармане лежит бумажка с названием компании.

На Чаринг-Кросс прямо над станцией подземки простиралась площадь, вся застроенная магазинами и деловыми зданиями. Лэнг остановился возле уличного телефона, ничем не примечательной стальной коробки, каких полным-полно в Штатах. Большая часть старых телефонных будок красного цвета теперь служили декорациями в американских барах. По крайней мере только там Лэнг их в последнее время и видел. Он нашел номер и набрал его, одним глазом приглядывая за сумкой с вещами.

Когда короткий разговор завершился, сквозь облака пробились щедедушные солнечные лучи.

Повесив трубку, он зашагал дальше по Странд-сити, пока не достиг Темпл-Бар-Мемориала. Железный грифон отмечал место пересечения Сити с Вестминстерским аббатством — двух муниципалитетов, вместе образующих город Лондон. Здесь Странд-сити перетекала во Флит-стрит, старый центр лондонских печатных изданий.

Но Лэнг пришел сюда не за газетами. Теперь пресс-центры разместились по пригородам: меньше времени на дорогу, дешевле аренда и не такие высокие ставки для новичков.

Пройдя еще немного, он свернул на узкую улицу, больше похожую на аллею, Мидл-Темпл-Лэйн. Отсюда еще более тесная дорога вела к маленькому парку, окруженному зданиями Темпл-Бара, почти в каждом из которых располагалась адвокатская контора.

Лэнг напряг память и вышел к мраморным ступенькам, неровным и вытертым ногами сотен клиентов, которые поднимались сюда, чтобы — возможно — исправить несправедливость и — без сомнения — расстаться с кругленькой суммой. Лестница привела к застекленной двери с облезлыми золотыми буквами: «Якоб Аннулевич, адвокат».

Перед кабинетом адвоката Аннулевича располагался островок обшарпанной приемной. На двух стульях с ситцевой обивкой, модной в 1940-х годах и вытертой до неузнаваемости, громоздились горы бумаг. Папки грудями валялись на столе, истерзанном жестоким обращением. Стол секретаря, на удивление чистый, покрывала отслаивающаяся фанера, прикрытая монитором — единственной вещью, напомнившей Лэнгу, что он по-прежнему в двадцать первом веке. Секретаря отпустили погулять, пока адвокат будет принимать гостя.

— Рейли!

В дверях кабинета появился человек почтенного возраста. Он был одет в черную мантию с накрахмаленным белым жабо, повязанным под подбородком. Короткий белый парик сидел на лысой голове, как птичье гнездо, свитое на скале.

— Якоб! — Лэнг бросил сумку и заключил вошедшего в медвежьи объятия.

Якоб отступил назад, чтобы немного ослабить хватку гостя и глотнуть воздуха.

— Ты все такой же сильный, как я погляжу.

— А ты все защищаешь права граждан, — Лэнг оглядел его с ног до головы. — Что это за наряд? Я думал, ты его надеваешь только в суд или на карнавал — вместе с маской.

— А где, по-твоему, я был перед тем, как ты позвонил? В клубе «Мейфер»?

— Вряд ли! Пока они не снизят взносов за членство, тебя туда не затащишь.

Якоб махнул рукой, приглашая Лэнга в кабинет, маленькую комнату, всю провонявшую запахом вересковых трубок.

— А меня туда и не пригласят! — сказал он беззлобно. — Они по-прежнему не пускают к себе женщин, евреев и лейбористов. А еще ты должен предъявить письма от пяти членов клуба, причем требуется, чтобы двое из них были покойниками.

В кабинете Якоба царил такой же беспорядок, как в приемной. Он приподнял груды папок, лежавших на столе, заглянул под них, опустил на место и поднял другую. Потом открыл маленькую деревянную шкатулку и положил туда парик.

— Клубы... Все так же трудно быть избранным Иеговой среди неевреев.

Лэнг отодвинул бумаги и сел на стул.

— Ну, по твоей талии не скажешь, чтобы ты недавно пережил погром. Сидишь себе тут, а не в Земле обетованной.

Якоб был сыном польских евреев, выживших во время Холокоста. Еще ребенком его привезли в Израиль. В дальнейшем он иммигрировал в Англию, получил британское гражданство, но от израильского подданства не отказался — и это обстоятельство сделало его первым претендентом на роль одного из тайных агентов Моссада, засланных как в дружественные, так и недружественные страны. Если история чему и научила евреев, так это тому, что все союзы с гоями ненадежны. Поэтому они шпионят как за друзьями, так и за врагами с одинаковой восхитительной беспристрастностью.

В обязанности Якоба входило присматривать за арабскими дипломатами в Лондоне и собирать по крупницам нити информации, вплетенные в гобелен международной интриги. Эта информация могла передаваться — или не передаваться — дальше, в разведывательный центр, который находился в Соединенных Штатах и никогда не принимал лично тех самых иракских, иранских или ливийских представителей, за которыми следил.

Но что о Якобе было известно гораздо меньше, так это то, что он являлся специалистом по взрывным устройствам, чему обучился, проходя службу в Израильской ар-

мии, еще до переезда в Англию. Ходили слухи, что однажды он был заслан в тайное жилище одного известного террориста из группировки «Хамас» и там вмонтировал в наборный диск телефона взрывное устройство. Следующий же телефонный звонок снес хозяину голову как от нечего делать, точно зеркало на стене разбил. Правда это была или нет, но Якоб заработал репутацию короля взрывов.

И американцы, и англичане подозревали его в шпионаже против их стран. Но сегодня все подразделения, которые почитали себя обиженными, — ЦРУ, ФБР, МИ5, МИ6 — признавали, что он отошел от дел, и уже неважно, почему он решил потратить последние годы на адвокатскую практику — свою первую любовь. Отчего предпочел средиземноморскому солнцу лондонский дождь.

Якоб открыл дверцы шкафа, стоявшего за рабочим столом. За ними обнаружился маленький буфет и газовая горелка, на которой стоял чайник.

— Как всегда, с лимоном, без сахара?

Лэнг улыбнулся.

— С возрастом твоя память не стала хуже.

Якоб разлил чай в чашки.

— К счастью, не очень. Я еще помню тех, кто мне сильно не нравится, но зрение настолько ко всем чертям испортилось, что я не вижу, когда эти симпатяги ко мне подходят. — Он открыл жестяную коробку и печально покачал головой.

— Боюсь, придется пить чай без пирожных.

Он протянул чашку, от которой шел пар, и закурил одну из своих вонючих трубок.

— Что ж, Лэнгфорд, расскажи мне, как ты жил последние десять лет. Должно быть, у тебя были причины отращивать эти нелепые усы и напаять на себя этот немецкий костюм.

Лэнг окинул взглядом комнату и прикоснулся к уху.

Якоб кивнул.

— Ах, да, сегодня на улице замечательная весенняя погода. Почему бы нам не выпить чаю во внутреннем дворике? Кто знает, возможно, нам даже удастся услышать пение жаворонка, хотя в последний раз я видел эту птицу в Лондоне несколько лет назад — гибнут от смога.

Солнечные лучи совсем не грели, и Лэнг невольно пожегся, когда вышел во дворик.

— Ты думаешь, твой офис прослушивается?

Якоб важно кивнул.

— Так не ваш ли поэт Роберт Фрост сказал: «Сосед хорош, когда забор хороший»? В нашем деле — нашем бывшем деле! — соседи хороши, когда хороши подслушивающие устройства. Пусть слушают, что происходит в моем офисе, они заснут от скуки. Теперь мне нечего скрывать. А кроме того, для твоих земляков...

— Ты умер, — закончил Лэнг.

Много лет назад сослуживцы Лэнга, прослушивая телефон Якоба, узнали, что он будет находиться поблизости от Израильского посольства в то самое время, как терротисты из «Хамас» планировали подогнать к нему машину, начиненную взрывчаткой. Террористам было неизвестно, что здание уже давно настолько укреплено, что никаким взрывом, слабее ядерного, его не разрушить. Гораздо сильнее пострадают окрестности. Лэнг решил, что не будет никакой пользы, если Якоба разложат на атомы, и предупредил его.

— Я и мог бы погибнуть, — согласился Якоб. — Гибель лишь чуточку хуже, чем старость. А теперь, спустя десять лет, что ты натворил, что опасаясь прослушивания?

Лэнг все ему рассказал. Якоб покачал головой.

— Прими мои соболезнования. Я не знал, что ты потерял семью. Твоя сестра и племянник, не знал. Но Дон... Какое поэтическое имя*. Помнишь, вы приезжали вдвоем в Лондон несколько лет назад, и тогда я задал ей мудрый вопрос: что она в тебе нашла? Чудесный человек. Значит, теперь тебя, американского адвоката, разыскивают повсюду за два убийства, которых ты не совершал. Чем мне тебе помочь?

Не спеша они дошли от адвокатских контор до старинного круглого строения. Это был храм. Лэнг с усилием открыл тяжелую дверь, и они ступили внутрь.

— Ну и холод, — Лэнг поежился. — Ни души. Сомневаюсь, что кто-нибудь наставил здесь жучков.

Храм был построен в двенадцатом веке Рыцарским орденом тамплиеров. Он был круглым. Внутри находился узкий круг, поддерживаемый колоннами. В центре круга на известняковом полу покоилось несколько каменных изваяний — мечи, вложенные в ножны. Никакая надпись

---

* По-английски имя Dawn означает «рассвет», «утренняя зоря».

не объясняла, что это за мечи. Лэнг всегда полагал, что они принадлежали тамплиерам.

Якоб и Лэнг обогнули помещение, и Лэнг закончил свою историю.

— «Пегас лимитед», — сказал он в конце. — Единственная подсказка, которая у меня имеется, или по крайней мере единственное, что я понимаю. Если это европейское предприятие, в «Эшелоне» о нем знают.

Якоб остановился.

— В «Эшелоне»? Твое Управление национальной безопасности и не подумает делиться информацией ни с одним агентством, откуда я смог бы ее раздобыть.

Управление национальной безопасности — это секретнейшее из всех секретных предприятий. Оперативники — компьютерные зубы, оружие — высокие технологии. Шпионажем в обычном смысле этого слова они не занимаются. Но где-то на окраине Лондона находится станция радиоперехвата, настроенная на искусственный спутник, которая способна засечь каждый факс, электронное письмо или телефонный разговор на территории Европы. Полученная информация распределяется только среди английских, канадских, австралийских и новозеландских коллег.

Лэнг улыбнулся.

— Ну, конечно, ты же в отставке! А Моссад, естественно, не хочет переходить дорогу «Эшелону». Не хотел бы я навредить нашей дружбе своими просьбами...

— А ты не можешь получить эту информацию от своих бывших сотрудников или от их друзей из МИ6?

Лэнг покачал головой.

— Мои прежние сослуживцы ничего мне не должны, а лондонцы и подавно. Здесь круг, в который допускаются только выпускники Гарварда, никто из этих парней не горит желанием встретиться с человеком, закончившим всего-навсего государственный колледж.

Лэнг наморщил нос, чтобы лучше передразнить выговор лондонского высшего света.

— Да и вообще, старина, МИ6 — это я тебе доложу! Зануды, гундосящие сквозь свои кембриджско-оксфордские носы. Конечно: еще с этим проклятым янки разговаривать — скучно! Был бы толк... Дружище, уж ты-то прекрасно меня понимаешь.

Якоб издал смешок, протягивая руку и обнимая его.

— Ладно, хватит тебе. А почему ты решил, что «Эшелон» сумеет найти «Пегаса»?

— Потому что нет такого электронного сообщения, которого бы они не перехватили. Таким образом «Боинг» победил «Аэробус» в борьбе за поставки самолетов в ряд стран Ближнего Востока.

— Лэнгфорд! Ты же знаешь, американским разведывательным службам возбраняется заниматься подобными вещами. Нас уверяют, что они используют такие технологии, чтобы отслеживать террористов, Бен Ладена, Северную Корею, продажу ракет арабским государствам.

У Лэнга округлились глаза.

— Разумеется! А миллионы долларов, отходящие к американским компаниям, не способны заставить их поступиться принципами.

Якоб оглянулся, чтобы убедиться, что в здание никто не вошел и не слышит их беседы.

— Даже если это правда, как можно отловить одно название? Их ежедневно передаются миллионы.

— Очень просто, вводишь ключевые слова в компьютер, и все.

— Например, «бомба»?

— Ну да. Несколько лет назад произошла такая история. В Сохо выступал один ирландский комик. Он очень волновался перед премьерой и по пути из отеля позвонил своей девушке в Белфаст, сказал, что боится провалиться с треском*. Прежде чем он успел добраться до театра, было перекрыто уже два квартала. Минеры, собаки, рабочие. Между прочим, МИ-6 во всем обвинило его, этого любимца публики.

Якоб поскреб щетину у себя на подбородке.

— Выходит, если у кого-нибудь появится возможность незаконным путем воспользоваться оборудованием «Эшелона», то, введя слово «Пегас», он получит все сообщения, в которых оно упоминалось. Мда... куда уж такому маленькому и бедному управлению, как Моссад.

Лэнг хихикнул.

— Да уж, маленькое. И бедное... Самое результативное в мире!

Якоб смотрел куда-то в сторону, мимо Лэнга.

---

* Игра слов. По-английски bomb out означает «разбомбить» и «провалиться, потерпеть неудачу».

— Это все, что тебе известно об этих людях, совершивших столько убийств? Что они каким-то образом связаны с «Пегасом»?

— И это только подозрение. — Лэнг достал из кармана медальон, снятый с шеи водителя грузовика, и показал Якобу. — Вот единственная вещь, о которой я знаю что-то конкретное, а именно, что два человека, пытавшиеся убить меня, носили одинаковые подвески. Четыре треугольника сходятся вершинами в центре. Вряд ли простое совпадение.

Якоб, прищурившись, взглянул на медальон.

— Нет-нет, точно не совпадение. И это не треугольники.

Лэнг весь обратился во внимание.

— А что же?

— Может, это мальтийский крест внутри круга?

— С чего ты так решил?

Якоб показал рукой.

— Оглянись вокруг.

Лэнг обернулся. У себя за спиной, на стене, он увидел символы, вырезанные в камне. Минувшие века почти стерли их, поэтому раньше он никогда не обращал на них внимания.

У Лэнга отвисла челюсть.

— Как это понимать?

Якоб подошел к стене и провел пальцами по кресту, заключенному в круг.

— Храм тамплиеров. В мире их осталось два-три. Остальные были разрушены, превращены в руины или полностью перестроены. Резонно предположить, что крест — их собственный.

— Это невозможно! — взорвался Лэнг. — Тамплиеры были воюющими монахами, которые поклялись защищать пилигримов на Святой земле от мусульман. Орден распался по указу Папы в четырнадцатом веке.

Якоб поджал губы.

— Возможно или невозможно, перед тобой символ — точно такой же, как ты держишь в руке.

Это начинало походить на путешествие во времени из скверного фантастического фильма. Что дальше выяснится? Что его хочет убить Ричард Львиное Сердце?

— Да чего ради монашеский орден, существовавший семьсот — восемьсот лет назад, будет интересоваться живописью? И потом, даже если они существуют до сих пор,

они же лица, облеченные духовным саном, а не банда убийц.

Якоб покачал головой.

— Друг мой, меня как еврея никогда не занимали христианские монашеские ордена. Слишком многие из них, служа своей религии, убивали деятелей моей религии. Зато у меня есть друг, который может знать ответ, приятель из оксфордской церкви Христа. Он изучает средневековую историю. Это в часе езды на поезде отсюда.

— Отлично. Вот только показываться на железнодорожных станциях мне бы не следовало. Полиция наверняка их прочесывает.

Якоб снова почесал подбородок.

— Я позвоню ему сегодня вечером и скажу, что ты приедешь. Оставайся у меня, а завтра с утра пораньше тронешься на моем «моррисе». Надеюсь, очередной грузовик-убийца за тобой не погонится. А я попробую разузнать что-нибудь в «Эшелоне» к тому времени, как ты вернешься.

Когда они подошли к офису Якоба, Лэнг заметил мужчину, сидевшего на скамейке с газетой. Крупный заголовок на первой полосе гласил: «Убийство в Вест-Энде». С такого расстояния он не мог быть твердо уверен, но Лэнгу показалось, что он узнал собственную фотографию, взятую из служебного файла ЦРУ.

7

Вестминстер

16:50

Лучи полуденного солнца вспыхивали на поверхности свинцово-серой Темзы оранжевыми бликами. По крайней мере на том участке реки, который видел из окна своего кабинета Дилан Фицвильям — инспектор Скотланд-Ярда. Какое-то мгновение он постоял у окна и вернулся к документам, лежащим на рабочем столе.

Он четыре года проработал в отделении по поимке беглецов и теперь был уверен, что оказать услугу этому американцу будет невероятно сложно. Как его фамилия? Морс, да-да, именно так, — Морс из полиции Атланты. У Скотланд-Ярда и своих преступников хватает, чтобы еще получить лишнюю головную боль и гоняться за убийцами, которых проворонили янки.

В Вест-Энде произошло чудовищное убийство. Погиб продавец антиквариата, Дженсон. Констебль почти поймал убийцу на месте преступления — можно сказать, с окровавленными руками. Удивительно еще, что живодер и ему заодно не перерезал глотку. Портрет, нарисованный художником по рассказу молодого испуганного полицейского, совпал с изображением человека, объявленного в международный розыск. Его фотография хранилась в базе данных, если не считать усов и толстых щек.

Перехвалили эти компьютеры. Хотя, следует признать, Фицвильям никогда не догадался бы, что щеки — это маскировка, делающая убийцу старше и крупнее. Профессиональная работа! И как выяснилось, не случайно. Из Штатов поступила информация, что этот парень — бывший агент ЦРУ. Неизвестно еще, что удивительнее: что беглец — бывший разведчик или что ЦРУ согласилось это признать. Чудовищно смущало то обстоятельство, что человек с подобным прошлым без видимой причины убил двоих людей. Причин для убийства никаких, если только этот Рейли не шпион по-прежнему.

Компьютеры, как же... В конечном итоге личность Рейли была установлена старым добрым испытанным способом — по отпечаткам пальцев. Без всяких проволоочек отпечатки пальцев на зонте подтвердили из Вашингтона. Они принадлежали Рейли. С зонтиком, конечно, повезло, следует признать. Как выяснилось, он был куплен в тот же день в «Фортнум и Мейсон» и оплачен по кредитке Генриха Шнеллера. В «Визе» о таком клиенте и слухом не слыхивали. Это была маленькая толика информации, которую Фицвильям собрался, как говорят янки, придержать за пазухой, потихоньку установить слежку, чтобы быть в курсе, если эту карту используют снова.

И нужно проследить, чтобы во всех международных аэропортах у копов имелись фотографии Генриха Шнеллера, где он изображен и со своими проклятыми усами, и без них.

Вздыхнув, Фицвильям сел: с поверхности письменного стола на него смотрело лицо. Оттолкнув снимок в сторону, инспектор перечитал материал, прилагавшийся к нему.

Этот парень, Рейли, до убийства уже провел в Лондоне некоторое время. Вот список людей, с которыми он об-

щался, и он еще неполный. Бывший оперативник Моссада, вроде бы отошедший от дел, немецкая подданная, с которой он трахался, просто поразительная женщина. Похоже, ее фотография взята со служебного удостоверения. Да несколько владельцев пабов, где он выпивал кружку пива. Брови Фицвильяма утрюмо сдвинулись. Вот еще забота: сдергивать людей с расследования, чтобы они бродили по округе и расспрашивали весь этот народ.

Он потянулся к телефону. Лучше приняться за дела немедленно. Союзники ждут, и с нетерпением. Самое неприятное, что они насмотрелись собственных фильмов и теперь верят, что Скотланд-Ярд способен сделать все, о чем у него ни попросишь. Он фыркнул и ткнул кулаком в список номеров. Скотланд-Ярду бы да средства этого дерьмового ФБР.

Тамплиеры

Гибель оргена

Рассказ Пьетро Сицилийского
Перевод со средневековой латыни
на современный английский язык
Найджела Вульфа

3

Те малые знания, которые я получил, будучи келарем в монастыре, помогли мне понять, как устроено хозяйство на корабле. Каждое судно имело в длину не менее десяти родов¹ да пять в высоту — на носу и корме. К единственной мачте был прикреплен один парус², а все остальное пространство занимала толпа людей — не менее сотни человек. На каждого требовалось две бочки воды, а еще соломенный тюфяк, стеганое одеяло, мясо, кухонная утварь, а также приправы, чтобы мясо не протухало. В основном это были имбирь, чеснок и мускатный орех. Все необходимое закупалось у купцов в Трапани, и, по словам Гильома, на каждого рыцаря уходило примерно по сорок дукатов.

Он сказал также, что за матрасы и одеяла платят по пять дукатов за человека, но по прибытии снова сбывают купцам за полцены, ибо многие бывают изношены и кишат паразитами.

На верхней палубе было лучше, а на нижней стояла жара и духота. Однако именно на ней отводились места для незнатных путешественников вроде нас с Филиппом, и я сильно страдал, потому что здесь содержали лошадей, быков, свиней и других животных³ и запах навоза никогда не выветривался отсюда.

Дни, проведенные в море, стали для меня настоящей пыткой. Корабль качало и швыряло с такой силой, что меня чуть не сбрасывало в волны с моего убогого ложа. Большую часть пути я страдал от тошноты и все время проводил, свесив голову за борт. От морской качки желудок мой сжимался и отказывался удерживать любую пищу, которая в него попадала.

Ко всем моим невзгодам капитан корабля оказался человеком бессердечным и мерзким, получавшим удовольствие от страданий других людей. С великим весельем и влорадством он кричал свер-

¹ Здесь и далее см. примечания Найджела Вульфа на с. 152–153.

ху нам, хворавшим на нижней палубе: «Ну что, вам мяса приготовить?»

Затем принимался хохотать, притоваривая: «Им бесполезно готовить мясо, которое они себе купили. Уж лучше мы его съедем, а то испортится».

По Вожней милости, через какое-то время тело становится нечувствительным к качке. Благодарение небесам и их милосердному Владыке, такое случилось и со мной. Я был освобожден от мук, которых никогда раньше не испытывал, и уже знаю, что никогда не испытаю впредь. Меня ожидают совершенно иные мучения.

С Вожней помощью мы доплыли до Генуи и, пополнив там свои продовольственные запасы, взяли курс на Францию.

Почувствовав себя лучше, я стал приглядываться ко всему, что меня окружало. Раньше мне никогда не доводилось наблюдать, как управляют кораблем. Интереснее всего было разглядывать морские карты, расчерченные линиями. Эти линии делили участки земли на квадраты⁴. В одном из квадратов и находился корабль, что удавалось определить благодаря наблюдению за небесными светилами. Таким образом на карте было указано наше положение на море относительно линии берега. Эти карты привели меня в замешательство, потому что показывали землю не по Вожиному учению⁵. В дальнейшем мне еще довелось узнать, что это не единственное Вожие правило, которое находит свое исключение среди рыцарей Храма.

Мы сошли на берег в Нарбонне, городе, который располагался в области Бургундии, носящей название Лангедок. Отдаляясь от моря, мы шли по долине, где почва была белая, словно рыцарские плащи. Слева от нас текла река Салс, впадая в волны, которые мы покидали.

Мы продвигались вперед, и я все больше узнавал о том месте, куда лежит наш путь, — об огромном замке⁶, расположенном на самой вершине горы. Мне рассказывали, что этот замок называется Вланшфор и находится во владении рыцарей с тех самых пор, как семья, носившая это имя, подарила его Гуго де Пайену, магистру бедных рыцарей Храма Соломонова, в тот год, когда он вернулся со Святой земли⁷.

— Верно, обитатели Вланшфора были благочестивыми людьми, — заметил я Гильому де Пуатье, когда он рысью прискакал в хвост нашего каравана: проверить, не отстаем ли мы с Филиппом. — Подарить целое поместье ордену — такой дар наверняка будет оценен на небесах.

Он наклонился в седле, чтобы проверить, крепко ли держится груз, привязанный на спине у одной из лошадей.

— Магистр де Пайен действительно был богатым человеком.

— Вы хотите сказать, что богатым был орден? — спросил я.

Он взглянул на меня, а потом ответил:

— Нет, маленький брат, я этого не говорил. Эти земли были подарены самому магистру де Пайену, а для ордена выгода, потому что ему так заблагорассудилось.

— Но обет бедности...

Он покачал головой.

— Вспомни-ка лучше об обете послушания, который запрещает тебе задавать старшим дерзкие вопросы.

Он оставил меня обдумывать, как член святого ордена может иметь собственные богатства. И вновь я понял, что монашеские обеты не главное в этом ордене.

Мы сделали привал на ночь и разбили лагерь в окрестностях деревни Серр. С наступлением дня мы перешли реку вброд и повернули в обратную сторону. Мне этого никто не объяснял, просто я заметил, что утреннее солнце светит с левой стороны, в то время как вчера оно поднялось справа.

— А разве мы не возвращаемся в ту же сторону, откуда пришли? — спросил я у одного из старших оруженосцев.

— Да, мы движемся на юг, — ответил он, — а вчера шли на север. Серр — самое близкое место, где можно пересечь реку вброд, а теперь мы приближаемся к замку.

Совсем скоро мы начали восхождение на гору. В том месте, где растительность покрывала ее, почва была цвета мела, как в той долине, по которой мы шли, удаляясь от моря. На ощупь она напоминала глину, и я пытался определить, какие культуры можно выращивать в этом грунте, столь разительно отличающемся от черных плодородных сицилийских земель.

На вершине горы мы сделали привал под укрепленными стенами, сложенными из белого камня. Рыцари тем временем обменивались какими-то фразами с охраной, стоявшей наверху. Разговора я не разобрал, зато успел рассмотреть, что стены были выложены из камня не грубо и беспорядочно, как в монастыре, откуда я приехал, а аккуратно, один к одному. Позже я узнал, что сие умение пришло от сврацин⁸.

Над большим главным входом был еще один вход из чистого известкового туфа, огромный каменный прямоугольник, на котором был высечен крылатый конь, вставший на дыбы. Столь искусно и подробно было вырезано это изображение, что я не удивился бы, если бы конь соскочил с камня, которым был обрамлен. Я видел подобные образы, высеченные на древних зданиях, возведенных еще в языческие времена, которые Церковь Христова еще не замени-

ла на христианские, но я никогда не мог подумать, что подобное изображение будет венчать вход в обитель святого ордена.

— Это Пегас, мифический греческий конь, — объяснил Гильом де Пуатье, — символ нашего ордена.

И вновь удивление пересилило во мне смирение.

— А это не богохульство помещать языческий символ в таком месте?

Вместо того чтобы разгневаться на меня за дерзость, он улыбнулся.

— Наш творец запрещает обожествлять подобные образы, а не смотреть на них. Кроме того, Пегас напоминает братьям о наших смиренных истоках.

Мне было трудно представить себе, как у ордена, владеющего такими замками, могут быть какие-то истоки, кроме величественных.

— Чем напоминает, мой господин?

Он сел обратно в седло, продолжая пристально смотреть на Пегаса.

— Когда наш орден был совсем молод, мы могли позволить себе держать лишь несколько лошадей. Если двое братьев путешествовали вместе, они делили одного коня на двоих. В песках Святой земли белые плащи братьев развеивал ветер, и ничто не имело столь сильного сходства с крылатым конем. Эта эмблема напоминает нам о скромности и бедности, которые наш орден почитает как добродетели.

Ни того, ни другого я в ордене не наблюдал, однако на сей раз удержал язык за зубами. В этот момент решетка в воротах поднялась, и мы въехали во двор, напоминающий не скромную обитель, а внутреннюю площадь во дворце. Я несколько раз бывал в таких домах, просил подавание у знатных людей или помогал братьям выполнять поручения, с которыми нас посылали. Здесь не было мулов, лошадей и других животных, свободно бродивших по территории, а значит, не было и запаха, который исходит от домашнего скота. Вместо этого прямо на входе мы почувствовали аромат, источаемый апельсиновыми деревьями, перемешанный с запахом роз, тимьяна и лаванды, росшей в клумбах на южной стороне двора.

На пересечении дорожек, сходящихся в центре крестом, мелодично журчал фонтан искусной работы. По круту весь двор был обнесен аркадой, между колонн всегда сохранялась тень и прохлада.

Окна не закрывались ставнями, а были заделаны стеклом — диковина, которой я никогда не наблюдал на стенах собора в Саламисе, городе на острове, неподалеку от которого родился.

Внутренние залы были украшены венецианским шелком и фламанскими гобеленами и благословлены святыми реликвиями: сто-

ревшей плотью святого Лоренса, рукой святого Георгия, ухом святого Павла и одним из кувшинов, в котором хранилась вода, которую наш Господь обратил в вино.

Первым делом я отправился в церковь, чтобы возблагодарить Господа за успешный переезд. Войдя внутрь, я очень удивился, что она круглая, идеально ровный круг. Позже я узнал, что все храмы тамплиеров имеют круглую форму, повторяющую форму Храма Соломона в Иерусалиме. В помещении по кругу высились колонны, отделанные эмеевиком и красным мрамором. В самом центре стоял алтарь — цельный кусок чистого белого мрамора, без прожилок, покрытый изумительной резьбой. На нем были изображены сцены из жизни святого города. Отражая свет сотен свечей, сверкал крест, отлитый из чистого золота. Один только алтарь, должно быть, стоял больше, чем весь монастырь, из которого я прискал.

И на этом изобилие не кончилось. По случаю возвращения братьев обитатели этого восхитительного места закатали настоящий пир, на который пригласили даже скромных оруженосцев вроде нас с Филиппом. Впервые в жизни мне довелось попробовать мяса минноги, куропатки и барана, запивая все это вином, настолько крепким, что оно вскружило мне голову.

Все было именно так, и даже больше, чем обещал Гильом де Пуатье. Мясо я уже описал. Моя келья была больше предыдущей в два раза, а мягкая кровать была обтянута шерстью и набита соломой.

Если бы рассуждала не только моя плоть, но и душа, возможно, я не оказался бы в столь мрачном месте, где вижу себя теперь.

Примечания Найджела Вульфа

¹ Один род — 5,029 метров.

² Описывается типичный двухпалубный корабль, какие плавали по Средиземноморью в XIII–XIV веках.

³ Средневековые суда брали с собой «живые» запасы провизии во все путешествия, кроме самых коротких, потому что способ сохранить мясо и овощи тогда не существовало. Прислуге вроде Пьетро приходилось делить место с лошадьми и скотом, находившемся на борту в качестве источника мяса.

⁴ Средневековые картографы разработали метод, очень напоминающий современную систему широты и долготы. Они использовали *kardo maximus* — линию, идущую с севера на юг, и *decumanus maximus* — линию, соединяющую запад и восток. Хотя широта, которую мы знаем сегодня, известна с античности, долготу определять точно не умели до XVIII века, когда часовщик Джон Харрисон изобрел хронометр.

⁵ Средневековые карты были примитивны до абсурда. В VII веке Исидор, епископ Севильский, начертил плоский круг, на нем расположил Азию, Европу и Африку и поставил в центр Иерусалим, что основывалось на словах из книги Иезекиля «вот Иерусалим, который я поместил в центр народов и стран, которые вокруг него». Подобные карты сохранялись до эпохи Возрождения. К счастью для западной цивилизации, арабский мир продолжал использовать в картографии метод Птолемея, немного описанный выше. Тамплиеры, находясь в Палестине, несомненно, изучили этот метод, как и математику, инженерию и навигацию, известные в античном мире, но утраченные или запрещенные Церковью.

⁶ В рукописи использовано слово *castellum*, которое может означать как замок, так и дворец. Переводчик выбрал слово, которое может ассоциироваться с крепостью.

⁷ 1127 год.

⁸ См. 5-й отрывок далее.

Глава

2

1

Лондон, Сэйнт-Джеймс

16:00

Тот же день

ерт еще раз прочитала записку, разорвала ее на мелкие кусочки и бросила их в пепельницу.

Какая сволочь! Она швырнула кошелёк через комнату, и он, ударившись о стену, шлепнулся на пол. Она спасала его задницу в Италии, использовала свои связи, не говоря уже о деньгах, которыми он пользовался в Лондоне. А он в благодарность выбросил ее, точно однодневную дешёвку.

Она почти жалела, что не может расплакаться, настолько ее терзали обида и унижение. Она села на край кровати, закурила «Мальборо» и немигающим взглядом уставилась на кольца дыма, поднимающиеся к потолку.

Когда прошло несколько минут, эмоции поутихли и в ней заговорил рассудок. Лэнг не давал ей никаких обещаний, в действительности он даже не хотел, чтобы она сюда приезжала. Как это по-мужски: галантно оградить ее от опасности, несмотря на то что ему просто необходима поддержка. Старомодный шовинизм, хотя в чем-то и обаятельный, способен убить его.

А что, если она ему не нужна?..

Даже в свой самый неудачный день она стреляла лучше, чем он когда-либо в своей жизни, она умеет водить самые современные машины, а главное — она его союзник, о котором ничего не знают его враги, кто бы они ни были. Ведь его фотография красуется на первых полосах почти всех газет, сейчас он нуждается в партнере, как никог-

да. Мужчины способны на феноменальную тупость. От этой мысли ей немного полегчало.

«Ты нужен мне, Лэнгфорд Рейли, нужен, любимый, не смотря на всю свою глупость».

Она потянулась к телефону, стоящему на другом краю кровати, но потом передумала и встала. Затушив сигарету, она вышла из номера, пытаясь вспомнить, где она видела ближайшую телефонную будку.

2

Оксфорд

10:00

Следующий день

На следующий день утром Лэнг вырулил с шоссе М40 на стареньком «моррис миноре». Шестьдесят миль от Лондона пролетели настолько спокойно, насколько это возможно в машине размером с коробку из-под обуви. Единственной неприятностью, не считая боли в мышцах, которой он не замечал, был вздувшийся живот — следствие индийской кухни. Среди разведчиков Рашель всегда слыла восторженным, но никуда не годным поваром. Обычно на все свои настоятельные приглашения отобедать она получала вежливые отказы. Прошлым вечером она приготовила бомбей алу — огненное блюдо из картофеля. Лэнг попробовал — и у него все обожгло во рту. В памяти мгновенно воскресли воспоминания о специфических кулинарных способностях жены Якоба. Но было уже поздно.

Лэнг проехал мост Магдален, и его взгляду предстал открыточный вид: шпили и готические башни самого Оксфорда. Казалось, эта картинка не менялась здесь веками. Сам город, естественно, изменился. Например, был построен один из автомобильных заводов «Ровер». И все же городу был присущ какой-то средневековый облик, и этот облик его обитатели всеми силами старались сохранить.

Оксфорд, в отличие от американских университетов, состоял из нескольких колледжей и академических отделений, независимых друг от друга. Церковь Христа была одним из старейших и самых крупных колледжей.

Съехав с Эбингтон-роуд, Лэнг с трудом отыскал местечко для парковки среди велосипедов, которые в Оксфорде считаются самым удобным средством передвижения. И за-

тем направился на Том Квод, большую прямоугольную площадь, получившую свое название за огромный, много-тонный колокол, звонивший здесь каждый час. Британцы любят давать названия колоколам и башням.

Он прочитал указания Якоба, записанные на бумажке, и двинулся по одной из дорожек, лежащих, подобно гигантской букве Х, на аккуратно подстриженном газоне. Напротив двое парней играли во фрисби.

Он вошел под арку и поднялся по каменным ступенькам, стертым за сотни лет студенческими башмаками так же, как лестница, ведущая в офис Якоба, была стерта ногами адвокатов и клиентов. В конце слабо освещенного коридора обнаружилась тусклая дощечка, извещавшая, что Лэнг стоит перед кабинетом Губерта Стоквелла, члена исторического совета колледжа. Только он хотел постучать, как вдруг дверь распахнулась и на пороге появилась молодая женщина со стопкой книг и бумаг в руках. Она испуганно взглянула на него и бросилась к лестнице.

Лэнг был уверен, что ее страх не имел никакого отношения к его больному животу.

— Заходите, заходите, — пробубнил голос изнутри. — Не стойте в дверях.

Лэнг повиновался.

В первый момент ему показалось, что по этому помещению промчался смерч: повсюду были разбросаны какие-то листки, книги и журналы, в том числе и на полу. Комната напоминала офис Якоба, словно брат-близнец. Здесь стоял тот же спертый воздух: пахло пылью и старыми документами — запах, знакомый Лэнгу по редким набегам в судейские архивы, где сидели и работали клерки. Переплетенные и непереплетенные бумаги были навалены горой, в которой Лэнг позже признал рабочий стол. За ним сидел круглолицый бородатый человек. Он вонзился в гостя взглядом через толстые стекла очков в роговой оправе.

— Должно быть, вы — друг Якоба, — произнес он. — Вы выглядите старовато для студента.

Лэнг протянул руку.

— Лэнг Рейли.

— Губерт Стоквелл, — ответил человек за столом, не пошевелившись. — Рад познакомиться и всякая прочая чепуха.

Он было начал говорить что-то еще, но замолчал и, сморщившись, громко чихнул.

— Чертово старое здание! Сквозняки, сырость да еще холодные каменные полы. Не удивлюсь, если мы все тут умрем от воспаления легких!

Он достал грязный носовой платок, вытер нос и убрал его обратно — все это одним движением и так быстро, что Лэнг даже засомневался, что вообще видел платок.

— Вы тот малый, который интересуется тамплиерами.

— А вы крупный историк.

— Ерунда! — сказал Стоквелл, однако принимая комплимент. — Но как раз об этом периоде истории я знаю не так уж много. Вы янки, да?

Резкая смена темы разговора немного сбила Лэнга с толку, но, собравшись с мыслями, он ответил:

— На самом деле я из Атланты, где многие возмутятся, если их так назвать. У нас это прозвище ассоциируется с одним генералом, который неосторожно обращался с огнем.

Голова Стоквелла качнулась, как у куклы на пружинках.

— Да-да, Шерман. «Унесенные ветром» и все такое. Не хотел вас обидеть.

— Ничего, вы не обидели. Так о тамплиерах...

Стоквелл поднял руку:

— Не я, старина, вовсе не я! У меня был коллега. Вульф его звали, Найджел Вульф, — вот кто был очарован этим парнем. Он переводил манускрипт, каракули, написанные предположительно кем-то из тамплиеров перед казнью. Мольбы о прощении, покаяние в грехах, раскаяние — вся эта вздорная показуха средневековой Церкви.

— А также сегодняшних католиков, — вставил Лэнг.

Пасть Стокмана захлопнулась, очки соскользнули на кончик носа.

— Ох, дорогой, я не имел в виду...

Лэнг улыбнулся в знак того, что они прекрасно поняли друг друга, как два антипалиста.

— Вы сказали, что у вас был коллега...

Стоквелл тяжело вздохнул:

— Ну да, прошедшее время. Вульфа больше нет с нами. Бедный. Выдающийся был малый, редкая умница. Это трагедия, просто трагедия.

— Скажите, а мистер Вульф...

Стоквелл чихнул, снова проделав фокус с носовым платком.

— Доктор Вульф.

— ...доктор Вульф умер естественной смертью?

Стоквелл пристально посмотрел на Лэнга и сдвинул брови, похожие на две гусеницы.

— Как так?

— Я бы хотел знать, как умер доктор Вульф? Может быть, несчастный случай?

— Да-да, должно быть, вы где-то прочли об этом или увидели репортаж по телеку.

— Наверняка.

Профессор повернулся и выглянул из единственного в этом тесном помещении окна. На лице у него появилось тоскующее и страстное выражение, словно ему безумно захотелось выйти на улицу погулять.

— Говорили, что он, наверное, оставил включенную комфорку после того, как приготовил чай. Взрывом разнесло все окна во дворе.

— Пожар был?

Стоквелл с трудом оторвал взгляд от окна.

— У вас поразительная память, мистер...

— Рейли.

— Рейли, да-да. Удивительно, что вы помните, о чем передавали в новостях несколько месяцев назад.

Лэнг наклонился вперед и оперся руками на стол.

— И его работа по тамплиерам тоже сгорела?

На лице Стоквелла, напоминающем Санта-Клауса, появилось скорбное выражение: утрата научного труда вызывала у него даже большую печаль, чем потеря коллеги.

— Боюсь, что так. Оригинал манускрипта, записи — все пропало, кроме самых первых черновиков.

Может быть, Лэнг не напрасно проделал этот путь?

— Где могут находиться черновики?

— В университетской библиотеке.

— Вы хотите сказать, что прямо сейчас мне можно пойти в библиотеку и прочитать их?

Стоквелл встал и посмотрел по сторонам с таким видом, словно позабыл, куда поставил свои сани.

— Нет, не совсем так. Получить их могу я. Бедняга Вульф передал мне копию, отпечатанную на машинке,

и попросил помочь ему. Он так и не издал своего труда. Я работал над ним, когда он... В общем, не знаю, опубликовал бы Вульф его когда-нибудь? Я тоже отложил его в долгий ящик, все только планировал завершить, посвятить его памяти. Ну что, пойдем?

Лэнг сильно бы удивился, если бы профессор — добрая душа — был одет не в твидовый пиджак с кожаными заплатками на локтях. С вешалки, прибитой за дверь, он снял твидовую кепку, поставив завершающую точку в своем университетском облике.

Они поехали на велосипедах и свернули на Каттестрит. И вот перед ними показалась массивная библиотека имени Боддея, построенная еще в четырнадцатом веке, хранилище Великой хартии вольностей, бесчисленных рукописей и по крайней мере одной копии каждой книги, опубликованной в Великобритании.

Стоквелл указал на смежное круглое здание в стиле итальянского барокко, с куполом и остроконечными пилястрами.

— Радклиф Камера, — произнес он. — Читальный зал. Встретимся там, а пока я заберу записи Вульфа.

Лэнг вошел через тяжелую дубовую дверь, пригнувшись, чтобы не удариться головой о косяк. «Тому, кто не верит в эволюцию, неплохо бы пару раз приложиться головой к средневековой притолоке», — утрумо подумал он.

Здесь располагался основной читальный зал. Дубовые столы, построенные с учетом современных пропорций человека, тянулись в два ряда вдоль стен. В центре на столе под стеклянными колпаками были выставлены знаменитые библиотечные экспонаты. Солнечные лучи с трудом пробивались сквозь матовые окна и смешивались со скудным светом ламп. Тишина стояла невообразимая и лишь изредка нарушалась перелистыванием книжной страницы. Настоящее кладбище звуков.

Лэнг ждал Стоквелла, заглядывая то в один стеклянный ящик, то в другой. Несколько латинских фраз приветствовали его, как старого друга, но большая часть текстов была на саксонском, норманнском, французском и еще каком-то языке, о котором он вообще ничего не знал.

Лэнг сосредоточился на иллюстрациях из Библии, нарисованных от руки. Он так увлекся рисунками, что не заметил профессора, который бесшумно подошел сзади.

Из-под мышки он достал пачку бумаг и протянул их Лэнгу.

— Приступайте. Забросьте всю эту кучу ко мне в кабинет, как будете уходить.

Лэнг взял бумаги, впившись глазами в первую страницу.

— Спасибо вам.

Стоквелл направился к выходу.

— Рад был помочь. Друзья Якоба и все такое.

Лэнг присел за ближайший стол, полностью погрузившись в чтение. Второй раз за этот короткий срок он ощутил, как у него свело желудок, только теперь это не было связано со стряпней Рашель.

Тамплиеры

Гибель ордена

Перевод со средневековой латыни
на современный английский язык
Найджела Вульфа

4

Я быстро перестал быть новичком. Перед сбором осеннего урожая я принял обеты ордена бедных рыцарей Храма Соломона и стал одним из братьев. Теперь я осознаю, что вместе с этим утратил свою невинность и веру.

Как и было обещано, я ел мясо два раза в день и мылся дважды в неделю до Дня Всех Святых, а тогда вода в реке сделалась холодной, и я снова отдавал тело на растерзание привычным паразитам. Однако ничего страшного в этом не было, потому что мне было позволено менять одежды на чистые не реже одного раза в неделю и тем самым я мог избавиться от своих маленьких мучителей.

У меня не только вырос живот от трапез, куда более обильных, чем приличествует слугам Господа, знания мои тоже разбухли и возросли. Теперь-то я понимаю, что, возжелав запретного плода, я должен был вспомнить о первородном грехе Евы. Но так же, как и она, я поддался неутолимому голоду, который испытывал мой разум. Безумная страсть к знаниям, запретным или нет, бывает столь же неутолимой, как похоть, только открыл я это слишком поздно.

В замке имелась библиотека, настолько богатая, что я даже не знаю, есть ли еще где-нибудь такая, разве только у Папы Римского. В ней я видел один-два манускрипта, толкующих как словом, так и иллюстрациями Священное Писание. В собрании были книги с письмами, извивающимися, точно черви, с ярким цветным орнаментом. Мне рассказывали, что это знания античных мудрецов, сохраненные язычниками-сарацинами.

Когда я спросил, почему работы язычников и еретиков хранятся в освященных стенах, мне объяснили: то, что запрещено большинству христиан, разрешено здесь. Эти слова мне часто приходилось слышать: на рыцарей не распространялись запреты, действующие в остальном христианском мире.

Исполняя обязанности писаря и счетовода, я сделал еще одно открытие. У братьев существовала система, которая позволяла хри-

стианину, совершающему паломничество, защитить свои деньги и использовать их, когда в том возникнет нужда. В любом храме путник мог отдать на хранение золотые или серебряные монеты и получить взамен пергамент, на котором было написано его имя, сумма взноса, а также условный знак, известный только братии. Как только он предъявлял этот пергамент в любом другом храме, будь то в Британии, Иберии или Германии, ему выдавали сумму, которую он вложил, что позволяло пилигримам защитить свое имущество от всеобщей злой участи — разбойников на дорогах и пиратов на море¹.

За эту услугу храм оставлял себе пергамент и получал от путника вознаграждение. Мне это казалось грехом ростовщичества — обычаем, запрещенным в христианском мире, но разрешенным у рыцарей Храма. Даже хуже: тамплиеры занимались торговлей, вкладывали деньги ради прибыли, точно язычники израильтяне².

Однако самое большое любопытство вызывали постоянно возрастающие суммы денег, которые приходили из Рима. Невособразимые богатства стекались в сокровищницу тамплиеров. Эти средства никогда не раздавали беднякам, как вселел Христос, они шли на приобретение земель, оружия и любых излишеств, которые только братия могла пожелать. Но даже при этих условиях щедрость Святейшего престола не истощалась, а лишь увеличивалась по причинам, которые я осознал только теперь.

Вначале я испугался развратить свою душу, ибо грех чревоугодия многолик, беспутное и бездумное разбрасывание богатств — тоже чревоугодие. Я разыскал Гильома де Пуатье и прервал его игру с рыцарями. По правде сказать, игры, еда и волнения занимали у него куда больше времени, чем тренировки с мечом или копьем.

Он зывал к святым, умолая их о помощи, и одновременно посылал к черту деревянные кубики, которые они с приятелями подбрасывали, делая ставки.

— А, Пьетро, маленький брат! — от него повесело виноградным вином. — По твоему лицу сразу видно, что ты взволнован. Что случилось, все цифры перебесились в твоём счетном доме?

Эти слова вызвали взрыв веселья среди его товарищей.

— Нет, — ответил я серьезно и важно, — меня охватила такая любовная слабость, что я не могу молчать. Его Святейшество посылает нам огромные суммы денег. Вместе с тем это обаянность всех слуг Святой Церкви — направлять в Рим кто сколько сможет ради поддержания Его Святейшества. Я ничего не понимаю.

¹ Здесь и далее см. примечания Найджела Вульфа на с. 165–166.

— Когда орден только зародился, — сказал он, — мы вынуждены были принимать помощь из Рима. Нам требовалось снаряжение и поддержка в борьбе против неверных.

— Но сейчас, по непостижимой воле Господа, Святая земля проиграна, — заметил я. — Орден больше не может посылать пилигримов в Иерусалим, и выгнать сарацинов оттуда он тоже не может.

Гильом де Пуатье кивнул и показал на соседнее окно.

— Видишь вон там Серр? А с другой стороны Ренн. По желанию Его Святейшества мы должны охранять эти города. За это он награждает нас.

— Да от кого их защищать? — удивился я. — Поблизости нет вражеских войск, а времена варваров остались в далекое прошлое³.

— Это ты так думаешь, — сказал он. — Однако не нашего ума дело задавать вопросы Риму. Только гордец станет так поступать.

Я понял его намек и почувствовал, как мое лицо заливают краска. Он положил руку мне на плечо.

— К тому же противостоять приходится не только вражеским войскам или варварам. В этих местах раньше жили еретики — гностики и катары⁴, — которые могли разрушить Святой престол так же верно, как банда вооруженных головорезов.

— И мы должны охранять Квардо от их последователей, — сказал Тартус, немец.

— Охранять гору, голую и пустую? — поразился я.

Гильом де Пуатье взглянул на рыцаря в замешательстве.

— Ты прав. Просто брат Тартус слишком развеселился от выпитого вина, дара Божиего. Мы охраняем города, а не пустые холмы.

Тартус собрался было что-то сказать, но передумал. Я понял, что существует какой-то секрет, который мне не положено знать. Мне указали границу дозволенного. Итак, я стоял перед выбором: оставить все как есть или, положившись на волю Господа, попробовать самому отыскать разгадку.

При первой же возможности я отправился в библиотеку, чтобы разузнать, кто такие гностики и катары.

Я установил, что и те, и другие появились после Первого Вселенского церковного собора в Никее⁵, на котором ранняя Церковь приняла четыре книги, как Евангелия, отвергнув остальные. Одна из этих отвергнутых книг была Евангелием от Фомы, который написал, что Иисус учил своих последователей ввериться Иакову как главному после Его смерти⁶.

Воистину, это тот самый Фома Неверующий, который желал прикоснуться к ранам Господа нашего, ибо от него гностики и катары

соблаивались на свою омерзительную ересь, которая, хотя и не в том была их цель, отрицала Священное Писание, написанное кровью мучеников⁷.

Поначалу я никак не мог понять причину, по которой эти отступники нашли здесь, в Лангедоке, настолько большую поддержку, что потребовалось призывать на помощь рыцарей и нести при этом великие расходы.

Прошли дни, и я случайно натолкнулся на разгадку. Я нашел один манускрипт, несомненно отобранный у еретика гностика незадолго до того, как его душу отправили в преисподнюю, а тело — на кол. Туто свернутый свиток пергамента⁸ сильно задох. Текст был написан настолько дурно, что буквы трудно было разобрать. Мне нельзя было позволять своему любопытству брать верх над набожностью. Я должен был осознать, что эти дьявольские записи послал мне в руки сам сатана, искушая меня, как и многих неосторожных, послуживших великих знаний, ибо сей документ непристоен в глазах всех христиан.

Гностик, автор этого отвратительного сочинения, не оставил своего имени, но изложил более ранние сочинения, которые он просто перевел с древнееврейского языка. Они свидетельствовали следующее.

После распятия Господа нашего Иосиф Аримафейский⁹, брат Иисуса, и Мария Магдалина, жена Иисуса¹⁰, опасаясь гонений, бежали в дальние пределы Римской империи, в Галлию, в область, заселенную иудеями, среди которых впоследствии жил и сосланный Ирод¹¹. С собой они взяли только то, что могли унести. Среди прочих вещей был большой сосуд, а что в нем было, они сохранили в тайне и укрыли его в холмах неподалеку от реки Сан и горы под названием Кардо, той самой горы, которую, по словам Тартуса, охраняла братия.

Это место находилось здесь, так было обозначено в повести, в еретическом источнике, который я не осмеливаюсь дословно повторять, дабы душа моя не была навеки проклята за столь нечестивые речи.

Я разыскал Гильома де Пуатье и пересказывал ему немного из того, что прочел, хотя и не ту часть, за которую был бы навеки проклят, если бы только произнес ее вслух. Его это вовсе не сразило.

Он сказал, что бред сумасшедшего не способен нам навредить, и наш долг любить и защищать Единого Истинного Бога.

Однако вред уже был нанесен, и, к моему величайшему сожалению, я узнал об этом.

Примечания Найджела Вульфа

¹ Без сомнения, эта система являлась не только первым банковским счетом, но и первыми «чеками путешественника»*.

² По указу Папы, только евреи имели право взыскивать процент по займу. Этим обстоятельством объясняется возвышение еврейских банковских домов в Европе.

³ Хотя автор использует латинское слово «варвары», скорее всего, он имеет в виду викингов, которые совершали свои набеги с VIII по X века.

⁴ Слово «гностики» произошло от греческого *gnosis*, что означает знание. Гностики верили, что Христос был смертным, рожденным Марией и на него снизошло Божие благословение. После распятия на небеса вознеслась его душа, но не тело. Катары верили, что Христос был ангелом, который никогда не принимал человеческого обличья. Очевидно, что в эпоху ранней средневековой Церкви, которая признала паулинскую доктрину о физическом воскресении и вознесении Христа, дискредитация обоих верований стала неизбежной.

⁵ 325 год н.э. В центре внимания этого раннехристианского Собора находился следующий вопрос: был ли Иисус Христос создан Богом или Он сам — Бог. Как будет видно позже, этот вопрос предполагал бесчисленные богословские интерпретации. Позже возобладало учение, что Иисус был «рожден, но не сотворен Богом Отцом», то есть являлся одной с ним сущностью.

⁶ См. так называемую библиотеку из Наг-Хаммади, найденную в Верхнем Египте в 1945 году, где она была закопана в терракотовых кувшинах, как свитки Мертвого моря в Кумране. Перевод этих замечательных документов, всего пятидесяти двух, был закончен только в 1977 году. Среди них тоже есть Евангелие от Фомы, которое содержит в себе подобные наставления.

⁷ См. часть 5 далее.

⁸ *Veelin* — франкское слово, означающее ягненка или выделанную шкуру ягненка, предназначенную специально для написания текстов. Для этих целей могла также использоваться шкура теленка или козленка.

⁹ Арам — древнееврейское название Сирии, однако маловероятно, чтобы оттуда происходил близкий родственник Христа. Приходится допустить, что в Палестине существовал город Аримафея, чье древнее название было утрачено.

---

* Чек путешественника — система услуг глобальной финансовой компании American express.

¹⁰ Не впервые поднимается вопрос о матримониальном статусе Иисуса. Иисус, как еврей, должен был следовать иудаистскому закону, предписывающему жениться. На самом деле в текстах Лобино, зарегистрированных в Национальной парижской библиотеке, выдвигается спорный аргумент, что Иисус прибыл в Лангедок живым, *en famille**, и положил начало франкской династии Меровингов.

¹¹ Римская провинция Аквитания, включая сегодняшний Лангедок, весьма подходила римским императорам как место, куда можно было ссылать лиц, попавших в опалу. По иронии судьбы, туда же был сослан Понтий Пилат.

---

* В (узком) семейном кругу (фр.).

Глава 3

1

Оксфорд

Лэнг понимал, что держит в руках смертный приговор Вульфа. Вот за что *они* его убили. Эта мысль заставила его боязливо оглянуться. Он обвел взглядом помещение и затем начал читать. Сначала у него вылетел из головы больной живот, а после он и вовсе забыл, где находится. Единственное, что мешало и вызывало раздражение, — это замечания ученого, сноски.

К тому времени как Лэнг закончил читать, у него в голове уже родилось несколько версий, объясняющих загадку картины. Вопрос заключался лишь в одном: сумеет ли он продержаться целым и невредимым достаточно долго для того, чтобы успеть все выяснить.

2

Лондон, Саут Бэнк

16:30

Тяжелые, набрякшие дождем тучи нависли над городом, когда Лэнг, переехав мост Ватерлоо, взял курс на Саут Бэнк.

Саут Бэнк располагается в изгибе Темзы, а потому, вопреки своему названию, скорее относится к восточной части Лондона, нежели к южной*.

До времен Второй мировой войны, когда люфтваффе основательно перекроило городской пейзаж, эта территория была застроена складами и заводами. Затем в течение пятидесяти лет здесь мало что строили. Теперь же Саут Бэнк являет взору

* От *англ.* South Bank — Южный берег.

многоэтажные офисы, концертные залы, галереи, а также жилые дома для тех, кто обожает селиться посреди ультрасовременных зданий. Есть в здешнем городском силуэте что-то американское.

Лэнг ехал по Ватерлоо-Роуд в сторону Сент-Джордж-Серкус — одной из тех кольцевых транспортных развязок, которые англичане любят гораздо больше светофоров. Миновав пару объездов, он встал во внешний ряд и выехал на Ламберт-роуд. В ветровом стекле проплыли два мощных морских орудийных ствола Военного музея Британской империи.

Неподалеку от Ламберт-роуд он втиснул «моррис» на пустой пятак, заглушил мотор и внимательно осмотрел окрестности в зеркале заднего вида. Подобно большинству лондонских улиц, на этой улице одностороннее движение, а значит, легко отследить все прибывающие машины. Спустя пять минут стало ясно, что никто его не преследовал. Лэнг был абсолютно уверен, что кроме Якоба, Рашель и профессора ни одна живая душа не знала о его поездке в Оксфорд, но, учитывая, что ему там стало известно, неудивительно, если они установили за Оксфордом слежку.

Он врубил «моррис» и въехал в подземный паркинг жилого дома. Оставил машину Якоба на своем месте и направился к лифтам.

Якоб открыл дверь. Из нее тут же потянуло табаком и стряпней Рашель. Он жестом пригласил Лэнга войти и взглядом, напоминающим нервный тик, быстро обшарил вестибюль.

— Рад, что ты благополучно вернулся. Стоквелл чем-нибудь помог?

— Да, помог, — ответил Лэнг, переступая через порог и протягивая ключи от машины.

Квартира представляла собой полную противоположность офису Якоба. Мебель была в стиле хайтек, хромированная и стеклянная, и Лэнг сразу с тоской вспомнил дом. У стены на полках из оргстекла стояло несколько книг и новомодных скульптурок, которые когда-то были шайбами и болтами. На двух других стенах висели картины, отдаленно напоминающие работы сплатистов, виденные Лэнгом днем раньше в музее. Последняя стена была стеклянной. Сквозь нее взгляду открывался маленький

балкон и панорама Темзы, напомнившая Лэнгу «Здания парламента в Лондоне» Клода Моне.

Якоб ждал дальнейших объяснений, но Лэнг спросил первым:

— Ты что-нибудь выяснил насчет «Пегаса»?

Якоб уселся на диван, подвешенный к хромированной стойке наподобие гамака, и нащупал в кармане заношенного свитера трубку.

— На самом деле, совсем немного.

Лэнг тоже сел и с нетерпением принялся ждать, когда Якоб совершит свое ритуальное прикуривание.

— Пегас, — проговорил Якоб, попыхивая трубкой, — Пегас — разумеется, это крылатый конь в греческой мифологии, который ударом копыта выбил источник вдохновения Гиппокрену на горе муз Геликоне.

Лэнг заерзал, надеясь, что Якоб рано или поздно все же перейдет к делу.

— Понятия не имею, какая связь между мифическим животным и коммерческим предприятием, — заметил Якоб. — Но компания весьма занятная по нескольким причинам. Во-первых...

Он перестал ковырять в вересковой трубке предметом, напоминающим гвоздь, и издал громкий всасывающий звук. Лэнг подавил в себе желание выпшвырнуть чертову трубку в окно.

— Про мифическое животное я все знаю. А компания?..

— ...корпорация на одном из Нормандских островов — Джерси, — Якоб поднял брови, отвечая на незаданный вопрос.

— Ты хочешь сказать, у них счет в банке и корпоративная секретность, — сказал Лэнг. — По закону, сделки на Нормандских островах не облагаются налогом, а личности акционеров и должностных лиц конфиденциальны.

Якоб опять задымил.

— Именно так. Легально у нас нет никакой возможности узнать что-то о компании, которая имеет ежегодный доход в несколько миллиардов долларов. И это весьма странно, учитывая, что они ничего не производят, не предоставляют никаких достоверно установленных услуг.

Лэнг присвистнул.

— Господи! Так у них доход больше, чем валовой национальный продукт в иных странах. Откуда же они берут средства?

— А это еще интереснее: из ряда источников, и все они относятся к Римско-католической церкви, например инвестиции и дискреционные фонды от Папы Римского. Или от Церкви — например, от нескольких католических благотворительных организаций.

Лэнг закрыл рот, который у него было начал раскрываться от удивления, затем спросил:

— А на что такие деньги? Играть в «Бинго»?

Якоб пожал плечами.

— К сожалению, Моссад не посвящают в дела Католической церкви, Ватикана и папского государства. Чем бы «Пегас» ни занимался, он об этом ни по телефону, ни по факсу, ни по электронной почте не докладывает. Ничего, что мог бы перехватить «Эшелон». Моссаду известно о нем давно, но он никогда не считал эту информацию интересной.

«Потому что она не представляет угрозу для еврейского государства», — подумал Лэнг.

— У тебя есть предположения, куда идут такие средства?

Якоб опять принялся ковыряться в трубке, теперь уже спичкой.

— Если чисто географически, то они главным образом крутятся в Европе. Цепь сосисочных в Германии, торговля бензином в Великобритании, морские курорты во Франции. Слишком много предприятий, чтобы следить за ними из чистого любопытства. Тем более что связь зашифрованная. Похоже, законов они не нарушают. Платят налоги, когда не могут этого избежать, такие вот дела.

Лэнг задумался на мгновение. Во всех этих сферах бизнеса крутились огромные наличные деньги.

— А известны какие-нибудь конкретные имена?

— Я же сказал, Моссаду это не слишком интересно. Для того чтобы хоть что-то раздобыть, мне пришлось позвонить нескольким знакомым.

— А остров Джерси — это что такое: почтовый ящик или «Пегас» там проводит какие-то операции?

— Не знаю. Могу сказать только, что львиная доля информации проходит через коммутатор в Лиссабоне. Мо-

жет быть, просто коммутационный узел, а может быть, у них там бизнес.

С нетерпением Лэнг смотрел, как друг запускает в чашечку трубки следующую спичку и посасывает мундштук, дожидаясь, пока не покажется голубой дымок.

— Одна странная вещь, — наконец проговорил Якоб. — На юго-западе Франции, в Бургундии, есть маленькая деревушка. Ренн-ле... как же это... Ренн-ле-Шато. Туда все время идут телеграфные переводы. Я бы предположил: у них там подставная корпорация. Суммы не крупные, но переводятся постоянно. Не проводят никаких операций, которыми «Эшелон» мог бы поживиться.

Лэнг откинулся на спинку кресла.

— Ренн-ле-Шато, говоришь? Никогда раньше не слышал.

— Я нашел ее в атласе. Где-то рядом с Пиринеями.

— В районе Лангедока?

Якоб выбил трубку в стеклянную пепельницу, по виду такую хрупкую, что она могла разбиться от грубого прикосновения. Напряженность в голосе Лэнга заставила его поднять глаза.

— Думаю, где-то там.

Американец встал.

— Атлас у тебя здесь?

Якоб был явно озадачен внезапно вспыхнувшим интересом Лэнга к географии.

— Ну, да...

Раздался звонок в дверь.

Якоб осторожно уложил трубку на пепельницу, направился к двери и заглянул в глазок.

— Ты уверен, что за тобой не следили?

— Следили? Кто?

Якоб не отрывался от глазка.

— По виду, копы.

3

Лондон, район Мейфейр
Время то же

Монитор омывал лицо Герт голубоватым сиянием. С потолка упорно и ослепительно, как в операционной, бил свет флуоресцентных ламп. Эта комната на цоколь-

ном этаже дома 24 по Гросвенор-сквер и была своего рода операционной — столь же стерильной, вычищенной от всяких электронных бактерий. Ежедневно проводилась электронная уборка, каждая мелочь записывалась на пленку круглые сутки. Комнату от остального помещения отделяло цельное стекло, так что ее обитателям казалось, что они находятся в лабораторной колбе. Это было самое секретное место во всем американском посольстве — здесь агенты выполняли свою работу.

Проверка, которую прошла Герт, показала высокий уровень секретности, а потому она получила доступ к той информации, которую искала: к закрытому файлу личного состава. Вот только уровень секретности несколько не впечатлил кибербогов, отмеряющих системе время для поиска данных. Тщетно пытаясь поторопить машину, она ткнула клавишу «enter» во второй раз. Горя нетерпением, Герт пробормотала себе под нос ругательство, которое прозвучало на ее родном языке особенно выразительно. И — словно был назван магический пароль — файл, который она разыскивала, наконец-то появился. Внимательно изучив информацию, она хорошенько все запомнила. Делать записи было категорически запрещено.

Она уже почти заканчивала, когда ее внимание привлек красный огонек, замигавший внизу экрана. Она нахмурилась и ввела другой код доступа.

Кто-то взломал систему, получил доступ к тому же секретному файлу. Невероятно! По сравнению с этой системой сеть Пентагона напоминала детскую головоломку. Десять минут дальнейшего расследования не принесли успеха. Это случай для неизвестных миру суперботаников из управления, кибергуру, которые умудрились отследить вирусы «Любовное письмо» и «Мелисса», распространившиеся по всему свету, и выйти на их авторов.

Как и в случае с теми вирусами, непрошенный гость послал запрос по всему земному шару через ряд компьютеров, принадлежавших и отдельным пользователям, и компаниям — невинным соучастникам электронной кражи со взломом. Но кто бы он ни был, в журнале после него остались улики: время и дата входа и выхода. Как она увидела, это было вчера.

Предположительно, хакер охотился за той же информацией, что и она. Герт поспешно вышла из системы.

У нее оставалось совсем мало времени. Задницу Лэнга подпалили даже сильнее, чем он мог предположить.

4

Лондон, Саут-Бэнк

16:45

— Копы? — Лэнг указал в сторону кухни. — Куда она ведет?

Раздался громкий стук, словно в дверь били более твердым предметом, чем человеческая рука. Стволom оружия — первое, что приходило на ум.

— Ведет на черную лестницу, — ответил Якоб. — Хочешь поспорить, что они не перекрыли ее?

Из кухни вышла Рашель и стала спрашивать, что происходит и что теперь делать? За годы жизни с Якобом она научилась не задавать слишком много вопросов, однако теперь настолько удивилась, что Лэнга разыскивает полиция, что нарушила это правило.

Лэнг ступил к стеклянной стене и плавно отодвинул ее в сторону.

— Вниз пути нет... — предостерег Якоб.

На узком балконе Лэнг, придерживаясь рукой за стену, взобрался на металлические перила. Нижний балкон тоже был слишком узким. И хотя он находился всего метра на три с половиной ниже, во время прыжка проще простого сорваться.

Из коридора, не переставая, неслись удары в дверь, сопровождаемые громкими и требовательными голосами. Сверкнув глазами на Лэнга, Якоб крикнул:

— Иду, иду!

Соседний балкон располагался слишком далеко, чтобы просто перелезть на него. Но если изо всех сил прыгнуть... Выбора не оставалось. Усилием воли Лэнг заставил себя не закрывать глаза, напрягся каждой клеточкой тела и рванул в пустое пространство.

Подожва его ботинка скользнула по краю цементного выступа, и, падая, Лэнг ухватился за железную ограду внизу. Весом так страшно дернуло руки, что показалось, они сейчас оторвутся. Прошла целая вечность, прежде чем Лэнг нащупал точку опоры на бетоне, стараясь не думать о том, как далеко, двенадцатью этажами ниже, находится улица.

Над его головой через раскрытую дверь доносился разговор. Голос Якоба звучал сердито. Шаги Лэнг скорее чувствовал, чем слышал. Пройдет совсем немного времени, полиция обнаружит, что в квартире его нет, и отправится искать в другом месте. Например, на балконе.

Наконец Лэнгу удалось вцепиться в одну из тонких подпорок, торчавших в ограде. Он осторожно подергал ее, надеясь, что металлический прут выдержит вес его тела. Другой рукой он схватил другую подпорку и начал медленно подтягиваться, как на перекладине.

Когда его голова достигла уровня цементного пола, он услышал звук, заставивший его повернуть шею. На балконе Якоба, как раз на уровне его глаз, появилась пара ботинок. Лэнг распрямил руки и повис, опустив голову как можно ниже и надеясь, что ладони не видны в сгущающихся сумерках. Остальное с балкона Якоба не видно, разве только если подойти и специально выглянуть, разыскивая беглеца на соседних балконах. Но на двенадцатом этаже им этого в голову не придет.

Сбитые носы светло-коричневых ботинок развернулись, и голос объявил:

— Его здесь нет. Ты уверен, что мы не ошиблись квартирой?

Ответа Лэнг не расслышал, но тон был утвердительный. Дверь на балконе Якоба плавно затворилась. Лэнг высунулся, рискуя, что бледная физиономия на темном фоне выдаст его, если вдруг кто-то еще там стоит. Никого. Он снова начал взбираться, как по канату, переставляя руки, пока наконец не встал на твердую поверхность. Шторы на окне были опущены, поэтому Лэнг не мог определить, горит ли в комнате свет. Он приложил ухо к холодной и гладкой поверхности. Тихо: ни человеческих голосов, ни звуков музыки. Или жильцы — редкие экземпляры, которые не смотрят новости в это время суток, или в квартире никого нет. Он толкнул дверь. Заперто. Кто запирает балконную дверь на двенадцатом этаже? Только параноик, ответил он самому себе, вынимая из бумажника кредитную карту. Лэнг вставил карточку в щель и отодвинул засов.

Слава Богу, в Англии мало кто держит дома огнестрельное оружие. С этой мыслью Лэнг переступил порог и шагнул в темную комнату.

Ориентируясь на серебряную полоску света под дверью — очевидно, входной, — он двинулся вперед, выставив перед собой руки. На его пути попался низкий сервировочный столик, о который он так больно стукнулся ногой, что даже закусил губу.

Только он добрался до двери, как полоску света загродила чья-то тень. Щелкнул замок, и он оцепенел, как цепенеет олень, попав в свет несущихся фар. Лихорадочно пытаясь придумать, куда бы спрятаться, Лэнг вспомнил столкновение на пустынной дороге в темном лесу. Только тогда дело закончилось не гибелью зверя, а взрывом помятым «фольксвагеном».

Лэнг сделал единственное, что ему пришло в голову: встал у двери таким образом, чтобы, открывшись, она его загродила. Затем вспыхнул слепящий свет. И потом он увидел женщину, которая держала в руках пластиковую корзинку, с какой европейцы ходят покупать овощи. Повернувшись, чтобы затворить дверь, она тоже увидела его.

Глаза у нее округлились так, как бывает только на страницах комикса. Она издала звук, скорее похожий на скрип, чем на визг. Корзина выпала из ее рук и грохнулась на пол.

Лэнг улыбнулся самой безобидной улыбкой, на которую только был способен, и вышел из-за полуприкрытой двери.

— Простите, ошибся квартирой. — Он чуть не упал, поскользнувшись на пучке травы, попавшей под ноги. — Понимаю, звучит необычно. Вы бы мне дали имя своего зеленщика.

Выскочив в коридор, он услышал визг за своей спиной. Лэнг решил не садиться в лифт. Как знать, сколько он будет ехать, а полиция могла оказаться на месте моментально. Поэтому он стремительно помчался вниз по ступенькам. Наконец он оказался на улице и вздохнул полной грудью свежий воздух вечерних сумерек.

Черт возьми, как же копы узнали, что он находится у Якоба, размышлял Лэнг, повернув к ближайшей станции метро. Он был уверен, что никто его до квартиры Якоба не вел. А даже если вели, в каком месте ему сели на хвост? Если его опознали в Оксфорде, почему там же и не арестовали? Потому что они откуда-то знали, что он приедет сюда, к Якобу.

От этой мысли Лэнг содрогнулся больше, чем от вечерней прохлады. Для того чтобы узнать, что он разыскал Якоба, кто-то должен был просмотреть его давно закрытый послужной список. А это при патологической степени засекреченности в ЦРУ очень маловероятно. Допустим, Лондонская городская полиция, Скотланд-Ярд, осведомлена о его бывшей профессии. Но он был почти уверен, что в газете, которую читал человек на скамейке у храма, он видел фотографию со своей служебной корочки. Откуда ее раздобыла газета? Здесь всплывала еще более волнующая закономерность: кто-то раскопал его регистрационные данные, погребенные под годами бюрократического дерна, и снабдил этой информацией полицию. Это они. Они, которые желали его арестовать и упрятать в тюрьму, а там уж они за ним присмотрят в свое свободное время.

Мысли Лэнга прервал звук шин, протестующе взвизгнувших под тормозами. На тротуар выехал «седан», преградив ему дорогу. Из машины выскочили двое, наставив на него пистолеты.

— Мистер Рейли, если не ошибаюсь, — заговорил тот, что был выше ростом, держа в одной руке пистолет, а в другой — фотографию Лэнга. — Скотланд-Ярд. Вы арестованы.

— Ого! — воскликнул Лэнг, поднимая руки вверх. — Всю жизнь мечтал встретиться с настоящими сыщиками Скотланд-Ярда. Жаль, нет «Кодака», чтобы заснять этот момент.

В свете галогенового уличного освещения было заметно, что лицо одного из мужчин, того, что повыше, все изрыто ямками от старых юношеских угрей. Костюм ему не подходил. Скверно сшитая вещь? Нет, просто пиджак наспех подогнан по фигуре и явно обрисовывает наплечную кобуру. Не с такой одеждой ассоциировался у Лэнга облик английского полицейского. Пистолет тоже неправильный, «беретта». Скотланд-Ярд, как и большинство американских полицейских, предпочитает девятимиллиметровый «глок» — оружие легче, современнее, чем итальянское.

Другой человек стоял за своим напарником, он был ниже и тучнее. Настоящие Костелло и Эббот*. А на ногах —

* Лу Костелло и Бад Эббот — американские комики 1940 — 1950-х годов.

знакомые светло-коричневые ботинки. Положив пистолет в кобуру, он подошел к Лэнгу сзади и, дернув, завел ему руки за спину. Лэнг ожидал услышать щелчок наручников. Вместо этого Костелло зажал его руки стальной хваткой. Тем временем Эббот тоже убрал пистолет.

— Вы поедете с нами, мистер Рейли, — вежливо произнес Эббот. — В Скотланд-Ярде вам зададут пару вопросов.

— Даже не надейтесь, что я признаюсь в преступлении, которого не совершал, — Лэнг решил проверить силу хватки этого мужика, прикинувшись, что сопротивляется.

— А в каких преступлениях вас могут обвинять? В убийстве, совершенном в Америке или в смерти бедняги на Бонд-Стрит? — спросил Эббот, запустив руку во внутренний карман пиджака.

Хотя было достаточно темно, Лэнгу удалось разглядеть в руках Эббота шприц.

— С каких это пор в Скотланд-Ярде стали делать болеутоляющие уколы заключенным? — спросил Лэнг.

— Это намного проще и гуманнее, чем лупить дубинкой или угрожать пистолетом, как делают ваши копы, — ответил Эббот, проверяя иглу. Уличный свет окрасил тонкую струйку жидкости в золотистый цвет. — Сейчас будет совсем не больно.

У Лэнга по спине пробежали мурашки — как тогда в Атланте, когда убийца пробрался к нему в квартиру. И, как тогда, выучка, приобретенная в ЦРУ, моментально дала о себе знать.

Внезапно Лэнг резко подался вперед. Первой естественной реакцией Костелло было помешать шагнуть вместо того, чтобы дернуть его назад. В ту же секунду Лэнг переместил вес тела и, вложив всю силу в удар каблука, обрушил ботинок на ступню Костелло.

Раздался хруст кости и вопль Костелло. Хватка его ослабла, и Лэнг бросился вперед. Костелло один раз подпрыгнул следом и со стоном опустился на тротуар.

Эббот бросил иглу и схватился за «беретту». Лэнг сделал ложный выпад влево, из-за чего коп замешкался с пистолетом, а Лэнг успел наклониться. Пригнувшись, чтобы удар точнее попал в цель, он нанес хук справа прямо под ложечку.

Эббот сложился пополам и упал, ударившись коленями о мостовую, в позу, напоминающую молящегося человека. Он бросил на Лэнга испепеляющий взгляд и уткнулся лицом в землю. Пока он корчился, что-то выпало из воротника его рубашки. Лэнг не удивился, узнав мальтийский крест.

Он перекатил Эббота ногой, наклонился и взял «берет-ту», а потом подошел к фонарному столбу, за который цеплялся Костелло, пытаясь подняться. Лэнг разоружил и его, выбросив пистолет в кусты, после чего, схватив его за челюсть, засунул пушку Эббота ему в рот.

— Говори, мразь, кто ты?

Но, не увидев и тени страха на человеческом лице, Лэнг сам испугался. Вот так и убийца, проникший к нему в дом. Похоже, смерть совсем не пугала этих людей.

— Кто тебя послал? — Лэнг чувствовал, как разочарование у него в душе перерастает в гнев. — Отвечай или вышибу твои мозги!

Вместо ответа он получил улыбку, если только можно улыбнуться с дулом пистолета во рту.

Ярость, которую Лэнг испытывал к ним, так и кипела. Эти ублюдки устроили пожар, в котором сгорели Дженет и Джеф, они пытались убить его, приписать ему два убийства. Если эта сука так мечтает умереть, то Лэнг будет счастлив ему помочь. Его палец прижался к спусковому крючку, в душе росло желание крушить, уничтожать, убивать. Еще доля секунды, и он отомстит.

Человек отвел глаза от лица Лэнга и на короткий миг бросил взгляд ему за плечо. Этого оказалось достаточно. Лэнг припал на одно колено и резко обернулся. Эббот с джамбией в руке, столкнувшись с Лэнгом, повалился на него сверху, точно жертва, снятая с веревки. Так и не обретя равновесия, он погрузил лезвие, нацеленное на Лэнга, по самую рукоятку в грудь своего товарища.

Гейзер крови, черной при свете фонарей, брызнул из толстяка, и он рухнул на землю. Раздался звук, напоминающий вздох. Безжизненные глаза уставились в небо.

Казалось, это происшествие ничуть не потрясло Эббота. Он поднялся на ноги, одновременно вытаскивая нож из неподвижного тела. Нож вышел легко, с хлопаньем, от которого Лэнга чуть не вывернуло. Перепачканный кровью своего соратника, Эббот бросился на Лэнга, занеся кинжал.

Все еще стоя на одном колене, Лэнг схватил пистолет обеими руками.

— Уймись, наконец!

В этот момент он осознавал три вещи. Во-первых, его враг не боялся оружия. Во-вторых, он не был уверен, заряжен ли пистолет, а в-третьих, времени на проверку не осталось.

Лэнг нажал на спусковой крючок.

5

Якоб воззрился на величавую женщину, стоявшую в дверях.

— Какой Лэнг?

Герт прошла мимо него в квартиру.

— У меня нет времени на шутки, мистер Аннулевич. Лэнгу угрожает опасность. Я должна знать, где он.

Якоб пожал плечами. Помимо естественного подозрения, в нем заговорил инстинкт, заставляющий его уклоняться от ответа на вопросы, заданные с легким немецким акцентом.

— Какая популярная личность! За сегодняшний вечер вы уже вторая, кто им интересуется. Мне уже и самому хочется с ним познакомиться.

Герт подошла ближе, чтобы подчеркнуть разницу в росте.

— Вы были агентом Моссада. Лэнг служил в ЦРУ. Тринадцать лет назад «Хамас» планировал взорвать израильское посольство. Вы должны были находиться рядом. Лэнг упросил ЦРУ разрешить ему предупредить вас. Вы всегда подшучивали над ним, говорили, что он не стал бы вас предупреждать, откажи ему тогда начальство в этой просьбе.

Глаза Якоба расширились.

— Вы знаете его! Простите...

Герт скупо улыбнулась.

— Все извинения потом. Сейчас мне необходимо срочно его разыскать. У него более серьезные неприятности, чем он думает.

К Якобу уже вернулось его обычное хладнокровие, и он достал трубку.

— Не похоже, чтобы он об этом не догадывался. Он скрылся как раз перед приходом копов.

— Если только это были копы. ЦРУ сообщило данные о нем полиции, но кто-то еще получил доступ к секретному служебному файлу — кто-то кроме полиции. Именно так они узнали о вас, о вашей дружбе. Ему надо сообщить, что этим людям известно о его прошлом, о его контактах.

Якоб тяжело опустился на кожаный диван-гамак, трубка была временно забыта.

— Черт возьми! Если к ним попали его служебные данные...

— ...значит, к кому бы Лэнг ни отправился в Лондоне, они будут об этом знать, — закончила Герт. — И мне необходимо предостеречь его.

Якоб поднял на нее взгляд.

— Понятия не имею, куда он мог скрыться. Он в спешке бросился вон туда, — черенком трубки Якоб указал на балкон. — Выбрал самый быстрый путь вниз.

Герт подошла и отодвинула стеклянную дверь, словно ожидала, что Лэнг до сих пор там стоит.

— О чем вы разговаривали, пока не появились копы?

Слово «копы» она жестом заключила в кавычки. Якоб наконец вспомнил о своей трубке и принялся ковырять в ней спичкой.

— Он только что вернулся из Оксфорда, куда ездил встречаться с моим приятелем, историком. Хотел узнать побольше о тамплиерах.

Герт отошла от балкона и нахмурилась.

— О тамплиерах? Рыцарях Храма?

Махнув рукой на трубку, которая не желала разгораться, Якоб положил ее на место.

— О них самых. Он обнаружил...

Внизу на улице раздалось два хлопка. Они отчетливо прозвучали на фоне привычного городского шума. Якоб и Герт кинулись к балкону, но в полумраке ничего не было видно. Тогда оба повернулись и бросились через входную дверь к лифту и дальше — вниз.

6

Лондон
Саут-Док

Лэнг никогда раньше не убивал человека. Теперь ему не забыть ни единой крошечной детали, как будто время

замедлилось и потекло с призрачной, неестественной скоростью. «Беретта» взбрыкнула, точно хотела вырваться из его рук, опустилась обратно, прицелившись в темное пятно на белой рубашке, и вновь подпрыгнула. Звук выстрела раскатился эхом, отскакивая от окрестных зданий. Металлические снаряды, горя огнем, сверкнули, словно два метеора, улетая дугой в темноту.

Нападавший противник всхрипнул от удивления и боли. Все произошло совсем не так, как обычно показывают в кино. Пули даже не задержали его. Если бы не два красных пятна на рубашке, Лэнг решил бы, что промазал. Он снова прицелился и чуть не выстрелил, но тут колени подстреленного дрогнули. Точно на замедленной пленке, неверные ноги ему изменили, и он повалился на землю, как срубленное дерево. Тело распласталось в такой позе, что Лэнг изумился, уж не расплавились ли у него кости.

В любом крупном американском городе, слышав выстрелы, жильцы всех соседних домов забиваются поглубже в свои норы. Но в Лондоне стрельба на улице пока еще в диковинку.

Над головой Лэнга начали зажигаться огни, окна распахивались и любопытные громко переговаривались, спрашивая друг у друга, что случилось.

Лэнг спешно проверил карманы убитых, найдя лишь поддельные полицейские удостоверения. Заткнув пистолет за ремень, он в последний раз взглянул на оба тела. Он ожидал почувствовать восторг или хотя бы небольшое удовлетворение от мести. Но вместо этого ощутил слабый приступ тошноты. Он заставил себя подумать о двух свежих могилах на склоне холма в Атланте, но и это не помогло.

Четверо за двоих любимых людей. Вести счет не имело смысла. Он развернулся и быстро пошел в сторону от приближавшегося завывания сирен.

7

Лондон, Саут-Док

Инспектор Фицвильям прибыл на место преступления в настроении, вовсе не располагающем к шуткам. Вечно его вызывают во время последних новостей. Отрывают от телевизора и позволяют вернуться к обеду, когда он уже давно остыл.

Первое, что он увидел, — это темный силуэт толпы на фоне вспыхивающих огней. Следующая картина, представшая его взору после того, как он локтями проложил себе дорогу через скопление зевак, заставила его позабыть и о новостях, и об ужине. На земле валялись два трупа, точно после какой-нибудь индейской бойни в американском вестерне — из тех, что он с наслаждением смотрел в детстве. Две жертвы: одна окровавленная, как забитый бычок, другая — с четкими круглыми дырками на рубашке.

Но это Лондон, а не Нью-Йорк или Лос-Анджелес, где гангстеры ведут между собой уличные войны, а полиция не в силах им помешать. Какого черта? Однако убитые не были похожи на уличных бандитов. Оба одеты в костюмы с галстуками.

Заметив в толпе Фицвильяма, к нему приблизился его подчиненный — молодой сыщик с блокнотом в руке, весь окутанный ароматом керри. На темном лице блеснула испарина, что заставило Фицвильяма подозревать, что это первое настоящее зверское убийство, которое парень видел.

— Здорово, Пател! — произнес Фицвильям. — Что произошло, как думаешь?

— Похоже на кровавые разборки, — ответил Пател, белки его глаз резко выделялись на фоне коричневой кожи. — У обоих покойников наплечная кобура, полицейские удостоверения. Я проверил, они фальшивые. Один пистолет, «беретта», мы нашли вон там, в кустах, — он махнул рукой. — Другой исчез.

Фицвильям кивнул, обдумывая информацию. В Соединенном Королевстве никому не разрешалось носить огнестрельное оружие, за исключением полицейских, военных и представителей очень немногих охранных служб. Наличие оружия и поддельных документов говорило о преступной группировке, вполне вероятно, о так называемой русской мафии, грозившей перевернуть Европу, или, еще хуже, о колумбийских наркоторговцах.

Инспектор подошел ближе и пристальнее всмотрелся в тела. Даже при скудном освещении заметно, что в их внешности не было ничего славянского и ни цветом кожи, ни чертами лица они не напоминали латиноамериканцев.

— Есть еще какие-нибудь зацепки, по которым можно идентифицировать убитых? — спросил он.

Стоявший поблизости Пател покачал головой. Фицвильям присел на корточки рядом с телом, которое было покороче. Костюм из магазина, как и обувь. Русские любят одежду от итальянских портных, колумбийцы — феерические ботинки. Он готов был поспорить, что эти двое не относятся ни к тем, ни к другим. То обстоятельство, что обе кобуры пусты, наводило на мысль, что на них внезапно напали из засады и им пришлось защищаться. Но если ты носишь пистолет, то каким образом тебя могут зарезать?

Он встал, озирая всю картину усталыми глазами. Что-то он уже сегодня слышал о Саут-Бэнк рядом с Ламбертроуд. Он уверен, что раньше здесь не бывал, и все же...

Аннулевич, бывший агент Моссада, друг Рейли! А не он ли живет на Саут-Бэнк? Инспектор начал хлопать себя по карманам, тщетно надеясь найти там адрес Аннулевича.

— Вам чем-нибудь помочь, инспектор? — заботливо осведомился Пател.

Фицвильям прекратил себя обыскивать, но он был уверен, что бывший друг Рейли живет где-то здесь неподалеку. Если в этом деле замешан американец, то это может кое-что прояснить, хотя Фицвильям сам точно не понимал, что именно.

— Нет, благодарю, — ответил он твердо, внимательно обшаривая взглядом толпу зевак.

Его старания были почти сразу вознаграждены. Из толпы выделялась женщина, блондинка высокого роста. Красивая и очень похожа на подругу Рейли с фотографии, на немку. Он приблизился к ней сбоку, как раз когда она выбиралась за пределы человеческого круга. Еще чуть-чуть, и она бы исчезла.

— Мисс! Простите, мисс, — из кармана куртки у него свисало служебное удостоверение, но он вынул кожаный бумажник с жетоном и протянул так, что ей было хорошо заметно. — Мисс Фуч?

Похоже, она услышала, но не подала и виду. «Отлично владеет собой», — отметил в уме инспектор.

— Я знаю, кто вы такая, мисс. Я предпочел бы побеседовать с вами здесь, а не в участке.

Эти слова заставили ее остановиться. Только теперь она обернулась и он осознал, что она выше его на целую голову.

— Я вас слушаю.

— Инспектор Фицвильям, полиция Лондона, — начал он, как будто его жетон не был в сантиметре от ее лица. — Мы разыскиваем вашего давнего друга, американца Лэнгфорда Рейли.

Даже сумерки не могли смягчить холодность ее взгляда.

— А с чего вы решили, что я знаю, где он находится? Раз вам известно, кто я такая, значит, вы также знаете, что я не виделась с ним последние десять лет, а может быть, и больше.

— Могу я напомнить вам, мисс Фуч, что пособничество уголовнику является преступлением?

Она медленно наклонила голову.

— Я буду иметь это в виду, если он вдруг решит у меня укрыться.

Даже спиной эта женщина умудрялась выражать негодование, когда широкими шагами удалялась в темноту.

Фицвильям подозвал полицейского в форме, дал ему указания, а сам вернулся к телам. Спустя некоторое время полицейский возвратился и указал на один из высотных домов.

— Его имя в списках жильцов, на стене у лифта. Он на двенадцатом этаже.

Фицвильям поблагодарил его и направился к высоте.

В ответ на звонок дверь приоткрылась. Инспектор увидел перед собой лысину и очки, опущенные на нос.

— Мистер Аннулевич? — Фицвильям поднял свой жетон. — Полиция Лондона. Можно мне войти?

Дверь захлопнулась, забренчала цепочка. Затем дверь распахнулась, и Фицвильям вошел в маленькую гостиную. На диване сидели две женщины. Он догадался, что одна из них была миссис Аннулевич. Другая была мисс Фуч. Он кивнул в знак того, что узнает ее, и представился остальным.

На вопрос Фицвильяма Аннулевич только пожал плечами.

— Не видел его, инспектор. А что он натворил, что за ним ко мне приходит Скотланд-Ярд?

— Это дело полиции, — сейчас Фицвильяму хотелось навсегда сохранить неразгаданной тайну, которая их явно тревожила. — Нам надо поговорить с ним.

Аннулевич повернулся к немке:

— Герт, ты не в курсе, наш старый добрый приятель Лэнг Рейли приезжал в город?

Она покачала головой.

— Ничего о нем не слышала, пока этот джентльмен не заговорил со мной.

— Понятно, — сказал Фицвильям так, как будто ему действительно все было предельно ясно. — А скажите, мисс Фуч, когда вы в последний раз приезжали в Англию?

Она задумчиво наклонила голову.

— Даже не могу вспомнить точно.

— В соответствии с данными иммиграционной службы, это было около десяти лет назад, мисс Фуч. Похоже, вас внезапно одолела ностальгия.

— Да, очень много времени прошло.

— Я даже мысли не допускаю, что вы знаете, что произошло прямо под вашими окнами, вон там, на улице.

— Мы слышали шум и спустились, — сказал Аннулевич. — Как только я увидел, что стряслось такое несчастье, я сразу же поднялся назад, но позвонить не успел: полиция уже приехала.

Фицвильям полез в карман и вынул две визитные карточки.

— Мне не хочется вам больше докучать, тем более вы так давно не видели друг друга. Но если что услышите о мистере Рейли, позвоните мне.

Они дружно закивали, провожая его.

«Удивительно, до чего общительный народ», — горько подумал Фицвильям. В самом деле удивительно, если учесть, что, по данным ЦРУ, эти двое никогда раньше не встречались.

8

Лондон, Саут-Док

Лэнг спустился по ступенькам в метро на станцию «Ламберт Норт», постаравшись не привлекать к себе внимания, и сел на первый же поезд. В вагоне ехало всего несколько пассажиров, возможно, потому, что «час пик» еще не начался. Первые несколько минут он просто куда-то мчался, а потом принялся изучать цветную схему подземки, которая была развешана в каждом вагоне. Сейчас он на коричневой ветке — «Бейкерлу». Через три-четыре остановки будет «Пиккадили-Серкус» — это всего

в нескольких кварталах от того дома, где был убит Майк Дженсон, торговец раритетами и антиквариатом. Когда же это случилось?.. Неужели только вчера?

Лэнг рассудил, что Пиккадили — место не хуже остальных, даже лучше. Можно затеряться в толпе у ресторанов и театров. И может быть — о, только может быть! — ему повезет. Не исключено, что он найдет там свою старую знакомую — Лэнг сильно сомневался, что ее имя значится в служебном файле.

Поезд дернулся и остановился. В вагон вошла парочка подростков. Он с лиловыми волосами и замысловатой татуировкой дракона в вырезе майки, а она — с шипами зеленых волос на голове, которые топорщились вдоль макушки, как костяной гребень на спине у динозавра. Пол ее можно было определить только по груди, выпирающей коричневыми сосками из-под майки, застиранной до состояния паутины. У обоих подростков из разных проколотых частей тела свисали кольца и серьги.

И Лэнг еще считал странной девчушку из «Галереи Энсли»!

На него не обратили ни малейшего внимания. Они сели в другом конце вагона, увлеченные только друг другом. Как они ухитрились заниматься тем, что в бульварных газетах называют интимными объятиями, и не цепляться при этом своими побрякушками, оставалось загадкой.

Две пассажирки среднего возраста, без обручальных колец, посмотрели на них с любопытством, раздражением и завистью одновременно.

Похоже, дело приближалось к развязке, которую он назвал бы по-латыни *coitus terminus subterra interruptus* — половое сношение, прерванное остановкой вагона, — судя по тому, как тут останавливаются вагоны. А вот перевод средневекового текста, написанного монахом-тамплиером, указывает, что место, которое он разыскивает, должно находиться во Франции, в Лангедоке. Вряд ли случайно «Пегас» завел бизнес в сельской местности Бургундии. «Пегас»...

Что происходит: современная богатейшая корпорация назвалась тем же именем, которое носил символ монастырского ордена, запрещенного семь столетий назад, или возродились сами тамплиеры? Организацию тамплиеров Пьетро описывает словами, которые вполне подошли бы

«Пегасу»: они тоже получают уйму денег от Папы Римского. Неужели секрет двухтысячелетней давности играет настолько важную роль — и во времена Пьетро, и во времена Лэнга? Секрет, чья разгадка заключена в копии с картины не самого знаменитого художника.

От всех этих вопросов у него разболелась голова.

Влюбленные панки за ручку вышли в Вестминстере. Обе старые девы вздохнули с таким облегчением, словно они благодарны судьбе за то, что остались живы после чумовищной эпидемии.

Даже со средневековым текстом, к которому Лэнг постоянно в уме возвращался, он представлял себе ситуацию весьма смутно.

За время службы в управлении он усвоил, как несправедлив старый афоризм «Меньше знаешь — легче дышишь». Классический пример — решение Кеннеди отказаться от поддержки авиации, о котором десант узнал только в тот момент, когда уже высадился в заливе Свиней. Вам никогда не найти ветерана, участника этого провала, который считал бы, что многие знания — многие печали.

В ЦРУ была в ходу такая аббревиатура — ГРНД. Она означала: «Готовься к самой сложной ситуации. Решай в пользу самого желанного результата. Намечай самый вероятный план, чтобы его достичь. Действуй».

Конечно. Нет ничего невозможного для того, кому не придется этого делать.

Лэнг располагал лишь частью необходимой информации. Он знал, что существует организация, возможно, уходящая корнями в глубь веков и, несомненно, располагающая огромной экономической мощью, и эта организация хочет его убить, так же как убила Дженет и Джефа. Желанным результатом было сделать так, чтобы эти сволочи пожалели, что они знают имя Лэнга Рейли: заставить их заплатить астрономический выкуп.

А вот точного плана своих действий Лэнг до сих пор не сформулировал. Пора садиться за «школьную скамью» и начинать заново учиться. Без досконального изучения «Пегаса» ему никогда не добиться успеха. Первое, что нужно узнать, на самом ли деле «Пегас» как-то связан с тамплиерами. Поистине нелегкая задача.

Лэнг никогда не был особенно религиозен, возможно, по той причине, что в детстве каждое воскресное утро его

вытаскивали из кровати и силой отправляли на службу в церковь, длившуюся час или даже больше. Естественно, тогда он был слишком маленьким, чтобы протестовать. Но он не помнил, чтобы хоть когда-нибудь слышал, что Иисус был женат, если не считать того Лобино, о котором доктор Вульф упоминает в своих сносках.

Средневековые монашеские ордена в двадцать первом веке? Чушь собачья! Вот вам ваше просвещение.

Пока вопросов больше, чем ответов. Скажем, такой: откуда они узнали, что Лэнг находится в квартире у Якоба? Лэнг готов был поклясться, что ни с Темпл-Бар, ни с Оксфорда за ним не следили. Но если не следили, то как? Шерлок Холмс сейчас сказал бы что-нибудь вроде: «Если исключить все возможные решения, останутся только невозможные». Невозможно, чтобы кто-то узнал о его отношениях с Якобом из служебных источников. Просто невозможно. Неужели ответ найден?

Поднимаясь на улицу, Лэнг проверил часы. Четверть десятого, значит, в Атланте четверть пятого. Когда он звонил в свой офис из Рима, Сара сослалась на Чена, старого клиента Лэнга, которому приходилось звонить из автомата с нижнего этажа здания. При копах она не могла четко произнести слова «платный телефон», но никакой другой причины вспоминать о клиенте пятилетней давности у нее не было.

Из телефонной кабины, стоявшей на станции, он заказал оплачиваемый вызов — задача попроще, чем разговаривать с телефонисткой по-итальянски. Он предполагал, что его телефон прослушивается, поэтому произнес лишь одну фразу:

— Сара, помнишь мистера Чена? — и повесил трубку.

Если они сумели засечь этот звонок, значит, технологии в самом деле не стоят на месте.

Чтобы оплатить следующий разговор, Лэнг воспользовался кредиткой на имя Шнеллера. К счастью, Герт ее пока не заблокировала. Лишь бы вспомнить номер телефона, расположенного в фойе офисного здания.

— Лэнг!

Голос Сары показался ему ангельским. Он был так счастлив слышать его.

— Это я. У тебя все в порядке?

— Сейчас все хорошо. Я уж думала, этот детектив принесет в офис зубную пасту и поселится у вас в кабинете, столько времени он здесь провел. Вы-то как? Я поняла, что в Лондоне вас обвинили в убийстве, так же как и здесь.

— Как заметил однажды Марк Твен, слухи сильно преувеличены. Послушай, я не могу долго разговаривать. Позвони священнику и попроси его остаться вечером дома. Мне нужно с ним поговорить.

— Вы имеете в виду отца...

— Не надо имен! — Лэнг почти грубо выкрикнул эту фразу. Он представил себе, как «Эшелон» прослушивает их разговор и записывает имена его друзей. Маловероятно, но исключать нельзя.

— Наш разговор передается по спутниковой связи. Это небезопасно.

— Я предупрежу его, — ответила Сара. — И еще, Лэнг... Я знаю, что вы никого не убивали.

У Лэнга перед глазами возникла картина: на улице лежат два мертвых тела. Одно из них прошито его пулями.

— Спасибо, Сара. Пока все.

Лэнг очень понадеялся, что последняя фраза прозвучала убедительно и уверенно.

Глава 4

1

Лондон, Пиккадили
17:40

астворившись в вечерней толпе, Лэнг брел по Пиккадили, останавливаясь у витрин через каждые несколько шагов. Ни одно лицо не отражалось в стекле больше одного раза. Он дважды обогнул квартал между Риджент-стрит и Джермин-стрит, задержался перед статуей Вильгельма Оранского, по-видимому одетого в тогу римского императора. Несмотря на свои проблемы, Лэнг улыбнулся. Король в платьице! Пока в конце девяностых в королевской семье не начались скандалы (принцесса Ди, рыжая Ферджи и все такое), англичане слишком серьезно относились к своей монархии.

Вокруг по-прежнему не было заметно ни одного знакомого лица.

Он взглянул на часы и, внезапно всполошившись, заторопился прочь, как человек, который вспомнил, что жена его ждет к обеду или что они вместе идут в театр. У дома 47 по Джермин-стрит он остановился около ничем не приметной двери. Слева столбиком вытянулись имена и кнопки звонков — рядом с заржавленной решеткой домофона. Лэнг склонился на имена. Ему повезло. Она все еще была здесь.

Нажав кнопку, он услышал женский голос, говоривший на диалекте кокни, но достаточно четко:
— Кто там?

Лэнг наклонился ближе к домофону, не только для того, чтобы его не слышали прохожие, но главным образом стараясь, чтобы обладательница голоса его как можно лучше поняла.

— Передайте Нелли, что ее спрашивает старый друг, который смотрел, но никогда не прикасался.

Домофон выключился.

Нелли О'Дваер, прежде ее звали Нелечка Дворсик, была мадам в одном из эксклюзивных лондонских агентств, предлагавших услуги девушек по вызову, по крайней мере в те годы, когда Лэнг знал ее. Хотя проституция не была легализована, британцы не теряли времени и денег на то, чтобы бороться с бизнесом, который их правительство никогда по-настоящему не запрещало. До тех пор пока девушками Нелли были довольны, она продолжала предоставлять «эскорт»-услуги.

Когда-то у значительного числа эмигрантов, сбежавших из восточно-европейского рабочего рая, первым желанием было заполучить женщину. На втором месте — с большим отрывом — шли виски. Расслабленного и счастливого человека гораздо проще расспрашивать, чем напряженного и обиженного. Когда Лэнга впервые послали в Лондон, ему как мелкой сошке выпал жребий находить для эмигрантов регулярный источник удовлетворения естественных потребностей. Этот пункт был творчески внесен как «представительские расходы» в счета, представленные на рассмотрение Конгресса.

Маловероятно, чтобы такая служба родине была отражена в должностных документах. Если кто-то до них и добрался, вряд ли он нашел там имя Нелли.

Как человек, приученный в прошлом к махинациям марксистско-ленинского государства, Нэлли ожидала, что Лэнг потребует от нее часть товара или хотя бы один раз попробует. Что тут такого, если ты компаньон и засегдатай мамочки из публичного дома? Вместо этого Лэнг поблагодарил Нелли за то, что сама она воспринимала как великодушие, даже если расплачиваться за него пришлось бы ее девочкам.

— Я только смотрю, но не прикасаюсь, — сказал он.

Эта фраза стала шуткой на таком количестве языков, что Лэнг сбился со счета. Скучно экипированные женщины повторяли ее на ломаном английском всякий раз, как он приходил «на свидание», чтобы сделать для управления новое приобретение.

Нелли до сих пор находила, что это ужасно смешно. Ее голос весело и радостно взвизгнул по домофону:

— Лэнг! Ты вернулся к своей Нелли!

Послышалось жужжание, и замок щелкнул. Лэнг открыл дверь, и голос Нелли скомандовал:

— Поднимайся ко мне!

Лэнгу оставалось только надеяться, что Нелли и ее девочки были слишком заняты, чтобы смотреть новости по телевизору. Он поднимался по деревянным ступенькам, пальцы нащупывали пистолет, по-прежнему торчавший за поясом.

Что, если «Пегас» узнал о Якобе из других источников, а не из служебных? Тогда они и о Нелли могут знать. Лэнг обернулся: лестница — единственный путь к отступлению. Как только он войдет в гостиную, даже этот последний путь окажется отрезан.

И тогда, если они уже ждут его...

2

Лондон, Саут-Док

Когда Якоб и Герт выходили из лифта многоэтажного дома, в вечерней темноте кружились синие огни. Не сказав друг другу ни слова, они пробрались через плотный круг людей. Четыре констебля в форме, повернувшись лицом к толпе, удерживали любопытных на расстоянии от двух людей в штатском, которые присели на корточки рядом с двумя телами, лежащими на тротуаре.

Третий записывал в блокнот показания пожилой женщины. Герт прислушалась. «...Какой-то мужчина убежал... слишком темно... я выглянула из окна и сразу позвонила в полицию».

Герт впиалась взглядом в фигуры, распластавшиеся на асфальте. Тот, что поближе, — слишком тучный для Лэнга. Другой лежит вниз лицом. Черт, мерзкий зевака загораживает ей весь вид. Она толкнула его под бок.

— Эй, поаккуратнее... — огрызнулся мужик через плечо. Он обернулся, оценил ее рост и выражение лица и убрался с дороги, не заботясь о том, сколько других зевак придется для этого распахать локтями.

Герт с удивлением ощутила вкус крови. Она не могла понять, как ухитрилась прокусить губу. Посмотреть на убитых ближе у нее не было возможности, потому что в тот момент ее окликнул полицейский. Что делать, придется возвра-

щаться к Якобу домой, чтобы следователь не заметил, как она разбита и огорчена. Теперь она будет мучиться, пока не вернется на улицу и не убедится собственными глазами. Вот гад! Оставить ее, даже не попрощавшись, когда ему так требовалась поддержка. Если там, на земле, лежит он, то поделим ему. Герт на мгновение подняла глаза: нет-нет, она так не думает. *Прошу тебя, пусть это будет не его тело!*

— Это не он, — прозвучал рядом шепот Якоба, и Герт изумилась. Она не осознавала, что всю дорогу он шел следом, продираясь за ее спиной сквозь толпу, как на буксире. — Не он — ни тот, ни другой.

— Как вы можете быть в этом уверены? — тихо спросила она.

— Это парочка приходила ко мне, они искали Лэнга. Представились полицейскими. Похоже, им все-таки удалось догнать его.

У Герт перехватило дыхание.

— Gott sei danke!* — прошептала она.

Она была благодарна, что видела не безжизненные останки Лэнгфорда Рейли, и в то же время потрясена мыслью, что он убил человека. В управлении Лэнг брал уроки по самообороне и даже учился убивать, но он вовсе не был безжалостной и смертоносной натурой. Он рассудительный сукин сын, а не убийца.

— Нам нужно найти его, — сказала она, отворачиваясь от трупов. — Вы знаете, как?

Якоб похлопал себя по карманам, ища трубку, которая осталась дома.

— Боюсь, что нет, — ответил он.

Герт закрыла глаза (что некоторые наблюдатели ошибочно приняли за ужас при виде этого поистине американского уличного насилия). Дьявольщина! Она забыла сигареты в сумке наверху. Только бы добраться до «Мальборо», а уж тогда...

3

Лондон, Пиккадили

Лестница в доме Нелли привела к двери, которая открывалась в помещение, по виду напоминающее холл не-

* Слава Богу! (нем.).

дорогой гостиницы: перед дешевым телевизором в беспорядке стояли стулья разного вида и размера, по всему журнальному столику были разбросаны журналы. Девушки здесь отдыхали, сами клиенты редко заглядывали в эту комнату.

Но будь обстановка даже античной, внимание Лэнга привлекла бы вовсе не она. Здесь, развалясь, сидели совсем юные женщины: большинство подростки, остальные — чуть за двадцать. Глазам представала чуть прикрытая кожа всех оттенков, какие только мир способен породить. На большинстве девушек были надеты короткие пижамы или трусы и лифчики. Некоторые носили более экзотические наряды, например вышитые кимоно или платья-«рубашки» с живыми и яркими африканскими узорами. Товар Нелли отражал всю этническую пестроту Лондона.

Девушки встретили Лэнга скупающим взглядом. Ни от чего так не съеживается самомнение стареющего человека, как от равнодушия целой компании полураздетых женщин.

Из коридора напротив появилась Нелли и прищурилась, глядя на усы и щеки герра Шнеллера. Они осторожно осмотрели друг друга, точно парочка собак, встретившихся на улице. Лэнг был приятно удивлен, что она так же хороша, как и раньше. Иссиня-черные волосы блестят, как вороново крыло, на солнце. Гладкое лицо без единой морщинки, ни следа второго подбородка. Единственное свидетельство возраста — платье до колен вместо мини-юбки, которую, как Лэнг помнил, она всегда носила. Но ноги по-прежнему стройные, ухоженные, никаких следов варикоза. Самая важная часть тела стойко сопротивлялась силе тяготения, как и возрасту.

Лэнг заключил ее в нежные объятия и чмокнул в щеку.

— Ты по-прежнему девочка, Нелли.

Она улыбнулась, обнажив белоснежные зубы.

— Комплимент не только мне, но и моему невероятно дорогому пластическому хирургу.

В ее речи до сих пор слышался легкий балканский акцент. Она задрала голову, немного изогнулась назад и оценивающе оглядела его, как товар за стеклом.

— А ты... ты изменился.

— Не всем удается так стареть, как тебе.

Ее густые роскошные волосы всегда нравились Лэнгу больше всего — по крайней мере из того, что он видел. Она качнула головой, шелковые пряди ласково пощекотали ей плечи.

— Я не о том, миленький.

Лэнг дотронулся до усов и надул щеки.

— Лишь бы ты меня узнала — одна из всех в Лондоне.

Улыбка коснулась кончиков чувственного рта.

— Я думала, ты уже ушел из...

Он выпустил ее и даже сумел оторвать от нее взгляд для того, чтобы проверить: не слышит ли их кто посторонний. Поздновато: если бы «Пегас» его здесь поджидал, он был бы уже мертв. Потому что так увлекся созерцанием, что потерял всякую бдительность. Это была бы казнь через плотскую страсть.

Лэнг притворил дверь в коридор.

— Да, я ушел оттуда. А сейчас скрываюсь от копов.

Она опять открыла в улыбке свои белоснежные зубы.

— От полиции, что ли? Тогда ты пришел по правильно-му адресу.

— Именно эти слова я и надеялся от тебя услышать.

Он еще раз окинул комнату взглядом: знакомых лиц — лиц из прошлого — здесь больше не было. Профессия Нелли свирепо изнашивает людей.

— Я бы хотел остаться на ночь, — сказал Лэнг. — И еще мне нужно позвонить.

Она подняла накрашенные брови.

— Остаться на ночь и звонить подружке? Чем тебя не устраивают мои девочки?

Лэнг застенчиво усмехнулся.

— Нет-нет, мне нужно поговорить с другом в Штатах. На самом деле, он священник.

Нелли захохотала грубым кашляющим смехом.

— Священник? Знаем мы этих священников, что они такое. Неудивительно, что ты никогда не хотел никого из моих девочек.

Нелли произнесла эти слова достаточно громко, чтобы привлечь внимание нескольких молодых женщин, находившихся поблизости. Если бы мысли Лэнга не были бы так поглощены «Пегасом», он бы точно покраснел.

Она взяла Лэнга за руку и повела к дверям, откуда вышла сама. За ними находился длинный проход, напоми-

нающий коридор в гостинице с множеством дверей, только без номеров. Перед одной из них они остановились, и Нелли начала шарить у себя под блузкой. Только Лэнг хотел отпустить вольный комментарий, как она выудила ключ и отперла дверь.

— Комната Сью Ли, — объяснила она. — Она уехала на побережье Испании с клиентом.

Нелли поморщилась от тошнотворного запаха, который Лэнг не смог определить.

— Готовили что-то прямо здесь. Вьетнамское или японское, что-то такое. Ничего, к запаху привыкнешь.

Она пригласила его внутрь.

— Ты уверен, что тебе не нужна компания, малыш?

Комната выглядела как обычная девичья спальня в общежитии. В стену был встроен туалетный столик с освещенным зеркалом. Простой деревянный стул, металлическая тумбочка с выдвижными ящиками, односпальная кровать. Не в таком месте Лэнг представлял себе дорогую проститутку, отдыхающую после работы.

Нелли уловила его удивленный взгляд.

— Девочки не принимают гостей в своих комнатах. Полицейские сразу вычислят. Они пользуются номерами гостиниц или собственными квартирами. — Она указала на дверь на противоположной стороне комнаты. — Это туалет, один на две комнаты, послеживай за ним, если не хочешь сюрпризов. Вот телефон, звони на здоровье.

— Спасибо.

Она подошла к двери и остановилась.

— Ты уверен, что ничего не хочешь?

Лэнг улыбнулся.

— Спасибо, но нет, не хочу.

Она посмотрела на него так, будто видела в первый раз.

— Готова поспорить, что, убегая от закона, ты ничего не ел. У некоторых девушек всегда найдется рыба с картошкой, что-нибудь китайское, готовое, из магазина. Я попрошу у них еды для тебя.

Напоминание о еде заставило его вспомнить, что он не ел... со вчерашнего вечера, когда Рашель приготовила свое немыслимое индийское блюдо. Должно быть, он полностью выздоровел, потому что был настолько голоден, что рискнул бы опять его съесть, если бы дотянулся. К счастью, это было невозможно.

— Ты меня уломала, — проговорил он. — Порадуй меня.

Наконец, оставшись один, Лэнг добрался до телефона — вычурного позолоченного аппарата, сделанного под старину. Он набрал международный номер, код Атланты и затем номер абонента. Никогда прежде Лэнг не обращал внимания на то, что компьютер службы информации говорит с американским акцентом.

В эфире раздался легкий треск, шум, и послышался голос, произносивший слова так отчетливо, словно из соседней комнаты, а не из-за океана.

— Лэнг, это ты?

— Это я, Фрэнсис, твой любимый еретик.

Через океан донесся смешок.

— Рад слышать тебя, хотя в местных газетенках о тебе пишут довольно тревожные вещи.

Лэнг порадовался тому, что телефонный шнур достает до кровати. Он лег и вытянулся. Ничего, это не долго.

— *Fama volat**, Фрэнсис, слухи распространяются мгновенно. Тем более ты же знаешь этих журналистов: на первой полосе они обвиняют, а где-нибудь в некрологе оправдывают.

— Возможно, — в голосе священника прозвучала явная унылая нотка, — навешивать обвинения они любят.

— Что кровит, то и идет в заголовок. Надо же поднять рейтинг новостей, чтобы покупали место для рекламы.

— Как бы там ни было, я не думаю, что ты велел своей секретарше разыскать меня, а теперь звонишь только для того, чтобы рассказать, что ты ни в чем не виноват.

Лэнг глубоко вздохнул.

— Ты, как всегда, прав.

— Ты осознал, что ступил на дорогу, ведущую в ад, и хочешь покаяться?

Лэнг хихикнул, несмотря на усталость, которая начала туманом окутывать голову.

— Тебе земной жизни не хватит, чтобы выслушать все мои грехи.

— Значит, тебе понадобилось мое искусство пастыря и блестящий интеллект.

---

* Молва летает (лат.).

— Ничего себе! Хорошенькое смирение! Фрэнсис, я должен рассказать тебе одну важную вещь. Выслушай меня. Слушай внимательно, потом придется отвечать на вопросы.

Лэнгу потребовалось не меньше двадцати минут, чтобы все объяснить. Он только один раз прервался ненадолго, чтобы поблагодарить молодую девушку, которая принесла ему порцию риса с отбивными котлетами.

Лэнг одновременно закончил есть и дорассказал свою историю.

— Тамплиеры? — спросил Фрэнсис скептически. — Получают из Ватикана свыше миллиарда долларов в год?

Лэнг облизывал пальцы — не столько от жадности, сколько пытаясь стереть с них жир.

— Откуда тебе об этом знать?

— О деньгах из Ватикана? Да уж, такими вещами со скромными приходскими священниками делиться не будут. Вообще я знаю немного о тамплиерах и об этой области во Франции...

— О Лангедоке.

— Ну да, о Лангедоке, о замке Бланшфор, который упоминает монах Пьетро. Некоторые считают, что где-то в тех местах спрятан Священный Грааль.

— Священный Грааль? Чаша, из которой Христос пил на Тайной вечере?

— У Рихарда Вагнера и у Спилберга это именно чаша. Ты же помнишь оперы Вагнера и фильм «Индиана Джонс»? И в легендах о короле Артуре это тоже чаша. Однако Святой Грааль мог быть чем угодно. Более древние легенды описывают его как камень, обладающий чудесной силой, а некоторые исследователи считают, что это — ковчег Завета*, который исчез из Иерусалима за тысячу лет до Христа. Гитлер думал, что Святой Грааль — это пика Лонгинуса, копьё, которым был пронзен Иисус Христос на кресте. Так что вполне можно допустить, что в гностическом тексте, который прочел твой друг Пьетро, он оказался «сосудом».

— Но ты же не думаешь, что этот предмет на самом деле существует? — спросил Лэнг.

---

* Ковчег Завета — в Иерусалимском храме поставец, в котором хранились скрижали Завета.

Фрэнсис только вошел во вкус. Он всегда приберегал свои лучшие аргументы напоследок.

— Я не знаю мнения Церкви, полагаю, они к этой теме уже несколько веков не обращались. На мой взгляд, он мог существовать, почему нет? Однако мне досконально известно, что в тех местах, о которых идет речь, жил один приходской священник. В маленьком городке... Ренн-ле-Шато, кажется. Я твердо помню, что человека этого звали Соньер и жил он в середине-конце девятнадцатого века.

— Ты помнишь точно, как катехизис? Меня просто поражает твоя способность воскрешать все это в памяти, как и всякие свои мумбо-юмбо, которые ты обязан зубрить.

— Последнее замечание я пропущу мимо ушей, но, для того чтобы успокоить твою языческую душу, скажу, что действительно наведывался в эти края два года назад, когда ездил во Францию на Международный христианский собор. Потом я путешествовал пару дней, пока не удалось достать дешевый билет на самолет домой. Соньер у них — почти туристическая достопримечательность. Если будешь вести себя тихо, объясню почему.

— Молчу-молчу!

— Этот Соньер был бедным священником в бедном приходе. Ему приходилось выполнять некоторые реставрационные работы в церкви, которую он сам и построил, потому что нанять работников он себе не мог позволить. И вот однажды каким-то образом слетела часть алтаря. Внутри лежала связка старых листов пергамента. Он пришел в страшное возбуждение, показал их всем вокруг, но никому не позволил прочесть. Хотя никто из местных прочесть и не сумел бы. Они были написаны на латыни или на древнееврейском или еще каком-то. Может быть, это тот самый гностический текст, о котором упоминает тамплиер.

Почти сразу в маленьком приходе появились средства на починку церкви, на дом для гостей, вроде гостиницы, а на это денег требовалось больше, чем их было в целом Лангедоке. Туда нескончаемой вереницей потянулись кардиналы. А ведь речь идет о настоящей дыре, кардиналы за целый год могли ни разу не услышать этого названия. Жизнь самого Соньера тоже вырвалась из нужды со скоростью ракеты: новое облачение, экономка, винный погреб — таким имуществом мог бы владеть настоящий князь Церкви!

— Как и маленькими мальчики или любовницами, — не удержался Лэнг: уж слишком легко было уязвить Фрэнсиса грешками Церкви.

— Еще одна пошлость, и я брошу трубку. Итак, Соньер никогда не раскрывал секрета своего внезапного обогащения. Он погиб при загадочных обстоятельствах вместе со своей эконожкой.

— Постой, не говори, — прервал его Лэнг, — дай я попробую угадать: он умер в результате несчастного случая, связанного с огнем.

Ему показалось, что Фрэнсис озадачен.

— На самом деле он утонул, когда его маленькая лодка перевернулась. Никто так и не узнал, что он делал на середине реки. Зачем его туда понесло.

— Пьетро упоминал о четырех стихиях — огне, воде, ветре и земле. Продолжай.

— Местные жители допускают, что в листах пергамента была сокрыта в некотором роде карта сокровищ, но их так никто и не нашел. После его смерти ни денег, ни церковных владык в тех краях больше не видели.

Лэнг потянулся, борясь с желанием заснуть.

— Значит, человеку повезло, нашел клад или алтарь, полный выигрышных лотерейных билетов. Какое отношение все это имеет к тамплиерам?

Лэнг явственно различил едва слышный хриплый смешок Фрэнсиса.

— Ну ты и маловер! История имеет продолжение. В шестидесятые годы — имеется в виду в шестидесятые годы девятнадцатого века — кто-то опубликовал книгу, где написал, что Соньер нашел клад, принадлежавший тамплиерам. Они когда-то жили в этом районе Лангедока в том самом замке, который описывает Пьетро. Соньер мог найти часть безмерных сокровищ, брошенных этими белыми ребятами, когда они ударились в бег.

— Сокровища? Клад? — спросил Лэнг. — Пока я не прочитал оксфордского перевода, я всегда считал, что тамплиеры были монастырским орденом, а значит, принимали обет бедности, целомудрия и всяких других неприятных вещей.

— Так и было, по крайней мере, первоначально. Они пришли на Святую землю, чтобы защищать паломников от мусульман, совершали Крестовые походы. Если не

ошибаюсь, орден образовался в начале одиннадцатого века. Так же как и другие монахи, они владели практически нищенское существование. Но все изменилось в течение последующих двух столетий. Орден получил огромное богатство, но никому не известно, откуда оно взялось.

Некоторые европейские короли начали с тревогой замечать, что воюющие монахи владеют замками, землями и даже собственными кораблями. К тому времени, как последняя защита Палестины пала и тамплиеры вернулись в Европу, они представляли собой уже почти целое государство. Многие правители — Филипп Французский, Папа Римский — были несколько напуганы и испытывали зависть.

В 1307 году Филипп велел своим слугам захватить замки тамплиеров во Франции и бросить рыцарей за решетку. Папа, Климент V, знал, с какого края хлеб едят. Филипп был самым сильным монахом в Европе, и Климент хотел быть уверен, что он по-прежнему остается его правой рукой. Поэтому он издал буллу, которой, на основании сфабрикованных обвинений, запретил орден тамплиеров.

Большинство других королей и императоров всем сердцем желали этой тяжбы, потому что земли ордена могли отойти к ним. Братьев схватили и пытали, пока они не признались во всех грехах, начиная от гомосексуализма и заканчивая богохульством. Естественно, пойманных сожгли на костре, по крайней мере во Франции. Эдуард Английский и Генрих Германский не пытали своих заключенных, да и владения тамплиеров в их странах не были столь обширными, как во Франции.

Некоторым из братьев удалось избежать такой участи. Они скрылись, видимо, были предупреждены. Кстати, ни их флот, ни их сокровища так и не найдены.

Лэнг на секунду задумался.

— И люди считают, что они зарыли сокровища где-то в Лангедоке?

— Люди, которые действительно что-то знали, давно ушли. Одни считают, что бежавшие тамплиеры спрятали их в Шотландии, а шотландский король Роберт Брюс к тому времени был уже отлучен от Церкви и поэтому находился не в самых лучших отношениях с Климентом. Другие думают, что они забрали свои сокровища и отплыли

на остров, который сейчас называется Новая Шотландия*. И даже есть люди, которые вообще не верят, что существовали какие-то сокровища.

— А что думаешь ты?

Было слышно, как на том конце провода Фрэнсис вздохнул.

— В действительности, у меня никогда не было собственного мнения на этот счет. По мне, тамплиеры — интересный кусочек истории, но не более того. А что касается их сокровищ, уж лучше потратить время и деньги на карту Лонг-Айленда, где, по преданию, капитан Кидд зарыл клад.

— Капитан Кидд больше не убивает людей.

— Да и тамплиеры тоже вроде как покойники, хотя предполагается, что масоны и розенкрейцеры с ними в некотором родстве. Похоже, и у тех и у других есть секреты, которые не должны быть разглашены под страхом смертной казни их членов.

Лэнг насмешливо фыркнул:

— Не думаю, что за мной гоняются мужики в забавных шляпах или психи, глотающие антидепрессанты, и я никогда не читал, чтобы в масонском храме людям перерезали глотки. А вот ребята из «Пегаса», похоже, шутить не собираются. У них есть вещи, за которые они готовы убить. Держу пари, что тут замешаны деньги из Ватикана. И, возможно, с этим как-то связана та область во Франции, где тот священник...

— Соньер.

— Да, где Соньер вытянул свой счастливый билетик.

— Может быть, — согласился Фрэнсис. — А как же картина с пастухами? Получается, что дело происходит в Аркадии, то есть в Греции, а не во Франции. — Он помолчал. — Правда, в те времена Аркадия использовалась в поэзии как синоним любого места, где царит пасторальное благолепие и мир. Это вполне может быть метафора, а не географический факт.

Из деятельности разведчика Лэнг знал, что только в книжках все части головоломки идеально подходят друг к другу. В жизни почти всегда остается какая-то частица информации, которая никак не желает подлаживаться

---

* Имеется в виду полуостров Новая Шотландия на юго-востоке Канады.

к общей картине, а то и вовсе бесполезна. А что здесь? Пуссен словно натянул какую-то веревку, чтобы об нее спотыкался каждый человек, желающий разгадать секрет, который защищает «Пегас».

— Да, всякое может быть, — согласился Лэнг. — Но тамплиер Пьетро и твой сегодняшний рассказ дружно указывают мне на Лангедок. Я точно не понимаю, как с ним увязать картину, но какая-то взаимосвязь тут должна быть. Иначе зачем «Пегасу» убивать, охранять от всех людей какой-то поганный секрет, что бы он ни означал.

Фрэнсис одобрительно хмыкнул:

— Да, но что это за связь?

— Подумай, может быть, это имеет какое-то отношение к ереси гностиков, которые говорили, что Иосиф Аримафейский был братом Христа, а Мария Магдалина — его женой?

— Здесь встают два вопроса, — сказал Фрэнсис. — Первый: священные тексты, по крайней мере те, что Церковь признает как Евангелия, умалчивают о братьях и сестрах Иисуса. Поскольку евреи библейских времен обычно имели огромные семьи, то скорее вероятно, чем нет, что у него были и братья, и сестры. Насчет жены спекуляций всегда хватало. Еврейский закон обязывает молодых людей, а тем более раввина, которым должен был быть Иисус, жениться. Некоторые исследователи полагают, что бракосочетание в Кане Галилейской, во время которого Он обратил воду в вино, было его собственным. Проблема заключается в том, что если существовали братья, сестры и супруга, то всплывают сложные и беспокоящие вопросы о прямых потомках — вопросы, с которыми Церковь предпочла бы не связываться. Профессор Вульф, переводчик, справедливо упоминает династию Меровингов, которая правила в той области Франции два века после падения Рима. Они претендовали на свое происхождение от Христа, и папству стоило немалых усилий потом это опровергнуть.

Гностики — это были еретики, которые верили, что Господь создал Христа смертным и что после Его смерти вознеслась на небеса Его душа, а не тело. Вопреки еврейскому мессианскому пророчеству. Если не было физического воскресения, значит, не было Мессии. Точка зрения гностиков была отвергнута Собором в Никее вместе с Евангелием, которое ее излагало, и с тех пор объявлена ересью.

Лэнг кивнул священнику, находившемуся по другую сторону океана. Борясь с усталостью, он вслушивался в его слова. Челюсти свело от могучего зевка.

— Интересная история, и все же я не пойму, как она связана с изображением на картине. Да и связана ли хоть как-то? Кажется, «Пегас» считает, что связана. Я намерен разгадать секрет этой картины или по крайней мере выяснить, какую тайну «Пегас» пытается уберечь. Единственный способ расплатиться с ними за все их художества.

Раздался глубокий вздох, полный осуждения.

— Лэнг, мстью ты можешь навредить самому себе. Предоставь во всем разбираться полиции.

— Фрэнсис, ты словно спишь, — отозвался Лэнг. — У парижской полиции нет никаких зацепок. Я хочу добиться результатов, зачем мне замороженное дело об убийстве? Похоже, ты забыл, что эти люди из «Пегаса» пытались прикончить меня в Атланте, и я уверен на сто процентов, что сегодня вечером они разыскали меня не для того, чтобы по-дружески поболтать. И давай не будем забывать, что они вознамерились повесить на меня два убийства. Я бы сказал, я их должник навеки.

— Знаешь, тебе следует сдать власть, пока еще кто-нибудь не погиб. Бог тебе поможет.

— Падре! Как говорит молва, он помогает тем, кто сам себе помогает.

— А ты послушай меня как друга, а не как падре.

— Слушаю тебя, развесив уши.

— *Illigiti mi non carborundum.*

— Фрэнсис, чем вспоминать латынь, сказал бы лучше по-простому: «Не позволяй этим подонкам себя унижать».

— Тогда береги свою задницу.

Несмотря на свои проблемы, Лэнг, вешая трубку, скалил зубы. Он практически засыпал на ходу, но все же нашел в себе силы вынуть фотографию картины из бумажника. Она уже вся помялась, но фигуры по-прежнему так же загадочны, и надпись тоже.

Он снова зевнул и с сомнением прикинул, когда же ему теперь удастся заснуть в своей собственной постели. И в этот миг воспоминания о доме породили на первый взгляд ничем не связанную с ними мысль.

Ему захотелось сесть на балконе с чашечкой утреннего кофе и, поглядывая на город, читать газету. Кстати, о газете...

Как правило, Лэнг разгадывал головоломку на последней странице, где были перемешаны буквы. Если ее решить, получится известная фраза. Что, если латинская надпись была, как та головоломка — анаграммой, словом, куда добавлены вроде бы лишние буквы, а на самом деле в этих буквах заключено сообщение?

ETINARCADIAEGOSUM.

ET IN ARCADIA EGO (SUM).

Измученное тело и разум сопротивлялись, но Лэнг уселся на кровати и тщательно обыскал карманы штанов, пока не нашел квитанцию из универмага «Харродз». В ходе дальнейших поисков на туалетном столике был откопан обломок карандаша для бровей. На обороте бумажки Лэнг стал писать буквы, меняя их местами. Он начал с той буквы, к которой прикоснулся пальцем пастух на картине, поэтому каждый вариант начинался с «А».

Спустя двадцать минут Лэнг устался на буквы, которые написал, напрочь позабыв о сне. Да правильно ли он понимает то, что вышло? Он неплохо изучил латынь для того, чтобы прихвастнуть знанием афоризмов, но сейчас ему надо убедиться, что он не ошибается.

Он так быстро распахнул дверь, что испугал молодую девушку в огненно-красном плюшевом халатике, идущую по коридору.

— Где мне найти Нелли? — спросил он так, словно целый мир зависел от ответа.

Обернувшись с апломбом, которого требовала ее профессия, она показала рукой и произнесла с акцентом, происхождения которого Лэнг не смог определить:

— В кабинете, в конце коридора.

Лицо Нелли выглядело бледным и нездоровым при свете монитора, светившего голубым сиянием в нескольких сантиметрах от ее глаз. Даже в древнейшую профессию пришли новые технологии.

Она повернулась, скрипнули колесики кресла.

— Ага, передумал... Черт побери! У тебя такой вид, как будто ты увидел привидение.

Лэнг подумал, уж не туалетом ли была раньше эта комната. Места для двоих в ней не хватало, поэтому он остался стоять в дверях.

— В некотором роде так оно и было. У меня одна странная просьба.

Она криво усмехнулась и кивнула с заговорщицким видом.

— Странные просьбы — часть нашего ремесла, мильенький. Чего тебе хочется: кожа, цепи?

— Еще необычнее: мне нужен латино-английский словарь. Где его можно раздобыть вечером?

Нелли была шокирована — наверное, впервые за всю свою карьеру.

— Латинский? Мне прямо сейчас бежать в университет? — она немного подумала. — Здесь внизу есть книжный университетский магазин, хотя в такой час он вряд ли открыт.

Лэнг был слишком взбудоражен, чтобы ждать. Если он оказался прав...

— Я пойду посмотрю. Не отдавай никому мою комнату. Она удержала его за руку.

— Не суетись, малыш. Я посылаю девочку к клиенту в Блумсбери. Она быстро обернется, а потом забежит на Музейную улицу. Тебе нет нужды рисковать.

Музейная улица представляла собой сборище кафе и магазинчиков, торгующих старыми книгами и гравюрами. Многие из лавок предлагали самый разношерстный печатный товар.

— Спасибо.

Через полтора часа, держа в руках потрепанный латино-английский словарь, потрясенный Лэнг осознал, что был прав. Картина больше не таила в себе загадок, хотя для того, чтобы поверить в ее послание, Лэнгу требовалось прыгнуть выше собственной головы. А чертов «Пегас» верил! Вот почему его хотели убить.

Повесть Пьетро и таинственная надпись говорили одно и то же, как бы невероятно это ни казалось. И сейчас Лэнгу требовалось, ускользнув от полиции и горстки отвратительных людей, найти одно необыкновенное место и проверить историю, которую написал монах, умерший семьсот лет назад.

Ему предстояло отправиться во Францию.

Тамплиеры

Гибель ордена

Перевод со средневековой латыни
на современный английский язык
Найджела Вульфа

5

Так пролетали дни один за другим. Как подручный келаря я помогал ему решать задачи на счетах и учитывать запасы продовольствия, произведенного крепостными тамплиеров¹. Всякий раз, как выдавалась возможность, я увиливал от трудов и пробирался в библиотеку, чтобы больше узнать о гностиках и их пагубном отступничестве в документах столь мерзких, что один из них в конце концов укрывал в тайнике в пустой колонне. О его существовании знали лишь несколько братьев. Как бы я желал не быть одним из них! Непочтительность, проявленная к Святому Евангелию, не отвратила меня настолько, чтобы я не испытывал любопытства к сосуду, упомянутому в этом древнем свитке. И еще я любопытствовал, почему святейший престол посылает то, что так похоже на дань, одинокому храму, чья единственная служба состоит в охране Серр и Ренн — двух дерзущек, которым не угрожает никакая опасность.

Так и искушали меня документы гностиков, как змий искушал Еву, побуждали искать знания, которым лучше было бы оставаться во мраке безвестности.

Один грех порождает другой, и я начал путешествовать. Я уходил на дальние расстояния от храма, странствия уводили меня даже за пределы его земельных владений, вдоль реки Салс, меж холмов и гор, к белой горе под названием Кардо. Я избрал этот путь, потому что он больше всего походил на тот, который упоминали еретики в своих описаниях, рассказывая о древней Римской дороге, по которой ехали Иосиф Аримафейский и Мария Магдалина². Нарушение долга перед братством и Богом я сочетал с постыдной ложью старшим, уверяя, что не захожу за границы храмовых владений, грех тем более тяжкий, что искал я запрещенных знаний.

Спросить дорогу у крепостных я не мог, потому что они разговаривали на языке, которого я не понимал. Но, даже владея они

¹ См. примечания Найджела Вульфа на с. 212 — 213.

франкским или латынью, совершенно невероятно, чтобы они смогли ответить на вопросы, которые меня занимали. Они были покрыты грязью, в которой жили, воняли потом и собственными экскрементами, и мне трудно было вспомнить, что они тоже дети Вожин. А еще неприятнее было осознавать, что и сам я того же роду-племени. Чистая одежда, мясо каждый день и свежая постель породили во мне грех гордыни, который присосался к моей душе, как минога к злополучной рыбе.

Стоял октябрьский день, когда я возвращался из одного из своих путешествий. Дорога была пыльная, так как зимние дожди еще не начались. Фруктовые сады пылали спелыми плодами и осенней листвой, а виноградные лозы, голые и подрезанные, туго переплелись сухими ветвями. Холодный ветер подул с запада, предвещая первый снег, который я уже мог видеть на вершине гор под названием Пиренеи: там заканчивался Лангедок и начиналась Каталония. Тогда я еще удивлялся, почему рыцари не освободят земли по ту сторону гор от дьячков³.

На склоне Кардо я остановился ненадолго, чтобы возблагодарить Господа за красоту и подивиться на величественное зрелище, созданное на шестой день творения. Едва я успел произнести «Аминь», как мимо моих ног прошмыгнул заяц, большой и жирный, несомненно, после целого лета пиршеств в монастырских огородах. Он остановился неподалеку и посмотрел на меня дерзким взглядом.

Этот зверь выбил у меня из головы все мысли о Нем, сотворившем нас обоих. Вместо этого мне вспомнились летние месяцы, пролетевшие без ароматной зайчатины. Я поднял свою дубину и двинулся вперед.

Шагнув в дикий ягодный куст, я не ощутил под ногой опоры. Ступня провалилась в пустоту, и я полетел вперед. Поднявшись и нащупывая оброненную дубину, я заметил, что кустарник скрывает отверстие в земле — много больше той ямы, чем та, в которую утонула моя нога.

Это была не просто нора животного, а пещера или шахта, выдолбленная в камне — белом, точно снег на горных вершинах. Отверстие было столь хитро спрятано, что, не упави я, прошел бы мимо, не заметив. Прямо с того места, где я стоял, на стене были видны отметины, оставленные каменотесом, а значит, то была не расщелина, не разлом в скале, а ход, сделанный рукой человека.

Если бы я не входил внутрь и не искал объяснения своему открытию, я бы с миром встретил уготованную мне судьбу. Но, видно, сам сатана распалял любопытство, которое толкнуло меня вперед.

Луч дневного света, падая снаружи, освещал резко расходящиеся стены какого-то помещения, наверное пещеры. Темнота не по-

звояла определить мне точных размеров, но я мог стоять, выпрямившись в полный рост, и протянуть руки, не упираясь ни в стены, ни в потолок.

В полумраке я различил какой-то предмет на неровном полу, каменную глыбу примерно с книгу величиной⁴. На этом камне были высечены буквы, которые я едва мог разглядеть. По виду они напоминали еврейские письмена. Может быть, латинские. Я ощупал их пальцами, так как не хватало света, чтобы увидеть их ясно.

Был ли это тот сосуд, о котором говорилось в гностических ересах? На ощупь камень напоминал белый камень Лангедока, из чего я сделал вывод, что он был вырезан из скалы в том месте, где я и нашел его⁵, и это более правдоподобно, чем вести столь тяжелый предмет со Святой земли. Однако, не прочтя надписей, я не мог узнать точно, и душа моя исполнилась вожеления к познанию, вожеления более острого, чем когда-либо мое чрево испытывало к пище.

Я бежал так, словно сам нечистый гнался за мной, да, похоже, так оно и было. Проскочил под решеткой, едва поклонившись охраняющим вход. Бегом, не задумываясь о бесчестии, к которому вело подобное поведение⁶, я промчался по монастырю, что привлекло всеобщее внимание. Столь велика была моя поспешность, что я даже не следовал под арками вдоль стен, проявляя тем самым смирение, а несясь прямо посреди широкой дорожки, не заботясь о братьях, которые были вынуждены уступать мне дорогу. Ворвавшись внутрь, я подавил в себе желание схватить первую попавшуюся свечу, заскочил к себе в келью и там нашел одну. Затем остановился в часовне, чтобы зажечь ее от свечек, которые всегда там горели, и перед уходом едва преклонил колени.

В пещеру я возвращался более размеренным шагом, ведь если бы случайное дуновение ветра загасило свечу, пришлось бы возвращаться обратно, чтобы зажечь ее заново.

В пещере я опустился на колени перед камнем и приблизил свечу. Надпись была сделана на латинском языке — столь архаичном, что я едва сумел разобрать смысл слов. Буквы были повреждены, камень уже начал крошиться.

Когда я догадался, что здесь написано, словно холодная рука сатаны сжала мое сердце, меня накрывала тьма, и я повалился без чувств. Не знаю, сколько времени я находился без сознания, но когда очнулся, то пожалел об этом. Судя по надписи, под камнем хранилось то, о чем я и сейчас не осмеливаюсь упомянуть. Огня, которому меня предадут, будет недостаточно, чтобы очистить душу после того проклятия, которое было выравнено на камне.

Я обезумел, не зная, что делать. Должно быть, мной овладели демоны, ведь первое, что я сделал дальше, — это попытался сдвинуть каменную глыбу. Господь милостив, и сделать это мне оказалось не по силам. А если бы удалось, то меня точно постигла бы участь Лотовой жены, ведь тогда главам моим предстало бы зрелище более противное Богу, чем гибель Содома. Следующей моей мыслью было поделиться своей находкой с тем, кто гораздо мудрее и набожнее меня и, разумеется, объяснит мне, что я нашел. Теперь я понимаю, что именно так сатана заставил Еву разделить грех с Лавом, распространяя вокруг себя болезнь греховного знания, словно чуму⁷.

Я знал, что разум мой мне уже не принадлежит, ибо забыл в пещере свечу — неслепый, но меньший грех по сравнению с любопытством, внушенным моей душе дьяволом.

Приближаясь к храму, я увидел поток всадников. Большинство были рыцари в полном боевом облачении. Среди них я узнал Гильома де Пуатье, Тартуса Германца и других, самых искушенных в военном искусстве тамплиеров. С собой они вели ослов, нагруженных, точно для дальнего путешествия. Прежде чем я добрался до стен храма, они успели уехать, оставив после себя удушающее облако пыли.

С изумлением я увидел, что решетка поднята и никто вход не охраняет, словно вся братия по сигналу Священного престола поскакала на врага.

Внутри стен все было в беспорядке. Свиньи и быки бродили по монастырскому саду, гуси и куры хлопали крыльями, разлетаясь из-под ног. Я не мог найти Филиппа и предположил, что он уехал со своим господином. Келарь находился в хранилище около трапезной. Он стоял в раздумьях над провизией, разбросанной по полу. Вокруг валялись разбитые винные бочонки, повсюду царил хаос поспешного отъезда.

Келарь был старый человек и с любовью следил за порядком в вверенном ему хозяйстве. Голос его дрожал, словно разбитый горем.

— Они уехали, — произнес он, прежде чем я успел спросить. — Прискакал всадник из Парижа, от самого брата де Моле⁸. Всем остальным братьям приказано собрать святые реликвии, опустошить сокровищницу и запасти провизию на семь дней. Для какой цели, мне неизвестно.

Все это было чрезвычайно странно. Если бы рыцари отправились на войну, они бы, конечно, не вели собирать реликвии и сокровища, подвергая их опасности сражений.

Но я был весь переполнен впечатлением от своего страшного открытия и не придавал особой важности странному распоряжению

магистра, а только раздумывал, кому же мне теперь довериться. И только после вечерни мудрость нашего магистра проявила себя в полной мере.

Мы собрались в доме капитула⁹, рассевшись по каменным скамьям вдоль стен и обсуждая те немногие дела, которые остались после отъезда большей части братии. У меня с собой были чернила, перо и бумага, потому что после собрания — хотя воистину ум мой был убит страшным открытием — мне хотелось сложить пару чисел. Я не знал, кому довериться и есть ли вообще такой человек.

Первая глава правил ордена была прочитана, когда дверь с грохотом распахнулась. На пороге стоял представитель короля, бальи из Серр и Ренн. За его спиной теснилась толпа вооруженных людей.

— Приветствую тебя, добрый брат, — произнес келарь.

— Я тебе не брат, — ответил бальи.

Я не знал его имени, но видел раньше в храме. Маленькие поросышки глазки пристально глядели с толстого лица, словно он был купцом, предлагавшим цену за рулон ткани.

— Что означает это вторжение? — осведомился келарь.

Бальи сделал знак, и его люди заполнили помещение, перекрыв выход на улицу, хотя в действительности в той комнате, о которой я пишу, имелся единственный выход в чулан с припасами, за которым мне велено было присматривать.

— Именем Филиппа, Божией милостью короля Франции, я приказываю вам встать, ибо вы — все до единого — находитесь под стражей, а все ваше имущество должно быть изъято.

Поднялся ропот протеста, а келарь сказал:

— Этого не может быть, ибо мы — часть Церкви и не подчиняемся законам слуги Божиего Филиппа.

Бальи это несколько не смутило. Он разразился смехом, похожим на собачий лай, и стал зачитывать документ, скрепленный королевской печатью.

— Вы обвиняетесь вашим королем в таких преступлениях, как идолопоклонство, богохульство, в таких гнусностях, как любовь друг к другу, целование друг друга в ягодицы и другие тайные места, в том, что вы сжигали тела покойных братьев, чтобы потом подмешивать пепел в еду младших братьев, в том, что зажаривали младенцев и намазывали идолов жиром, взятым отсюда, в совершении тайных обрядов и мистерий с участием невинных нежных дев и еще во множестве мерзостей, слишком чудовищных и нелепых, чтобы произносить их вслух¹⁰. Посему по решению духовного суда вы лишаетесь всех своих прав.

— Вы ответите перед Его Святейшеством, — сказал кто-то.

— Его Святейшество выполняет приказ короля Филиппа, — последовал ответ бальи.

Тут нас всех грубо вытолкали и выволокли вон, посадили в повозки, запряженные ослиами, и повезли прочь от храма по ночной дороге, освещенной ущербной луной. Но даже ее скудный свет не проникал в темноту, поглотившую мою душу, ибо обвинения, выдвинутые против нас, были столь далеки от правды, что, несомненно, их породило лжесвидетельство. Лишь одно меня утешало: многих братьев успели предупредить сегодня днем, и я стал свидетелем их побега.

А еще я размышлял, нашли люди короля тот документ или он так и остался лежать в своем потайном месте? Одно обладание подобной рукописью — приговор для всех нас.

Я не знал, куда нас всех везут, но ни на что не надеялся. Я прекрасно представлял, как обращаются с ведьмами, колдунами и безбожниками. Однако самой тяжелой ношей было приобретенное в пещере пагубное знание, которого не искупить. В душе я был более страшным еретиком, чем меня обвиняли.

Примечания Найджела Вульфа

¹ За более чем двухсотлетний период своего существования тамплиеры обзавелись обширными имениями, по большей части с крепостными. Каждый такой храм становился феодальным землевладельцем.

² Это ответвление древней римской дороги действительно существует, хотя оно и не приспособлено для автомобилей. Первая попытка точного геодезического осмотра Франции (предпринята отцом и сыном Жаком и Сезаром-Франсуа Кассини в 1733–1789 годах) показала, что данная дорога — главный подход к этой области.

³ Часть Испании была оккупирована маврами (берберами) до 1492 года, хотя во времена Пьетро под владычеством мусульман находилась Андалусия, а не Каталония.

⁴ У манускриптов, которые монахи переписывали вручную, не было стандартного размера. Однако вполне допустимо предположить, что в среднем размер был приблизительно 60 на 40 см и, наверное, 30 см в толщину.

⁵ Автор употребляет слово *in situ*, означающее первоначальное или природное местоположение. Поскольку вырезанную каменную глыбу едва ли можно назвать «природной» или «первоначальной», переводчик позволил себе вольный перевод.

⁶ В устав средневековых монашеских орденов часто были включены правила, запрещавшие бег, торопливость и другие проявления спешки, что противоречило атмосфере раздумий и созерцательности, царящей в монастыре. Существовали ли подобные запреты в ордене Храма, неизвестно. Возможно, Пьетро вспоминает о своем старом монастыре.

⁷ «Черная смерть», бубонная чума, — эпидемия, выкосившая почти треть Европы, начнется только через пятьдесят лет. Во времена Пьетро были известны местные вспышки этой болезни.

⁸ Жак де Моле, магистр ордена в 1293–1314 годах. Только за три года до того, как де Моле посчастливилось получить для ордена от Папы Бонифация VIII освобождение от налогов в Англии (это распоряжение было передано королю Эдуарду I), Папа пообещал, что «никогда движимое имущество ордена не будет схвачено мирскими властями, а также им не будет принадлежать или не будет ими разрушена недвижимость».

⁹ Дом капитула (от лат. capitul — глава) — комната, где братья читали различные главы из монастырского устава и обсуждали животрепещущие вопросы монастырской жизни.

¹⁰ Полный текст содержит 87 обвинений. Среди них — обвинения в разных формах идолопоклонства, например культе животных, а также в приписывании Великому магистру права отпущать грехи.

Глава 1

1

Лондон, Пиккадили
05:30

Лэнг проснулся сам, по «звонку» биологического будильника. На один краткий миг вчерашний день показался столь же эфемерным, как сон, которого он уже не мог вспомнить. «Пегас» и тамплиеры слились в один кошмар, который, казалось, сейчас растает, как дым дома в Атланте — Дженет собиралась на работу, а Джеф в школу. Лэнгу надо было проверить в ноутбуке, какие встречи назначены на сегодня.

К действительности вернули женский запах в комнате и кислый привкус во рту, оставшийся после жирного ужина. Они и были реальностью — да еще рука, ноющая после вчерашнего удара поддых.

Лэнг отрубился, даже не потрудившись снять с себя одежду. И теперь из зеркала на туалетном столике выглянул неопрятный тип с отросшей щетиной. Он постучал в дверь смежной ванной. Никто не ответил. Непохоже, чтобы там находился кто-то из девушек Нелли, на часах 5:30. Войдя в душевую, он запер противоположную дверь на щеколду и стянул с себя одежду, которая уже ощущалась, как вторая кожа.

Он покрутил ручку душа, наладил напор, пока не пошла подходящая струя. Мыло с цветочным ароматом слишком сильно благоухало, зато оно смыло с него грязь, даже если он вонял, как... ну, как может пахнуть человек, если он находится в точности там, где Лэнг и находился.

Иглы горячей воды массировали спину, а он тем временем прикидывал, как будет пробираться по Лондону, пересечет международную границу, через какие города и городки Франции придется проехать. Он не собирался проверять на собственном опыте, прочесывают английские полицейские железнодорожные станции с аэропортами или нет.

Окончив мыться, он с неохотой вытерся единственным полотенцем. Пахло оно похуже, чем мыло. Над раковиной нашлась пикантная розовая безопасная бритвочка. Стараясь не думать о том, для каких мест ее используют, он осторожно побрил лицо вокруг усов герра Шнеллера. Он уже настолько к ним привык, будто сам их отстриг.

Высохший и одетый, Лэнг внимательно исследовал результат: обычная рабочая глыба в мятом костюме. Недурно было бы набраться смелости и сходить в магазин за новым нарядом. Недурно, но слишком уж рискованно.

Он вышел из комнаты проверить, не проснулся ли кто-нибудь еще.

В маленькой кухонке рядом с главной гостиной он обнаружил высокую чернокожую женщину в сверкающем изумрудном платье. Глубокий вырез и короткий подол подсказали ему, что она только что вернулась с ночной работы.

— Привет, — произнесла она хриловатым голосом с акцентом Карибских островов. — Какая кошка затащила тебя сюда?

— Нелли позволила мне здесь переночевать.

Она повернулась к нему лицом, встав спиной к булькающему кофе. Точеные брови приподнялись.

— Даже думать не хочется, сколько ты заплатил, милый.

— И мне нужно попасть в Манчестер, — добавил Лэнг так, словно продолжал начатую тему.

Она изогнула длинное тело, чтобы налить в кружку дымящийся кофе. Для этого ей пришлось так наклониться, что и без того короткая юбка задралась на целых десять сантиметров. Лэнг решил, что это не случайно.

— Манчестер? — переспросила она. — Далековато ты забрался от дома, сладенький. Жена будет спрашивать, куда заходил.

— Я заплачу за дорогу, — сказал Лэнг.

— Я не такси, дорогой. Поезжай на поезде, как все.

И все же она задумалась, попивая кофе маленькими глотками.

— Ничего, — сказал он, делая разочарованное лицо, — возьму машину напрокат. Нелли наверняка знает телефон...

Глаза того же цвета, что и кофе, задумчиво изучали его поверх кружки. Лэнг почувствовал себя коровой на ярмарке.

— Ты, что ли, какой-то особенный друг Нелли?

Лэнг больше не мог сопротивляться аромату свежесваренного кофе. Схватив пустую чашку со стола, он протянул ее.

— Не возражаешь?

Голова медленно качнулась, глаза продолжали оценивающе его разглядывать.

— Налей себе сам.

Он наполнил чашку остатками кофе.

— Мы с Нелли знакомы уже очень давно.

Допив, она поставила кружку и причмокнула губами так, словно попробовала что-то особенно вкусное.

— Сколько ты собираешься заплатить за дорогу до Манчестера?

Лэнг пожал плечами.

— Не знаю. Сколько это стоит, пару сотен?

Она ослепила его белоснежной улыбкой.

— Дорогой мой, за пару сотен фунтов стерлингов я устрою тебе такую веселую поездку, какой ты еще никогда не видел.

Лэнг нисколько не сомневался в этом, просто у него не было настроения. Казалось, путешествие ее вовсе не утомило, когда, несколько часов спустя, она равнодушно высадила его у терминала Британских авиалиний в Манчестере. Только когда она уехала, Лэнг осознал, что даже не поинтересовался ее именем, а она — его. В действительности, она обладала профессиональным отсутствием любопытства и поэтому ничего не спросила, когда он попросил ее остановиться на мосту, откуда и выбросил в реку «беретту».

Путешествовать под именем герра Шнеллера и использовать его кредитную карту было слишком опасно. Лэнг прекрасно понимал, что его давно выследили по зонтику, оставленному в магазине Дженсона. Но ему не хватало наличных денег на билет. Поскольку он находился в Евросоюзе, то мог путешествовать без паспорта, однако нужен был какой-то документ, удостоверяющий личность британского подданного.

Он установил наблюдение за газетным киоском и тщательно выбрал жертву — похожего на себя мужчину приблизительно одного с собою возраста. Незнакомец купил «Гардиан» и запихнул бумажник во внутренний карман пиджака. Легкий толчок локтем, вежливое извинение — и вот уже Лэнг — Эдвард Рис, имя, значившееся в водительских правах несчастного.

Убрав усы герра Шнеллера и нацепив на нос только что купленные темные очки, Лэнг подошел к кассе, у которой толпилось больше всего народа. Никакой агент по продаже билетов не обнаружил бы сходства с фотографией на водительских правах, когда Лэнг всем своим видом демонстрировал нетерпение: переминался с ноги на ногу, поглядывал на часы.

Он постарался ничем не выдать своего облегчения, когда миловидная женщина протянула ему через прилавок билет.

— Приятного путешествия, мистер Рис. Как прибудете в Лондон, попросите агента, встречающего у ворот, проводить вас на рейс Тулуза — Бланьяк.

Лэнг опустил в кресло со смешанным чувством мрачного ожидания полета и удовлетворения, что он так быстро и успешно слинял. В «Гатвике» предстоит добраться от одних ворот до других, минуя службу безопасности и полицию, которая обязательно будет его разыскивать.

Он даже сможет воспользоваться карточкой «Виза» герра Шнеллера. И еще один довод в пользу этого своеобразного рейса: ему хотелось избежать «Хитроу». Этот аэропорт так устроен, что там пришлось бы в обязательном порядке зайти в международную зону и столкнуться с металлодетекторами, дотошными копами и камерами наблюдения.

2

Лондон, международный аэропорт «Гатвик»
09:56

Лэнг ничем не привлек к себе внимания летевших по делам путешественников, когда смешался с толпой в главном зале аэропорта. У многих, как и у него, не было с собой багажа.

А вот сам он мог бы слегка насторожиться, если бы заметил, как у него за спиной один пассажир нырнул в мужскую комнату, вместо того чтобы следовать прямо в зал ожидания полетов. Мужчина вошел в кабину, прикрыл за собою дверь и сел, только для того, чтобы поговорить по мобильному телефону.

— Он в пути, — произнес человек.

3

Лондон, Мейфер

10:02

Герт сидела перед монитором, кивая, словно соглашаясь.

Кредитная карта «Виза» служила Лэнгу в его приключениях неисчерпаемым источником финансирования. Она знала, что так и будет. Герт поздравила саму себя. До чего же предсказуемы мужчины.

Значит, Тулуза — Бланьяк. Примерно юго-запад Франции. В тех записях, о которых Лэнг рассказывал Якобу — в оксфордском переводе, — упоминался Лангедок. Несомненно, Лэнг решил, что там он разгадает секрет «Пегаса» — секрет, который его чуть не угробил. Возможно, он и не ошибался (*не ошибается*, поправилась она). Но какая разница, если он по-прежнему остается в беде!

Она встала и вышла в коридор. Под табличкой «Не курить» задержалась на минуту, раскуривая «Мальборо». Ей необходимо позвонить знакомым, повидаться с ребятами из Научно-технического директората, хотя то, что ей требуется, научным в полном смысле слова не назовешь. Уж, во всяком случае, не передовые технологии.

Но первый звонок она сделает по таксофону.

Спускаясь на лифте, Герт продолжала курить, не обращая внимания на сердитые взгляды. Марш-бросок по улице — и вот она на станции подземки, у телефонных будок. Она набрала номер и, когда на другом конце провода послышался ответ, опустила монетку.

— Вы были правы, — сказала она, не представляясь. — Он полетел во Францию. Сейчас его самолет уже должен приземлиться.

Какое-то время она слушала, что ей говорят.

— Отлично, я вас встречу.

Тулуза, международный аэропорт «Бланьяк»

Рейс прибыл из страны Европейского союза, таможенного досмотра пассажирам проходить не требовалось, а значит, двум жандармам, дежурившим у ворот номер семь, не было никакого резона обращать внимания на Лэнга. Гораздо больше их интересовала молодая дама, расположившаяся со своим утренним круассаном за столиком в кафетерии.

Лэнг вошел в большой современный терминал, который, убери из него указатели на разных языках, мог бы с тем же успехом находиться в Бирмингеме или Пеории*. Попутчики Лэнга быстро разбежались, не проявив к нему никакого интереса. Отбывающие пассажиры, толпясь, поскорее поднялись на борт, в самолет вновь загрузили багаж, и через несколько минут Лэнг остался у ворот в одиночестве. Непохоже, чтобы за ним кто-то следил.

Ванна у Нелли и то была шире, чем «Пежо-Джуниор», который он забронировал из «Гетвика». Хорошо, что у него с собой никакого багажа, а то места бы не хватило. Однако это было единственное, чем располагала компания «Евро-Кар», поэтому Лэнг предъявил права мистера Риса, подписал договор на прокат, расплатился наличными и втиснулся в машину. Он был совершенно уверен, что, когда мистер Рис обнаружит пропажу бумажника, он первым делом уведомит компанию о краже кредитной карты, а уже потом, много позже, займется водительскими правами.

Выехав на дорогу, Лэнг направился через холмы, застроенные высотками, удивляясь, почему европейские многоквартирные дома так однообразно уродливы. Указатели привели его в *centre de ville*, или центр города. Средневековый камень и штукатурка сменили современные коробки.

Ему наконец открылось одно преимущество маленького автомобиля: на парковке «пежо» удалось впихнуть между престарелым «ситроеном» и «рено». Поверх крыши «рено» он видел розовую кирпичную башню базилики Сан-Серпен — все, что осталось от монастыря одиннадцатого века, если верить путеводителю, купленному в аэропорту.

---

* Бирмингем — город в Великобритании, Пеория — город в США.

Хотя «пежо» и уместился на парковке, чтобы открыть дверь и выйти, пространства не хватало. Однако Лэнг все же ухитрился вылезти и прошел пешком квартал до городской площади — она же соборная, как всегда в европейских городах. Нынче утром площадь превратилась в маленький рынок. Столь ранней весной прилавки поражали разнообразием овощей. Цветы тоже были, и почти любого оттенка, их аромат смешивался с запахом рыбы, ракообразных и мидий, сияющих глянец на подносах с колотым льдом. Женщины держали на руках детишек и торговались с продавщицами. Как и в Риме, мужчин на рынке было немного.

Он покинул площадь и побрел по одной из узких мощеных улиц, поглядывая по сторонам. Миновал мясную лавку с птицей, покрытой перьями, и дичью, выложенной на витрине перед жирными колбасами. Следующим был кондитерский магазин — пироги и пирожные были только что выпечены, как и длинные батоны хлеба. По привычке Лэнг проверил в стеклянной витрине, не идет ли следом кто-нибудь по улице.

Он нашел магазин, торгующий туристическими принадлежностями и небольшими палатками. Лэнг догадывался, что сюда заходят главным образом местные покупатели: в конце концов, Лангедок был маленькой, почти целиком деревенской провинцией, прижатой к уступам Пиренеев. Сюда приезжало совсем немного туристов. Когда люди говорят о юге Франции, они обычно подразумевают соседку Лангедока на востоке — Риверу, место летнего отдыха богачей. Канн, Ницца, мыс Антиб знамениты на весь мир. Но лишь немногие люди за пределами Франции могут назвать какой-нибудь город Лангедока, за исключением Рошфора, родины сыра с плесенью.

Предгорья и вершины привлекают отдельных туристов и скалолазов. Эта публика сильно отличается от отдыхающих на Лазурном берегу. Любители свежего воздуха молоды, безрассудно смелы и не могут позволить себе путешествия на далекие и престижные Альпы.

Всем этим и могла объясняться угрюмость владельца магазина. Да еще французским языком Лэнга. Он выглядел не так молодо, как, по его предположению, выглядело большинство клиентов, зато чуть побогаче, чем они. По крайней мере, он на это надеялся. А еще Лэнг был уве-

рен, что не производит впечатления человека, который наслаждается несмываемой грязью, насекомыми и всеми ветрами огромного мира.

Зато он отлично знал, что хочет купить: туристические ботинки «мефисто». Самые лучшие и самые дорогие, судя по внезапно вспыхнувшему энтузиазму, с которым продавец начал их показывать. Лэнг выбрал фетровую шляпу с кожаной лентой, которую одобрил бы Индиана Джонс, пол-литровую пластиковую флягу в чехле, две рубашки из плотного хлопка, две пары джинсов и оборудование, которое может пригодиться каждому путешественнику: компас, складную лопату и ручной фонарь с алкалиновыми батарейками. Напоследок он выбрал два мотка веревки — крепкой, из стекловолокна — для скалолазов. К моменту, когда Лэнг расплатился за огромный заказ, равный недельной выручке магазина, все следы французской надменности растаяли, уступив место обычному добродушию.

Ниже по улице, через два дома, Лэнг купил дешевый фотоаппарат со вспышкой, несколько пленок и плоский чемодан. Все свои приобретения он с трудом утрамбовал в багажнике «пежо».

Выехав из города, Лэнг устремился на юг, к Лиму. Перед ним змеились две узкие полосы, пролегая вдоль местности, подобной которой он никогда раньше не видел. Зеленые холмы сменялись острыми выступами голого белого камня, точно из земли вытянули гигантские белые кости. Справа в далекой дымке вздымались Пиренеи, эфемерные, как сон.

На дороге он был почти один: навстречу попадалось больше тракторов, чем машин. Проносились виноградники. На них, бросая вызов каменистой почве, уже завязались гроздья. Коробочками хлопка паслись на склонах овцы. Подсолнухи и табак простирались полями едва раскрывшихся зеленых бутонов.

Чем дальше на юг он ехал, тем больше видел руин — останков мощных крепостей и замков, белеющих под тем же солнцем, лучи которого согревали Пьетро семьсот лет назад. Так странно и жутко было думать об этом, словно перенестись назад во времени.

Вот он проехал Лиму. Судя по карте, это был последний город перед побережьем. Внезапно Лэнга вынесло на край глубокого ущелья, далеко внизу бурлила вода. Там

же внизу теснились красные черепичные крыши какого-то селения, он понадеялся, что это Эспераза или Кампань-сюр-Од. Названия, звучавшие по-испански, заставили его вспомнить, что когда-то эти территории принадлежали Каталонии — вплоть до одной из бесконечных войн, которые перекраивали границы Европы на протяжении двух тысячелетий.

Если это деревня, обозначенная на карте как Ренн-ле-Бан, значит, Лэнг их уже пропустил. Первое, на что он обратил внимание, когда въехал в крошечную деревушку, были оштукатуренные здания с крышами из красной черепицы, которые тянулись вдоль всей дороги. Места казалось так мало, что негде было уместиться ни церкви, ни площади, разве только трактору. Ему пришлось снизить скорость и двигаться ползком, когда он догнал одного с гусеницами. И машина, и водитель знавали лучшие времена.

Сквозь клубы жирного дизельного дыма, Лэнг разглядел указатель, ведущий к гостинице Ренн-ле-Бан, и свернул на грязную грунтовую дорогу, обсаженную фруктовыми деревьями в цвету. Напротив на небольшом холме стояло розовое здание. Если верить путеводителю, это была единственная гостиница на много километров вокруг.

Перед тем как выйти из машины, он снова приклеил усы. Входные двери вели в фойе с известковым полом. Темная обшивка тянулась до коридора на втором этаже. Грубая люстра величиной с вагонное колесо свисала прямо над головой. Перед ним стояла деревянная конторка. На простой столешнице из сосны помещалась латунная лампа, кожаная книга для регистрации постояльцев и медный колокольчик. Слева, через арку дверного проема, лился дневной свет и виднелась маленькая столовая с одиноким венецианским окном, через которое открывался вид на долину у реки Од.

Он опустил на пол чемодан и с любопытством выглянул в соседнее помещение. Там стояла женщина и мыла тарелки. Подняв глаза, она испуганно вздрогнула.

— Oui?*

— Chambre?**— с надеждой спросил он на французском языке, который был у него немногим лучше итальянского.

* Да? (фр.).

** Комната? (фр.).

Лэнг всегда воспринимал как приятную неожиданность, если, попросив о чем-нибудь по-французски, получал именно то, что хотел. Однажды, во время своего единственного посещения снобистского отеля «Бристоль», он попросил принести ему в номер холодные напитки. Просил со словарем, спотыкаясь на каждой фразе, с тяжеловесным акцентом. Через несколько минут он получил холодное в лучшем виде — только не напиток, а абсолютно дохлую рыбу. Этот случай добавил красок к его мнению и о своих лингвистических способностях, и о французах.

— Вы американец? — спросила женщина на чистом английском языке.

— Немец, — ответил Лэнг с тевтонской чопорностью.

Она вытерла руки о фартук и улыбнулась, словно разница была невелика.

— У нас есть комната, — продолжала она по-английски. — С тем же видом из окна, что и здесь, — и она указала на венецианское окно у себя за спиной.

Хозяйка провела его обратно в фойе и открыла регистрационную книгу. Он неохотно протянул ей кредитную карту Шнеллера и паспорт. Если только чуть повезет, его паспортные данные не попадут в парижские компьютеры несколько дней. Кажется, она была разочарована. Но записала номер паспорта и сделала оттиск карты.

Лэнг попытался припомнить, когда он в последний раз видел, чтобы делали ручной оттиск вместо электронного свипа, но она уже вернула кредитку, потянулась к висевшим на стене ключам и направилась к лестнице. Лэнг заторопился следом. Пройдя вдоль коридора, она молча отворила дверь и жестом предложила ему войти. Комната была самая заурядная, чего не скажешь об обещанном виде из окна. Журналы для путешественников не пожалели бы для него цветистых выражений — что-нибудь вроде: «играя, словно бриллиант, в лучах полуденного солнца, река извивается по дну меловой пропасти».

Как только женщина ушла, Лэнг открыл свой новый чемодан и переоделся в джинсы и толстую рубашку. Ботинки «мефисто» оказались еще удобнее, чем были в магазине. Он взял моток веревки, повесил его на ремень и заткнул за пояс лопатку. Выходя из комнаты, он остановился и, выдернув волос из головы, зажал его дверью. Если придет нежданный гость, он узнает об этом.

Тамплиеры

Гибель оргена

По рассказу Пьетро Сицилийского
Перевод со средневековой латыни
на современный английский язык
Найджела Вульфа

6

По прошествии шести дней мы прибыли к тюрьме, что была для нас предначинана. Будь у меня больше чернил и бумаги, описания мои были бы наполнены жестокостью и нуждой, которую нам довелось вытерпеть, хотя это уже не важно.

Мне ничего не известно о том месте, где нас держат в заточении. Знаю только, что это королевский замок с двумя башнями и что находится он в городе на высоком холме над рекой. Каждый брат сидит в отдельной клетке, поэтому мы не можем общаться. Клеть, в которой томлюсь я, находится ниже уровня земли, поэтому окна у меня нет. Стены в ней настолько толстые, что мне ничего не слышно, кроме возни грызунов в соломе, которая служит мне постелью, а больше в моей темнице ничего нет. Вода и сырость сочатся со стен, и стоит запах тухли и гниения.

Однажды днем под дверь мне подсунули доску со свиными помоями, о которых не хочется вспоминать. Не было ни ложки, ни ножа, поэтому я должен был сперва победить крыс, а потом есть, точно собака. На третий день заточения я осознал, что должен благодарить Бога и за это скудное пропитание.

Когда нас схватили, нам не позволили ничего с собой взять, только то, что на нас было. Если бы я не имел с собой принадлежностей, собираясь поработать после вечерней трапезы, то не смог бы описать минувшие события.

В первое же утро по прибытии сюда меня грубо втолкнули в большую комнату и поставили перед высокой кафедрой, где сидел человек, объявивший, что он — прислужник Великого инквизитора Парижа.

Он зачитал мне обвинения наподобие тех, которые произносил бабьи. Я все отрицал, после чего меня повели в другую комнату, из которой доносились вопли и стоны.

Я догадался, что там меня будут пытать, чтобы я сознался во лжи, направленной против брата Храма Иерусалимского. Не знаю,

что было хуже: слышать крики страданий и ожидать, когда начнут мучить меня, или сама пытка.

Я хотел молить Господа послать мне сил, чтобы выдержать уготованные испытания, но — увы! — знания, обретенные в проклятой пещере, лишили меня религиозного рвения, и поэтому я не знал, кому молиться.

В комнате, откуда доносились крики, наступила тишина, и оттуда вынесли безжизненную фигуру старого келаря, который не перенес пыток. Вонстину, ему повезло больше, чем другим.

Меня посадили в железную раму, так чтобы ноги были вытянуты в сторону заслонки, по другую сторону которой горел огонь. Ступни мои намазали маслом и заслонку отодвинули, чтобы ноги поджаривались, как оленина над костром. Заслонку двигали взад и вперед, чтобы регулировать жар, и каждый раз мои мучители снова и снова читали оскорбительные и непристойные обвинения, которые я снова и снова отрицал, хотя и чувствовал запах собственной плоти, горящей в пламени. Я глух от собственных криков, пока благословенная темнота не накрыла меня.

Но мои мучители не оставили меня в покое, а привели в чувство и начали сызнова.

На следующий день мне вырвали два зуба, а еще через день выдернули на дыбе.

Не знаю, сколько времени я пролежал на соломе в своей жалкой камерке. Горевая плоть приманивала грызунов и других вредителей, а у разорванных мускулов едва хватало сил отбиваться от них. Как вдруг передо мной появился мальчик. Сперва я подумал, что это видение — одно из многих, которые являлись мне в страданиях и вновь ускользали. Но оказалось, что его посылали к таким же несчастным, как я, чтобы сменить соломенный настил и поменять воду в миске, повеленевшую и источающую зловоние.

Зовут его Стефан, и он — источник всех новостей, которые я получаю. Через него я узнал, что даже понтифик, Папа Климент V, отрекся от нас, объединившись с королем Филиппом, чтобы уничтожить орден, несмотря на обещания своего предшественника. А еще я узнал, что Его Святейшество провозгласил всех братьев отступниками, все богатства ордена конфискованными, а сам орден упраздненным. Часть братьев бежала, сокровища и корабли исчезли.

Также я узнал, что братья, отказавшиеся признать свою вину, будут сожжены перед собором в Париже.

Вот какая задача: возвести ли на самого себя напраслину, подтвердить обвинения и таким образом прервать мучения, но проклясть душу или, храня верность правде, испытать дальнейшие муки плоти и принять смерть на костре?

Если бы я по-прежнему верил, что в будущем меня ждет спасение! Тогда и выбора никакого не пришлось бы делать. Но после того, что мне открылось на горе Кардо, я уже не знаю, существует ли спасение. Останься я смиренным сицилийским монахом, не возжелай изысканной пищи и богатого одесияния, я бы не находился сейчас при смерти. Если бы я...

Меня прервали, и я вынужден был прятать перо, чернила и бумагу, потому что их, разумеется, отберут, если обнаружат. Но я и так почти закончил свой рассказ — пигмент на исходе, пришлось разбавлять его вонючей водой, чтобы получились чернила, которыми я пишу. Мне мало осталось, о чем рассказать, и последние дни своей жизни я провожу в страшных мучениях и пишу с трудом, так как руки у меня вывихнуты, а пальцы сводит от боли, потому что на них не осталось ногтей — их вырвали мои инквизиторы.

Я ожидал, что меня опять будут мучить. Вместо этого меня поставили все перед тем же инквизитором и приказали описать посвящение в орден, простой обряд, который я проходил перед капитулом*, в присутствии Великого магистра Жака де Моле.

Тогда мне сказали, что это непростой жребий — служить кому-то другому (разумея Господа нашего и капитул настоятелей) и не иметь собственной воли. Мне пришлось ответить на несколько вопросов: не было ли у меня разногласий с каким-нибудь человеком из-за долгов; не помолвлен ли я с какой-либо женщиной (при этом вопросе я и некоторые братья, помня, что я был монахом в Сицилии, улыбнулись, несмотря на серьезность вопроса); нет ли у меня каких телесных увечий. После чего у высокого собрания спросили, не возражает ли кто против моего вступления в орден. И по единогласному решению меня приняли.

Когда писари закончили записывать мои показания, инквизитор нахмурился и осведомился, какого рода клятвы мне пришлось давать. Я честно ответил, что клялся на Библии и на кресте в том, что навсегда останусь целомудренным, покорным и не буду иметь своего имущества, после чего Великий магистр поцеловал меня в губы и предостерег меня, чтобы впредь я спал в рубашке, подштанниках и носках, подпоясывался веревкой, никогда не задерживался в доме, где находится женщина, никогда не служил на свадьбе, никогда не поднимал руки против другого христианина, только лишь обороняясь, всегда говорил правду.

Дав такие показания, я вернулся в каморку. Повже Стефан рассказывал, что они совпали с показаниями других братьев, опрошенных

---

* Капитул — зд: коллегия духовных лиц у католиков.

в тот день, и тем не менее инквизитор признал их лжесвидетельством.

Если бы Стефан не доверился мне так, я бы принял за чистую монету уверения многочисленных инквизиторов, будто все мои братья сознались. Воистину, эти новые спросочки были еще ужаснее, чем старые, которые пытали, ибо отчасти выказывали доброту ко мне, проливая слезы над моей судьбой, лгисто уверяя очистить душу от порчи и исповедаться, в то время как их сменщики били меня по лицу, угрожая и не давая опорожнять ни пузырь, ни кишечник иначе как под себя самого.

Боль лишь временна, но проклятие вечно. Я сделал выбор и решил не давать ложных показаний против моих братьев и ордена. Я молю Господа вселить моим палачам мысль задушить меня прежде, чем мое тело поглотит пламя. Или, что более важно, я молю, чтобы время моего пребывания в Чистилище было коротким перед тем, как мой Господь и все его святые возьмут меня на небеса. Я молю, чтобы мне простили грех гордыни, который соблазнил меня покинуть свое истинное место, побудил искать знаний, которых нельзя было искать. Из-за него я усомнился в тех вещах, которые есть предмет веры, и теперь умираю, мучаясь от открытия, о котором не желаю знать.

Я прошу тебя — того, кто найдет эти записи, — помолись за меня тоже, ибо и время мое на этой земле, и чернила, коими пишу, быстро истекают.

Заключение

Полного списка тамплиеров, сожженных на костре в Париже в октябре 1307 — апреле 1310 годов, не сохранилось, если такой документ вообще был. Известно, что де Моле не делал никакой попытки бежать, до конца веря, что доброе имя ордена будет восстановлено.

Скорее всего, такого списка никогда не существовало. Полная анонимность жертв была частью террора короля Филиппа, желавшего таким способом заставить колеблющихся признать свою вину. Умереть без имени значило умереть без причастия или быть похороненным в неосвященной могиле и, соответственно, лишиться надежды на воскресение — грозная перспектива для человека четырнадцатого столетия.

Мы никогда не узнаем, что же нашел Пьетро в пещере и что так сильно надломило его веру, да это и не столь важно. Куда важнее для нас описание жизни тамплиера, пусть и нестройной, после отступления из Палестины.

Его рассказ долгие годы будет интересовать историков.

Н. В.

Глава 2

1

Ренн-ле-Шато

о Ренн-ле-Шато на машине было всего несколько минут по дороге — извилистой, как кроватьная пружина, и почти такой же узкой. К вершине холма лепилась горстка каменных и оштукатуренных домов. Фрэнсис справедливо заметил, что Соньер стал местной достопримечательностью. Две-три парочки, увешанные фотоаппаратами, прогуливались по тесным, почти безлюдным улицам. В маленьком туристическом центре продавали открытки с портретом Соньера и книги, переведенные на разные языки, где строились предположения, что же он такое нашел. Объявления на трех языках предупреждали, что копать на общественной территории запрещено. Очевидно, находка священника породила сказки о зарытых сокровищах.

Маленькая церквушка в романском стиле была не выше, чем все остальные здания в округе, единственное, чем она выделялась, — низкой позолоченной дверью. Церковь Марии Магдалины, как пояснил экскурсовод, была построена в 1867 году. Храм Соньера.

Лэнг вошел внутрь. Прямо за дверью он с удивлением воззрился на злобное лицо каменного дьявола. Изваяние, выкрашенное красной краской, скорчась, поддерживало чашу со святой водой. Высокий потолочный свод был богато расписан. Само помещение простой прямоугольной формы вмещало восемь рядов скамеек, разделенных проходом посередине. Здесь уселось бы не больше ста человек. Но по роскоши отделки каждой детали храм мог поспорить с огромным собором.

Кафедру проповедника покрывала искусно выполненная резьба — ангел перед опустевшей гробницей Христа. Подходящая тема.

Куда бы Лэнг ни кинул взгляд, он повсюду видел творения самых сильных художников, которых можно было пригласить. Он понял, что Соньер всеми силами старался обустроить это место, сделать его достойным, однако чуждым показухи. Священник не собирался становиться церковным выскочкой.

Лэнг обошел церковь, всматриваясь внимательнее, удивился, с каким мастерством сделана резьба на дубовых перилах и ступенях, ведущих к кафедре. На алтаре из белого мрамора, наверное каррарского, был вырезан триптих: Рождество, распятие Христа и вновь — ангел у пустой гробницы. Любопытно: эта последняя сцена занимала центр композиции, вместо того чтобы в хронологической последовательности находиться в конце.

На стенах по кругу были нарисованы сцены из крестного пути и распятия. Самое обычное дело для католической церкви, думал Лэнг. Пока не подошел к последнему изображению — четырнадцатому по счету. Иисуса Христа, наполовину завернутого в саван, несли в гробницу. Однако было что-то странное... Над фигурами светила луна. Лэнг был уверен на сто процентов, что, по еврейским законам, похороны должны состояться до захода солнца в пятницу перед Шаббатом. Раз так, то, возможно, люди несли Его не к могиле. Что хотел сообщить этим умерший священник?

Если у Лэнга и возникали какие-то сомнения насчет находки Соньера, то церковь их развеяла.

Выйдя на улицу, Лэнг решил прогуляться. Булка с сыром и колбасой да бутылка питьевой воды — вот и весь завтрак, съеденный во время осмотра церковного фасада.

Отряхнув крошки, Лэнг опять втиснулся в маленькую машину. По другую сторону от Ренн-ле-Бан после спуска с холма начинался крутой подъем, и шоссе раздваивалось. Лэнг вырулил на узкую обочину и изучил карту, предоставленную компанией по прокату автомобилей. Масштаб был слишком мал, и карта не вмещала всех подробностей, которые ему были нужны, поэтому он вгляделся в одну сторону, потом в другую, словно ответ мог свалиться прямо на дорогу.

И ответ не заставил себя ждать! Лэнг вытянул шею, чтобы разглядеть слева каменный крест, воздвигнутый на склоне на возвышении. Такие холмы с крестом, *calvaire*, часто встречаются в сельской местности в католических странах, но здесь был не только крест. Выше по склону, прямо за ним, стояла статуя Христа, в ней тоже ничего необычного не было. Однако Лэнг не припоминал, чтобы когда-нибудь видел их вместе. А еще у этой статуи была одна особенность: вместо того чтобы повернуться лицом к проезжающим автомобилистам, она стояла боком к дороге, устремив взгляд в голубую призрачную даль.

Он вышел из машины и вскарабкался к кресту. На нем не было написано никаких слов, только традиционные *IN RI* и дата — вся истертая ветрами и временем. Статуя была сделана в натуральную величину и возвышалась на постаменте, словно для того, чтобы дать Христу возможность лучше видеть холмы и долины. В то же время он как будто указывал куда-то правой рукой, сломанной в локте.

Вытянувшись и привстав на цыпочки, чтобы глаза находились на уровне каменного плеча, Лэнг посмотрел в том направлении, куда указывала сломанная рука. А указывала она на холм, несколько выше, чем остальные окрестные холмы. Даже по неподробной карте Лэнг понял, что смотрит на Кардо, склон, где Пьетро сделал свое открытие.

Неужели статуя — указатель или это просто еще одна придорожная святыня?

Лэнг отступил назад к кресту. Хотя крест был короче статуи, из-за возвышения, на котором он стоял, его верхушка оказывалась выше головы Христа. Поднявшись по склону несколько шагов, Лэнг мог выстроить статую и крест в одну линию.

То место на Кардо, где находилась «мишень», ничем не отличалось от окружающих склонов, разве что белым известняком с вкраплениями деревьев, что росли на нем, цепляясь корнями за каменистую почву.

По компасу Лэнг отметил, что лицом к вершине он повернулся примерно на 75 градусов к северо-востоку. Стараясь держать компас как можно ровнее, он обошел крест и, прищурясь, всмотрелся в полустертую надпись. Похоже, там значилось 1838.

А что, если перед ним такая же головоломка, как анаграмма на картине, только математическая?

1838

$$8 - 1 = 7$$

$$8 - 3 = 5$$

Семьдесят пять! Семьдесят пять градусов. Что это — курс, по которому нужно следовать, или просто дата?

Несколько дней назад, да всего неделю назад, Лэнг ни за что не увидел бы в дате на кресте зашифрованного сообщения. Но тогда его голова еще не была забита картинами-картами и латинскими анаграммами.

Конечно, магнитный север не только отличается от географического, но и сдвигается каждые несколько лет. Во времена Соньера семьдесят пять градусов могли указывать несколько иное направление. Да плюс каждый компас чуть ошибается. Без таблицы поправок, которая прилагается к компасам на кораблях и самолетах, невозможно узнать, насколько точно работает прибор. И вообще, работает ли он.

Вернувшись к машине, Лэнг взял фотоаппарат и сфотографировал несколько раз крест и статую на фоне Кардо.

Потом пересек реку Од как раз неподалеку от того места, где от нее ответвляется Салс, свернул и поехал прямо на восток. С левой стороны он видел темный силуэт на фоне полуденного солнца — крепость Бланшфор на ее белом пьедестале.

Смотреть на старый замок было намного проще, чем добраться до него. Дважды он выезжал на белые пыльные дороги, которые, казалось, ведут к вершине горы, но, разочарованный, поворачивал обратно. Одна упиралась в скотный двор, предоставив ему любоваться на свинарник со всеми обитателями, которые в ответ тоже пялились на Лэнга. Другая тянулась дальше. Казалось, она ведет прямо к старинной крепости тамплиеров, но перед самой вершиной нырнула вниз, сделала поворот направо под прямым углом и слилась с той дорогой, которая привела его не к замку, а к свиньям.

Лэнгу вспомнилось, как Дон любила говорить, что прежде чем мужчина остановится и спросит дорогу, его занесет к черту на рога, на что Лэнг парировал, что последний мужчина, спрашивавший дорогу, был один из волхвов, который поинтересовался у царя Ирода, где ро-

дился младенец Иисус. Этот вопрос имел такие плачевные последствия для всех местных младенцев, что с тех пор мужчины перестали спрашивать дорогу. Ирод Иродом, а Лэнгу хотелось бы знать, найдется ли здесь хоть одна живая душа, у которой можно узнать, куда ехать. Третья попытка принесла успех.

Неважно, что Лэнг ехал медленно, — белая пыль вздымалась позади автомобиля, точно парашют за драгстером*. Когда он остановился, чтобы взглянуть на прискорбно скудную карту, переменчивый ветер задул в открытое окно «пежо» удушающе жгучее облако. Лэнга уже с ног до головы покрывала пыль, когда дорога сузилась почти до размеров тропинки и так круто пошла вверх, что бедный двигатель протестующе взвыл. Тропинка сузилась еще сильнее и наконец вывела на ровную местность, откуда оставалось около сотни метров до вершины.

Тогда Лэнг остановился и вылез из машины, убедившись, что автомобиль включен и на тормозах: если машина отправится в вольное путешествие, ему придется долго идти пешком. В рыхлом грунте виднелись тропинки, но они сворачивали, были размыты дождями или стерты ветром. Он начал взбираться к старой крепости по крутому склону. С каждым шагом из-под ног вырывались клубы пыли вперемешку с мелкими камнями.

Снизу была видна только башня, венчающая вершину в гордом одиночестве. Белый камень вздымался метров на тридцать, а дальше утопал в стальных лесах, уже начинающих ржаветь, — чей-то давным-давно заброшенный реставрационный проект.

Лэнг был разочарован. Он ожидал чего-то большего, хоть каких-то следов старых крепостных стен или зданий. Как всякий мужчина, в глубине души он по-прежнему оставался маленьким мальчиком. Воображение рисовало ему укрепленный монастырь с мощными решетками. По двору ходят люди, может быть, даже сам Пьетро.

А вместо этого он увидел раскиданные камни, лежащие прямо там, куда их сбросили. Наверное, этим занимались местные жители, которые использовали их в качестве строительного материала для собственных домов. Уже обработанный камень — ценная вещь, не упускать

---

* Драгстер — гоночный автомобиль.

же из рук. Башня или то, что от нее осталось, пока сохранилась, потому что тяжело было добираться до громадных валунов наверху и сталкивать их вниз. Судя по мелким белым пятнам, презервативам и граффити на стенах, башня давала пристанище птицам, любовникам да любителям политической сатиры.

Лэнг улыбнулся, представив себе, что сказали бы Пьетро и его братья, узнав, что в их обители творится оголтелый разврат.

Внутри прямо в стенах были вырезаны стертые ногами за долгие века каменные ступени, ведущие наверх, — все узкие, меньше чем сорок третий размер Лэнга. Были времена, когда в этом строении шла своя жизнь. Об этом свидетельствовали квадратные отверстия в стене: должно быть, в них крепились балки перекрытия.

Лэнг оглянулся, чтобы видеть, куда он идет. Один неверный шаг — и последствия могли оказаться самыми неприятными.

Настил, или пол, в верхней части башни давно исчез. Ступени просто обрывались метра за полтора до края зубчатой стены. Опершись на холодный камень, Лэнг повернулся и обвел взглядом окрестности.

С левой стороны краснела черепица домиков Ренн-ле-Шато. Впереди, если взять немного на северо-восток, виднелся город, который на карте был обозначен как Серр. Деревни Ренн и Серр.

Пьетро был прав: крепость находилась в таком месте, что защитить их не могла. Военный отряд, посланный отсюда, вражеская разведка обнаружила бы с легкостью. Ренн, ныне Ренн-ле-Шато, находилась слишком далеко, чтобы видеть, что там творится. Первым сигналом о нападении, который получили бы защитники в Бланшфоре, мог стать только дым над домами, уже разграбленными и сожженными.

Но если не Серр и не Ренн, тогда что же защищала старая крепость?

Гора Кардо находилась близко и была вся на виду. Лэнг не мог сказать наверняка, но ему казалось, что он смотрит на ту же сторону, которая видна от креста и статуи. Отсюда неплохо можно было разглядеть плоское пространство на склоне, площадку размером примерно в двести квадратных метров. Ее покрывали кучи белого щебня.

Продолжая одной рукой крепко держаться за стену, Лэнг достал фотоаппарат и щелкнул еще несколько снимков. Было довольно трудно отложить фотоаппарат и взять компас, но Лэнг постарался, отделавшись лишь коротким испугом, когда рука немного соскользнула. И снова 75 градусов. Точно или нет, но магнитная стрелка говорила ему, что крест, статуя и башня, все вместе, выстраиваются в линию, указывая на одно и то же место на склоне Кардо.

Вниз по ступенькам пришлось пятиться задом: пространства, чтобы развернуться, не хватило. Тень от башни уже сильно выросла. Не так уж много времени оставалось до сумерек, обследовать Кардо он не успеет.

Лэнг бросил на гору прощальный взгляд и направился к «пежо».

2

Кардо

16:49

Лишь когда крохотный «пежо» исчез под холмом, стрелок опустил оружие. В первый раз тонкие нити окулярной сетки и тупое, гасящее вспышку дуло были отведены от Лэнга — в первый раз с тех пор, как он вышел из башни.

Снайпер встал, сгибая колени, которые затекли и онемели, и положил израильский «галил». Эта винтовка была не самым подходящим оружием для прицельной стрельбы на дальнее расстояние. Благодаря легкому весу ее необыкновенно удобно носить, зато трудно удерживать долгое время на месте электронный оптический прицел Leupold M1 Ultra с десятикратным приближением. Это требует от стрелка большей концентрации внимания и усилий, чем с винтовкой «барретт» калибра 12,7 мм, которую предпочитает большинство снайперов, несмотря на длину почти полтора метра и чуть ли не пятнадцать килограммов веса.

Его товарищ опустил бинокль «Цейсс», позволив ему свободно болтаться на шее на ремешке.

— Такой отличной возможности у тебя больше не будет, — осклабился он.

Стрелок сложил приклад, отвинтил ствол и вынул двадцатизарядный магазин. Потом ответил, укладывая

каждую деталь на отведенное ей место в сделанном на заказ плоском чемодане.

— Поздно сокрушаться, — сказал снайпер, открыл дверцу «опеля» с парижскими номерами и заботливо расположил чемодан на заднем сиденье. — Но завтра будет новый день.

3

Лиму

19:57

К тому времени, когда Лэнг нашел в Лиму магазин с красно-желтым логотипом «Кодака», уже стемнело. Объяснившись больше на пальцах, чем на словах, он взял обещание у продавца, что фотографии будут готовы не позже чем через пару часов, по крайней мере до закрытия магазина в девять вечера. В Южной Европе казенные заведения часто стоят открытыми после окончания рабочего дня.

В маленьком бистро, где было накурено и шумно, он рискнул сделать заказ по доске с неразборчиво накарбанными каракулями. С выбором повезло: жирное тушеное мясо и кислое дешевое вино местного розлива.

Доев свой ужин, он отправился на почту. Сотрудники уже разошлись. Посетителей тоже не было, если не считать одинокого молодого человека, о чем-то сердито бубнящего по междугороднему телефону. Лэнг скормил несколько монет автомату и получил конверт. Еще несколько монет произвели на свет марки, и теперь конверт можно было отправлять в трансатлантическое путешествие. Взяв чистые бланки с прилавка самообслуживания, он написал длинную записку.

Лэнг закончил писать как раз в тот момент, когда юноша брякнул телефонную трубку, внятно произнес «Merde!»* и, раздраженно топая, вышел на улицу. Женщина или деньги, а может, и то и другое, предположил Лэнг, подходя к копировальному устройству, такому старому, что оно могло служить еще французским королям Людовикам, не с самыми последними порядковыми номерами. Сглотив несколько монет, аппарат запротестовал, жалобно воя и пощелкивая, словно машина негодовала,

* Дерьмо! (фр.).

что ее потревожили в такой час. Лэнг сделал ксерокопию и сунул дубликат в карман. Листочки с оригиналом отправились в конверт и затем в почтовый ящик для международной корреспонденции.

Он забрал снимки в фотомагазине, бегло просмотрел их и поехал обратно в гостиницу. И уже там изучил их внимательно. Из-за того, что снимки были сделаны с разного расстояния, было трудно определить, изображено ли на них одно и то же место на склоне Кордо, — трудно, однако возможно. Зеленое пятно на снимках, сделанных у дороги, могло оказаться рощицей низкорослых кедров на фотографиях, снятых с башни. Белая полоса чуть поодаль — потоком осыпавшихся белых камней. Он тщательно проработал изображения, вникая во все детали, включая тени, похожие по очертаниям.

К его разочарованию, не удалось обнаружить ничего, что не могло быть создано ветром, дождями и обвалами.

Завтра он сам отправится исследовать Кордо.

4

Международный аэропорт Тулуза-Бланьяк

23:30

Терминал аэропорта был закрыт на ночь, следующий пассажирский рейс из Женевы ожидался только в 08:24. Поэтому, если не считать скучающего сторожа, который был слишком поглощен своим маленьким телевизором, чтобы уделять внимание частным самолетам, ни один человек не видел приземления «Гольфстрим-IV». Его шины завизжали по взлетной полосе, и два реактивных двигателя постепенно затихли, пока он выруливал на бетонированную площадку перед ангаром. Также ни одна живая душа не заметила блестящий черный «ситроен», плавно скользящий из темноты, точно хищная птица, падающая на добычу.

Раздался хлопок герметичного уплотнения, и дверь самолета открылась. По трапу спустились четверо мужчин. Трое помоложе — с небольшими плоскими чемоданами в руках. По осторожности, с какой они несли свой багаж, можно было догадаться, что в чемоданах лежит нечто более важное, чем чистые рубашки.

Самый старший из четверки покинул самолет последним. С собой он не нес ничего, кроме плаща, перекинута-

го через руку. По его властному виду чувствовалось, что он привык, чтобы ему подчинялись. Седые волосы до плеч белели в скудном свете фонарей. Один из его спутников с почтением открыл перед ним дверь «ситроена».

Два пилота чопорно стояли на верхней ступеньке трапа, пока легким движением руки не были отпущены прочь. Дверь самолета захлопнулась, двигатели завывли. Когда «ситроен» проезжал сквозь ворота открытого служебного входа, «Гольфстрим» с визгом взмыл в черное небо. Он взял курс на запад и скрылся. Его мигающие огни растворились в ночи, словно угасшие кометы.

Старший человек расположился впереди рядом с водителем-женщиной, трое остальных — на роскошном заднем сиденье.

— Где он? — спросил старший на безупречном французском языке.

— Спит в своем номере, — ответила хозяйка гостиницы «Ренн-ле-Бан».

Глава 3

1
Ренн-ле-Бан

Энг видел сны, которые так и не дали ему отдохнуть. Насколько он знал, Дон никогда не бывала в этой части Франции. Она ждала его на самом верху крепости, а с ней был мужчина. Лэнг не видел его лица, но точно знал, что это Соньер.

Лэнгу надо было выяснить, что это значит, а иначе брешь, которая осталась в его жизни после ухода Дон, никогда не зарастет. Вот уже больше десяти лет не проходило и дня, чтобы он не думал о ней. Уж если на то пошло, редкий час пролетал без того, чтобы он не представлял себе ее лица. Тогда, в больнице, не на Дон он был женат, а на умирающем скелете, обтянутом кожей. Стало все труднее вспоминать, как она выглядела до болезни. Но, даже видя ее такой в своих снах, он просыпался с глазами, полными слез. Память — мучительная штука.

Искрящийся солнечный свет, ворвавшись в комнату через окно, хоть немного утешил. Трудно быть утрюмым, когда смотришь в безоблачное небо. Внизу под солнечными лучами мерцал туман, укутавший долину реки Од, словно одеяло, сотканное из серебряной шерсти. Когда Лэнг оделся и выпил кофе с круассаном, туман уже рассеялся.

Кофе, который Лэнг пил, сидя в столовой, был настолько крепким, что мог содрать хромовое покрытие с бампера. На столе лежала изрядно помятая полароидная фотография картины. Неважно, что лица были затерты, а буквы практически не видны. И то и другое Лэнг знал наизусть. Он старался запомнить очертания гор на заднем плане.

Час спустя маленький «пежо» снова штурмовал склоны под крепостью Бланшфор. Вчерашние следы от колес машины уже немного завалило грязью — разрушительное действие ветра. Лэнг заметил и четкие свежие следы: здесь проехал кто-то еще. Но никого вокруг не было видно.

У подножия башни он взял компас и навел его в сторону Кардо. Галька и невысокий кустарник мешали идти по седловине между гор. Один раз он остановился, чтобы посмотреть на компас и заодно убедиться, что лопата прочно привязана к поясу мотком веревки. Дважды делал маленький глоток из бутылки, не столько из-за жажды, сколько потому, что это движение позволяло ему беглым взглядом окинуть окрестные склоны от подошвы до верхушки. Его не отпускало ощущение, что за ним следят, своего рода интуиция — то же чувство, которое возникает в фильмах ужасов, когда чудовищный злодей готов нанести удар. Еще не хватало гнетущей музыки на заднем плане. Но он не увидел ни бликов от дальнего бинокля, ни подозрительного движения кустов — ничего, что могло бы выдать тайного наблюдателя.

Слишком живое воображение, сказал он себе, начался последней зловещей главы из повести Пьетро.

Вспышка отраженного солнца заставила его так вздрогнуть, что круассан чуть не выскочил обратно. Он отпрыгнул за валун, опасливо высунулся и пронзительным взглядом наблюдал целую минуту, пока не убедился, что это всего лишь утренний свет на ветровом стекле автомобиля, ползущего далеко внизу по той же дороге, по которой он ехал день назад. Если взглянуть подальше, он, должно быть... да, действительно: осторожный взгляд — и он увидел крест. Статуи Христа не было видно, ее загромождали отдаленные деревья.

Лэнг с трудом продвигался вперед, пока не оказался на поле щебня, которое заметил с башни, — рыхлая порода, от креста она казалась оголенным участком. Он вынул фотографию картины из бумажника и медленно ее повернул.

Пик слева — вон та серая клякса в отдалении. Между ним и соседним холмом действительно имеется зубчатый пролом, как на картине. Лэнг наклонился, изо всех сил стараясь нагнуть голову так, чтобы увидеть перевернутый пейзаж. Нос был не таким острым, а подбородок и вовсе исчез.

Зато пролом, пожалуй, напоминал лицо Вашингтона, повернутое в три четверти. Сколько лет прошло с тех пор, как Пуссен написал свою картину, — четыреста? Для геологических изменений времени более чем достаточно.

А место, где он стоит, такое же хорошее, как и любое другое. Очень большое место размером с футбольное поле.

Рассуждая об этом, он принялся выбирать дорогу между валунами и камнями осторожно, словно футбольный нападающий, который стремится избежать подножки. Линия ворот находилась в той точке, откуда было видно, как горизонт пересекается с острым обрывом.

Лэнг остановился там на несколько минут. Одно место на поверхности земли выдавалось. И не просто выдавалось — этот камень торчал, словно маленький пик. Разве отдельные камни не должны скатываться вниз? Ведь на них действует сила тяжести.

Лэнг вскарабкался к валуну, содрав острым выступом клочок кожи с колени. Хорошо, что никто не слышал, как он выругался, зато ему сразу полегчало.

Он остановился перед огромным камнем, который, казалось, наполовину врос в склон. Он был выше человеческого роста. Поблизости это была единственная скала, которая могла скрывать достаточно большой для человека вход, по крайней мере единственная скала на том пространстве, откуда прорисовывался профиль Вашингтона. Опершись о грубую поверхность, Лэнг зарылся ногами в рыхлый грунт и щебень. Но всего его веса оказалось недостаточно, чтобы сдвинуть валун хоть на сантиметр.

Тут должен быть ход. Соньер проник туда один, иначе его секрет не сохранился бы. Но как?

Нужно всего лишь немного разбираться в физике. Но Лэнг в ней ни капли не разбирался. Он чуть не провалил по ней экзамен в высшей школе.

Он отступил назад, глядя вверх на откос, и вдруг увидел камень метрах в пяти-семи от себя, приблизительно такого же размера, как и тот, рядом с которым он стоял. Взбравшись наверх, Лэнг взял лопату и начал делать подкоп у его основания. Через десять минут тяжелого труда он сбросил рубашку. Спустя еще некоторое время — как ему показалось, целый час — он окопал камень маленькой канавкой сантиметров тридцать глубиной. Постарайся он подольше, и его бы расплющило, как муляшного

Хитрого Койота, который пытался сделать что-то подобное, чтобы поймать Дорожного Бегуна. И даже никто не крикнул бы «Бип-бип!».

Вытирая лицо промокшей насквозь рубашкой, Лэнг снял веревку с ремня, сделал петлю, накинул ее на камень и затянул. Затем вернулся обратно к первому камню и на нем тоже затянул петлю.

Теперь у него было два валуна, один над другим, связанные самой крепкой веревкой из стекловолокна, которую он смог найти. Глоток из фляжки с водой помог отпраздновать это достижение. Он надеялся, что следующий его шаг непременно оценил бы учитель физкультуры.

Взяв лопату, он выровнял ею дорожку от верхнего камня вниз по склону. Затем вернулся наверх и воткнул лопату под валун, используя рукоятку как рычаг. Это не помогло, тогда он втокнул острие под камень настолько глубоко, насколько оно могло войти, встал на рукоять, согнул колени и подпрыгнул — раз, другой, — точно ныряльщик перед прыжком с вышки.

Рычаг — простой закон физики.

Он ожидал, что его вес заставит эту тварь покатиться — не тут-то было. Напрасно он напрягал колени, дыша, как Грмпс. Лэнг пообещал себе обязательно заняться спортом, когда вернется домой. Он старался думать о чем-то постороннем, чтобы сдвинуть камень. Потом остановился, чтобы опять глотнуть воды.

Звук металлического скрежета заставил его забыть о жажде. Что-то изменилось. Согнув колени, он почувствовал, как огромная каменная глыба сдвинулась так незаметно, что Лэнг подумал, уж не выдает ли он желаемое за действительное. Как любил говорить его школьный учитель: элементарная физика — тонны инертной массы превращались в массу кинетическую.

С новыми силами Лэнг подпрыгнул и опустился на рукоятку еще два раза. Раздался тяжелый мучительный стон камня. Он успел отскочить, валун медленно сдвинулся со своего насиженного места и потихоньку начал путь вниз. Уже через несколько секунд он неся с силой и скоростью товарного поезда на прямом отрезке пути.

Теперь Лэнгу оставалось только молиться, чтобы веревка из стекловолокна оказалась такой же прочной, как обещала реклама.

И она выдержала! А может быть, выдержала бы и больше.

Слетевшая глыба с грохотом промчалась мимо нижнего камня, и веревка зазвенела, как натянутая тетива. Камень, двигаясь, увлек своей мощью соседа и потащил его за собой вниз по склону горы в бешеном вихре щебня, растений, грязи и шума. К счастью, внизу не было ничего, кроме реки.

Место, где раньше нижний камень сидел в горе, было скрыто облаком белого песка. Лэнг пристроился на соседнем камне и стал ждать. Ему стало очень любопытно, использовал ли Соньер тот же способ, только без преимуществ, которые давала высокотехнологичная веревка. Если да, то как, черт возьми, он вернул камень на место? Может быть, скатил с вершины другой валун?

За облаком пыли показалось темное пятно — это могло быть только отверстие на склоне горы, пещера.

Лэнг встал, слыша звон в ушах. Если его догадки оказались верны, то сейчас он следовал не только за Соньером, но и за Пьетро.

В бутылке оставалось еще достаточно воды, чтобы обильно намочить рубашку. Мокрую ткань Лэнг приложил к носу и ко рту, чтобы как можно меньше дышать пылью. Достав карманный фонарик, убедился, что он работает, и шагнул на две тысячи лет назад.

2

Кардо

Снайпер поднял глаза над оптическим прицелом.

— Он вошел в какую-то пещеру. Мне его не видно.

Другой человек убрал бинокль от глаз.

— Мне тоже. Я бы тебе посоветовал держать ее на прицеле. Тебе надо быть каждую секунду наготове.

Стрелок прижался щекой к металлическому прикладу «галила» и передвинул ствол так, чтобы в объектив попала точка в нескольких шагах напротив отверстия.

— А я никуда не уйду. Я и так наготове.

Похоже, облака нагоняли тени на белые камни, хотя какие облака могут быть на сияющем голубом небе! Скалы, на которые падали солнечные лучи, тоже могли отбрасывать тень. А может, тень скользнула по земле из-за овцы, что отбилась от стада и перебежала от валуна к валуну так быстро, что глаз не успевал заметить?

Снайпер так не считал.

Прицел передвинулся к месту, находившемуся шагах в пятидесяти от входа в пещеру.

3

Кардо

Туман белой пыли отражал луч фонарика прямо в глаза Лэнгу, и он ничего не мог разглядеть, пока не вошел и полностью не скрылся в пещере. Он не видел стен и, разумеется, не видел низкого потолка. Поэтому удар оказался такой силы, что в глазах заплясали разноцветные звездочки.

Чтобы не приложиться в очередной раз, он нагнулся и двинулся дальше. И как он не догадался, что чертов потолок окажется совсем низким. Ведь много веков назад мужчины редко вырастали выше 155 сантиметров. Ему ни разу не встречались доспехи, которые могли бы на него налезть.

Пыль уже достаточно осела, и Лэнг разглядел отметины, следы, оставленные каменотесами, — те самые, которые обнаружил Пьетро. Пещера была расширена благодаря человеческому труду — настолько тяжелому, что Лэнгу было страшно его вообразить.

Он медленно двигался вперед, аккуратно переставляя ноги, чтобы не потревожить белую взвесь, ковром устилающую пол. И все же ее по-прежнему хватало в воздухе, поэтому он не увидел «этого», пока луч фонарика не высветил силуэт на фоне противоположной стены. Каменный предмет прямоугольной формы примерно 50 на 40 сантиметров и 30 — 35 сантиметров в высоту. Лишь своими правильными очертаниями он отличался от камней, нападавших с потолка за минувшие столетия. По выемке в пыли, мягким слоем устилающей предмет, можно было определить, что он с крышкой. Подойдя ближе, удалось различить на поверхности какие-то неровности, возможно, буквы. Дрогнувшей рукой Лэнг провел по камню — от этого легчайшего прикосновения в луче фонарика тут же взвились и закружились пылинки. Поверхность показалась ему теплой, почти горячей по сравнению с прохладой окружавшей темноты.

Он осторожно постарался сдвинуть крышку. Но она была настолько безупречно пригнана, что тысячелетняя

пыль и грязь скрепили ее, словно цементом. И снова Лэнг ощутил тепло, исходившее, казалось, из самого ящика.

Присев на корточки, он наклонился и приблизил лицо к камню. Потом закрыл глаза и потихоньку дунул, как в юридической школе, когда сдувал пыль с книжек, которых давно никто не открывал. Едва, по его предположению, маленькая буря улеглась, он открыл глаза и посмотрел.

Почти всю надпись покрывали трещины, как и положено камню, который расширяется и сужается от перепада температур в пещере. Один ряд знаков походил на еврейские письма, Лэнг однажды видел их в синагоге. Наверное, древний язык евреев — арамейский. И еще латынь, едва различимые буквы.

Лэнг был так потрясен, что легкие его, казалось, сами собой расширились от изумления, в рот тут же набилась пыль, и он закашлялся. Он не помнил, как с корточек опустился на колени и сел на пол, пристально глядя на античные буквы, высеченные ярким кругом от фонарика. Решать загадку картины — это одно, так, упражнение для ума. Понять эту надпись — совершенно другое дело. Мысли крутились, как катушка спиннинга, он был не в состоянии даже предположить все последствия такого открытия. Соньер, Пьетро... вот и они чувствовали то же самое, что Лэнг сейчас.

Неожиданно пещера наполнилась светом, бьющим из-за спины.

— Очень умно, мистер Рейли, поздравляю вас!

В первое мгновение Лэнг подумал, что его в конце концов догнала полиция. А затем испугался, что не догнала.

Забыв о высоте потолка, он встал на ноги.

— Стойте там, где стоите сейчас, если хотите остаться в живых, мистер Рейли. И потрудитесь держать руки так, чтобы мне их было видно.

Лэнг поднял ладони вверх — всемирный жест капитуляции. Этих людей не стоило раздражать. Его грубо схватили сзади, пригнули голову и швырнули на камень, прижав к стене. Последовал быстрый, но вполне профессиональный обыск: чужая рука проверила его карманы, вынув все содержимое, после чего почти сухая рубашка отодвинулась от его лица.

— Он не вооружен, — услышался другой голос. — Но здесь копия какого-то письма.

Копия, которую Лэнг сделал на почте.

Лэнг отважился повернуть голову и бросить взгляд через плечо. Он увидел только слепящий свет.

— Может, вам захочется прочесть это письмо, — сказал Лэнг, — прежде чем сделать что-нибудь... опрометчивое.

Его обхватили за плечи, резко повернули и толкнули к выходу, вновь стукнув головой о низкий потолок скалы. Выйдя наружу, он замешкался: после темноты дневной свет ослепил. Когда глаза немного привыкли к солнцу, он увидел мужчину лет пятидесяти, — в таком костюме ему бы в зал заседаний, а не в горы. Он читал записку, и, судя по выражению лица, она его не позабавила.

То была старая хитрость — письмо «если со мною что-то случится», ничего выдающего. Но — банальность или нет — Лэнг надеялся, что она сохранит ему жизнь, по крайней мере сейчас. В этот момент он был готов спастись с помощью любого штампа, затертого книжками до дыр: хоть предсмертного письма, хоть конной скачки по холмам.

Рядом с человеком в костюме стояли еще два парня, помоложе и покрупнее. Выглядели они так, словно когда-то играли в футбол, регби, хоккей — спортивные игры, где противнику специально причиняют боль. Их шеи обрамляли накрахмаленные воротники рубашек, сшитые на заказ костюмы были набиты телом плотно, как оболочки сосисок мясом. Итальянские ботинки стоили не менее тысячи долларов — такую обувь носит корпоративная элита. Судя по блеску кожи, эти туфли нечасто совершали экскурсии, подобные сегодняшней. Гардероб довершали 10-миллиметровые «MP10 хеклер-и-кох», пистолеты-пулеметы, достаточно небольшие, чтобы со сложенным прикладом поместиться в портфеле, — пушки, помощнее тех, что были у убийц в Лондоне. Такое оружие выбрали для себя Секретная служба США и «Морские котики». Но эти парни явно не оттуда.

Лэнг не оборачивался, но был уверен, что экземпляр сзади — выбросивший его толчком из пещеры — слеплен по тому же шаблону.

Человек, читавший письмо, поднял взгляд. Лицо у него было худое и загорелое, обрамленное длинными седыми волосами.

— Кому вы это послали? — поинтересовался он.

— Санта-Клаусу, — ответил Лэнг. — Я уже готовлюсь к Рождеству.

Легкий кивок головой, и руку сзади рванули вверх, что-то хрустнуло, и плечо пронзила боль, настолько резкая, что Лэнг задохнулся.

— Сукиных детей никто не любит, мистер Рейли, — сказал человек без следа гнева на лице, словно отчитывая надоедливового ребенка. — Уверяю вас, ответ я получу. Вопрос лишь в том, сколько вы выдержите.

Лэнг демонстративно огляделся слева направо.

— Не вижу дыбы, тисков для пальцев — никаких приспособлений, которыми Филипп и его ребята пытали ваших людей. Конечно, вы умеете задавать вопросы и без пыточных орудий.

Последовал еще один рывок. По представлению Лэнга, такой звук могли издавать только рвущиеся связки. Из глаз посыпались искры — ярче, чем в пещере, когда он приложился головой.

— Так я жду ответа, — произнес седовласый.

— И что мне будет за это? — спросил Лэнг. — Не думаю, что спокойно уйду отсюда, выслушав слова благодарности.

Седовласый был не первым человеком, который называл Лэнга сукиным сыном, и Лэнг искренне надеялся, что не последним. Но бывший разведчик вовсе не упражнялся в светском остроумии. Прошлые научило его, что, попав в сложную ситуацию, нужно выиграть время, чтобы найти из нее выход. Однако в окружении трех мужиков с пистолетами похоже было, что Лэнгу понадобится целая куча времени.

Старший — и, сразу понятно, главный — подарил Лэнгу улыбку, которая не растопила бы и снега в июле.

— Вы проникательный человек, мистер Рейли.

Он кивнул громиле слева. Тот свободной рукой полез во внутренний карман пиджака и выудил длинную узкую коробку, напоминающую футляр для ювелирных украшений. Внутри оказался шприц.

— Вам, ребята, пора открывать собственную клинику, — заметил Лэнг. — При каждой нашей встрече вы пытаетесь сделать мне укол, но ни разу не поинтересовались, нет ли у меня аллергии.

Седовласый снова еле заметно кивнул, и парень со шприцем шагнул вперед.

— Что внутри? — спросил Лэнг. — Сыворотка правды?

— Пока нет, мистер Рейли, — был ответ. — Позже, может быть, немного пентотала натрия. А пока мы всего лишь хотим успокоить вас, чтобы вы расслабились и насладились путешествием, как говорят американцы.

— У меня к вам есть пара вопросов, — сказал Лэнг. — В конце концов, мы оба понимаем, что вы не отпустите меня писать в журналах разоблачительные статьи. Почему бы вам хотя бы не удовлетворить моего любопытства? Седовласый вздохнул.

— И тогда, без сомнения, вы ответите мне, кому послали письмо.

— Чтобы вы убрали их, как мою сестру и племянника, убили, как портье в моем доме и продавца антиквариата? Не думаю, что вы поверите мне, даже если я соглашусь.

Вдали на холме, но не со стороны дороги, мелькнула вспышка, словно солнечный луч отразился от гладкой поверхности — от стекла или металла. Лэнг даже не был уверен, что на самом деле увидел ее. Седовласый и его приятели ничем не показали, что заметили мгновенный блик. Лэнг отвел глаза в противоположную сторону, чтобы, если вспышка действительно была, не выдать ее взглядом. Хотя, что бы это ни сверкнуло, маловероятно, что в его честь.

Вряд ли Лэнг когда-нибудь сильнее заблуждался.

Седовласый подал знак человеку со шприцем, велел минуту подождать.

— Тогда, может, вы расскажете мне, как нашли пещеру и... то, что в ней находится. Я бы хотел удостовериться, что никто больше не знает об этом. Только поторапливайтесь со своими вопросами, мистер Рейли.

Он сел на тот же выступ, на котором Лэнг дожидался, когда осядет пыль, и положил письмо на колени. Лэнг почувствовал, что давление на руки немного ослабло. Сустав, который выкручивали, так и горел.

— Тамплиеры, — произнес Лэнг, — ведь вы тамплиеры?

Седовласый заговорил, словно рассказывая историю своей семьи.

— Совершенно верно, мистер Рейли. Раз вам известно, кто мы, значит, вы также знаете нашу историю. В тысяча триста седьмом году король Франции (он серди-

то нахмурился, как будто это его предали), вероломный Филипп, разослал своим ставленникам приказы арестовать рыцарей Храма Соломонова и выдвинуть против них лживые обвинения. Наши шпионы были повсюду, по всей Европе. Они предупредили об опасности, и многие, кто мог бежать, не привлекая к себе внимания, успели скрыться в Шотландию, где Климент — этот Филиппов лакей — не мог достать нас. Шотландский король, Роберт Брюс, был отлучен Папой от Церкви и не дружил с ним.

Он говорил без акцента, хотя у Лэнга сложилось впечатление, что английский язык для него неродной. Немного выдавали интонации.

— И многие из ваших смогли спастись? — Лэнг подумал о бедном Пьетро, брошенном инквизиции на заклание. — Вы бросили часть своих братьев, обрекли их на пытки, смерть, костер.

Седовласый скрестил ноги. Лэнг заметил, что на нем короткие носки, которые предпочитают носить европейцы.

— Так рассудил Господь — кому уйти, кому остаться, а не мы.

Лэнга так и подмывало спросить, как Господь возвестил о своем выборе — каменными скрижалями или пылающим кустом. Но вместо этого он спросил:

— А Климент, должно быть, с восторгом подчинился Божией воле, распуская целый орден, верно? Ведь вы его шантажировали, как и сегодня шантажируете Ватикан.

Седовласый полез во внутренний карман пиджака, достал серебряный портсигар и протянул его, чтобы Лэнгу было видно. Надо полагать, сделано из тридцати печально знаменитых серебряников, заплаченных Иуде. Вынув одну сигарету, он предложил Лэнгу закурить.

Лэнг покачал головой.

— Не курю. Берегу здоровье.

Если тамплиер и уловил иронию в его словах, он не обратил на нее внимания.

— Шантаж — какое безобразное слово, мистер Рейли. Мы предпочитаем говорить, что охраняем главный секрет Ватикана.

Он поднес к сигарете золотую зажигалку «Ронсон».

— А также владеете этим секретом — с тех пор, как случайно открыли его во время Крестовых походов, — заметил Лэнг.

Седовласый выпустил изо рта голубой дым, который тотчас развеял легкий ветер.

— Да, с некоторых пор мы служим Истинной Церкви. Лэнг даже не пытался скрыть презрения в голосе:

— Ничего себе служба! Убийства, шантаж. Вряд ли это назовешь христианскими добродетелями!

Если седовласого и задели эти слова, он не подал виду.

— Прискорбно, но несовершенный мир не позволяет неукоснительно следовать христианским добродетелям. В конце концов, наш орден был основан как военный, его члены обучались неподобающему для христианина военному искусству. Это было необходимо в то время. И сегодня вести себя не по-христиански тоже иногда бывает необходимо. К счастью, нам дано таинство исповеди для того, чтобы каяться и получать отпущение грехов.

— Включая убийство женщин и детей?

Седовласый затушил сигарету.

— У нас нет времени на идеологические споры, мистер Рейли. Достаточно будет сказать, что, когда мы взяли Иерусалим, один из рыцарей случайно обнаружил пергамент, который привел нас сюда, — тот самый, что священник Соньер нашел в алтаре.

Улыбка слегка тронула его губы и исчезла.

— Мы понимаем, что о Соньере вам все известно, мистер Рейли. Иначе зачем навещать Ренн-ле-Шато, это глухое местечко? То, что мы нашли здесь, на Кардо, должно быть защищено, и неважно, кто при этом пострадает.

— Какая любовь к ближнему своему!

— Мистер Рейли, я ответил на ваш вопрос: да, мы там-плиеры. А теперь вы должны ответить на мой...

Он кивнул головорезу со шприцем.

Кардо

— Лучше тебе выстрелить, пока он не всадил этот шприц, — сказал снайперу товарищ. — Держу пари, в нем какая-то гадость.

Снайпер не шелохнулся.

— Гаже пули ничего нет. Если я поспешу и промажу, Рейли получит свинец в голову.

Человек воздержался от резкого ответа. Он знал: послать пулю точно в цель с большого расстояния — вели-

кое мастерство, зависящее от метрологии, математики, химии, физики и биологии в равной степени.

Чем дальше выстрел, тем сильнее действует на него даже самый легкий ветерок. Взрывчатое вещество снаряда, порох, должно быть в точности нужного качества, чтобы гореть с рассчитанной скоростью и обеспечить именно ту силу выстрела, которая необходима. Слишком слабый выстрел — недолет. Слишком сильный — и, вероятно, пуля полетит по высокой траектории, а значит, мимо цели.

Стрелок должен быть наделен такими физическими способностями, которые позволили бы ему дышать в ритме выстрела: вдох, выдох, задержать дыхание, медленный выдох, пока в легких не останется ровно столько воздуха, чтобы руки твердо держали оружие, но не столько, чтобы вызвать чуть заметную дрожь. На таком расстоянии крохотная, мельчайшая ошибка, один сантиметр, — и пуля ляжет на несколько шагов в сторону.

Сила тяжести тоже влияет на траекторию в зависимости от того, стреляешь ты с вершины горы вниз или от ее подножия — вверх. Чтобы это отклонение было минимальным, необходима точная регулировка прицела.

Будь все так легко, давно бы выстрелили.

Он сдержал свое нетерпение.

Кардо
10:42

Сперва Лэнг подумал, что человек с иглой собирается молиться. Ноги у него подогнулись, и он опустился на колени так медленно, что Лэнг не осознал, что происходит нечто неожиданное, пока, несколько секунд спустя, не раздался звук выстрела. Эхо еще продолжало метаться по горам, как испуганный голубь, когда тамплиер повалился лицом на землю. Там, где раньше был затылок, взгляду открылись мозги вперемешку с кровью.

Одним движением Лэнг вырвался из ослабших от удивления рук, схватил письмо и нырнул вниз с горы. Он сильно ударился, едва не выбив весь воздух из груди, и покатился по склону, стараясь не замечать, как секут кожу острые камни, пока не очутился за большим валуном, скрывшим его от глаз тамплиеров.

Звонящая тишина — вовсе не нелепое выражение. Пременчивый ветер раздумал шелестеть песком по камням. Не слышалось звуков машин с отдаленной дороги. Было так тихо, что даже память о выстреле начала тускнеть и расплываться, как сон. Создавалось впечатление, что Лэнг оглох или что все звуки перестали существовать.

Он представлял себе тамплиеров, тоже попрытавшихся за камнями. Звонкий, почти как хлопок в ладоши, выстрел означал, что стреляли с дальнего расстояния. Снайпер наблюдал через оптический прицел и выжидал.

Зачем? Лэнг был совершенно уверен, что целили не в него. Если бы в него, не сидеть бы ему сейчас за валуном. Уж если на то пошло, тамплиерам нет никакого смысла хватать его на месте преступления, а после убивать, не успев выведать, как он раскрыл их секрет и кому отправил письмо.

Так чей же это был выстрел?

Лэнг бросил раздумывать. Неважно. Если только стрелок не даст тамплиерам высунуться, пока он будет перебегать от камня к камню вниз по холму — к дороге... А почему бы не попробовать?

Мертвым он им не нужен: тогда они не узнают того, что хотят. Поэтому если таинственный стрелок не намерен причинять Лэнгу зла, а тамплиеры хотят поймать его живым, то...

Рисковать жизнью не хотелось. Упускать благоприятную возможность тоже.

Когда Лэнг рванул к следующему камню, один из «хеклер-кохов» выпустил короткую очередь, и каменные осколки впились в лицо Лэнга, как пчелы. А у него не было никакого оружия, даже перочинного ножа. Стой он нагишом посреди Атланты, и то не чувствовал бы себя настолько незащищенным.

Лэнг сидел, пытаясь вычислить, откуда раздались выстрелы, как вдруг, кроме затихающего эха автоматной очереди, услышал еще какие-то звуки. Кто-то двигался в его сторону, медленно и осторожно переступая. Не было сомнений: этот человек тоже пытался уберечь голову от неизвестного снайпера.

Лэнг положил копию письма на землю, прижав ее тяжелым камнем. Если схватят, этот тайничок сыграет роль козырной карты. Огибая валун, Лэнг зашел с другой сто-

роны так, чтобы скала находилась между ним и человеком, идущим по дороге. Подобрал с земли белый булыжник, как раз уместившийся в ладони. Не автомат, конечно, но все же лучше, чем вовсе без оружия. Наверное...

Кардо
10:42:30

— И что теперь? — требовательно спросил человек с биноклем. — Они все скрылись.

Снайпер не отрывал взгляда от оптического прицела.

— Будем ждать.

— Ждать? Сколько еще?

— Столько, сколько надо.

Кардо
10:43

В отличие от ботинок, приближавшихся к Лэнгу, «мefисто» с их каучуковыми подошвами глушили шаги. И все же он не мог до бесконечности играть в прятки вокруг скалы. У этих парней выбор для тактических маневров невелик: один огибает скалу, а другие тем временем поджидают, пока Лэнг не окажется в их поле зрения. Незвестной величиной оставался снайпер. Им — тамплиерам — надо перемещаться, пока они укрыты от винтовки, Лэнг уже совсем готов был допустить, что стрелок целил не в него.

Ботинки остановились у противоположной стороны валуна и медленно двинулись к Лэнгу слева. По-прежнему сжимая подобранный камень, Лэнг взял на пару шагов вправо. Еще два шага — и он окажется на виду. В воображении всплыла картина: один из толстошеих «близнецов» смотрит поверх тупого рыла «хеклер-и-коха», дожидаясь, когда его можно будет навести в спину Лэнга.

Единственная вещь, которой они наверняка не ждут, — это что Лэнг перейдет в наступление. Заткнув камень под ремень, он принялся искать выступ на валуне — хоть что-нибудь, за что можно уцепиться. Пальцы нащупали маленькую трещину, и он подтянулся. Надежные «мefисто» плотно уперлись в камень.

Верхушка скалы находилась на высоте шести-семи метров и оказалась метра три в поперечнике. Острая, ис-

пещренная складками, слишком глубокими, чтобы Лэнг мог всем телом по ним распластаться, однако недостаточно глубокими, чтобы укрыть его целиком. Оставалось лишь надеяться, что тамплиеры, разыскивая его, не будут отрывать взгляд от земли и что не он — мишень снайпера.

Внизу раздался звук. Лэнг извернулся и выглянул. Он и не заметил, что у одного из тамплиеров лысина. Тот осторожно двигался вокруг скалы, прижав приклад оружия к плечу.

Лэнг вытащил из-за пояса камень, сел на корточки и сгруппировался: если он хочет поразить этого мужика своим весом, надо не сползать, а прыгать.

Что-то заставило его кинуть взгляд через плечо как раз перед тем, как оттолкнуться. В тридцати метрах выше по склону он увидел «хеклер-и-кох». Лэнг знал, что это оружие не слишком точно бьет в цель, но с тридцатизарядным магазином меткая стрельба — роскошь. Теперь уже было некогда прикидывать, приземлится ли он точно на тамплиера, оставалось только прыгать на авось.

Лэнг бросил последний взгляд вниз на голову и плечи и привстал на ноги. Даже с тридцати метров он был уверен, что видит, как самоуверенно скалится тамплиер. Чтобы точнее прицелиться в Лэнга, человек с «хеклер-и-кохом» высунулся из-за скалы и теперь находился на отличном обозрении. Это была роковая ошибка. Его голова разлетелась вдребезги.

Лэнг оторвался от каменного уступа как раз в тот момент, когда второй за сегодняшний день выстрел винтовки с грохотом носился от холма к холму, точно трик-шот* на бильярдном столе.

Этот звук заставил человека внизу задрать голову. Он дернулся, но не успел избежать столкновения. Удар оглушил обоих, и они, сцепившись, полетели на землю. Тамплиер изо всех сил пытался направить на Лэнга пистолет. Лэнг, просунув руку под мышку противника, давил по верх плеча ему на затылок, не давая прицелиться. Другой рукой Лэнг занес камень, приготовясь раздробить череп тамплиера.

— Довольно, мистер Рейли!

* Трик-шот — артистический бильярд, где главное — выполнить эффектный удар.

Услышав эти слова, Лэнг в ту же секунду почувствовал, как в его шею ткнулась холодная сталь. И пистолетное дуло, и голос седовласого он узнал одновременно. Значит, вот оно как: один тамплиер отвлекает на себя снайпера, другой становится наживкой с идущим по пятам седовласым, обоих валун загораживает от снайпера.

— Бросьте камень, руки за голову. А теперь медленно вставайте.

Лэнг сделал, как было велено.

Человек, на которого он прыгнул, шатаясь, поднялся на ноги. Рукава и брюки у него были порваны, на пиджаке швом наружу зияла дыра. Не носить ему больше этого костюма. Вот и все добрые новости — вдобавок к той, что двоим душегубам уже больше никого не убить.

Седовласый, держа оружие у головы пленника, произнес несколько слов на языке, которого Лэнг не понял. Потрепанный тамплиер встал спиной к Лэнгу.

— Положите ему руки на плечи, мистер Рейли, — приказал седовласый.

Лэнг подчинился, и трио стало медленно спускаться вниз с горы. Теперь, кто бы ни стрелял по тамплиерам, рисковал, что пуля прошьет всех вместе — с Лэнгом заодно. Умно придумано.

Кардо
10:47

— Черт! — человек встал, глядя в бинокль. — Они уходят.

Первый раз за несколько часов снайпер оторвался от прицела.

— Не все.

— Ну и что с того? — неодобрительно пробурчал его напарник. — Они забирают Рейли. Нам надо идти за ними и посмотреть, где ты сможешь убрать оставшихся двоих.

— А если я попаду в него? Сумасшедший! Он между ними, как ветчина в сэндвиче.

— Не думаю, что его рассмешило бы эта шутка. А они тем временем уходят.

— Ничего. Здесь они не будут останавливаться, а куда его повезут, мы знаем.

Кардо
11:03

На другой стороне горы Лэнг с тамплиерами приблизились к «рендж-роверу», укрытому между двумя выступами горной породы, такими огромными, что машины не было видно, пока они чуть не оказались у нее на крыше.

— Назад, — потребовал седовласый.

Лэнг полез внутрь и тут почувствовал сзади укол в шею. Он еще не успел опуститься на сиденье, как салон машины начал колебаться, словно он смотрел на него сквозь воду. Руки и ноги налились тяжестью — такой, что невозможно было ими пошевелить. Поняв, что произошло, Лэнг попытался воспротивиться действию наркотика. Но ему было слишком хорошо. А потом в глазах потемнело.

Глава

1

Место неизвестно
Время неизвестно

огда к нему вернулось сознание, Лэнг не смог понять, где он и сколько времени провалялся без памяти.

Ну, разумеется, они и не хотели, чтобы он знал, раз уж собирались проводить допрос с пристрастием. Что ж, они преуспели. Единственное, что ему известно, — это что он лежит на ужасно неудобной кровати, пялясь на какой-то старомодный балдахин. И что рука по-прежнему чертовски болит после того, как ее выкручивали на склоне горы.

В ЦРУ полную дезориентацию преподавали как действенный метод допроса. Когда пленник находится в полном неведении относительно того — день или ночь на дворе, сколько времени, какое сегодня число, его биологические часы сбиваются и вообще происходит нарушение биоритмов. Правда, биоритмы восстанавливаются, когда организм приспосабливается к новому графику. Чтобы допрос проходил эффективно, ты должен удостовериться, что ни одно действие не происходит в одно и то же время два раза подряд. Точно так же нельзя давать заключенному понять, где он находится. Неведение вызовет у него самые разные страхи, которыми можно будет воспользоваться.

То же со светом. Ты держишь заключенного в помещении без окон и с одним и тем же уровнем

освещения все двадцать четыре часа в сутки. Если его лишают сна, свет яркий, бьющий в глаза, если нет — слабый, чтобы плохо было видно.

Разговор о сыворотке правды был пустым трепом. Вопреки старым шпионским романам, толку от наркотиков немного. Пентотал натрия, скополамин, другие снотворные с похожим эффектом подавляют способность мозга выдумывать, врать, но пользоваться ими рискованно. Слишком маленькая доза — и тебе будут врать по-прежнему, слишком большая — и субъект уснет, а то и вовсе помрет. Любой наркотик заставляет человека лепетать нечто маловразумительное.

Простая и понятная старомодная попытка тоже не самое надежное средство. Она — действенный способ, если нужно выбить признание вины, но именно по этой причине с ее помощью трудно раздобыть точную информацию: человек брякнет любую ложь, лишь бы боль прекратилась. Лэнг очень надеялся, что тамплиеры хорошо это осознают.

Современный допрос состоит в том, чтобы вымотать субъекта, сломить его волю. Говоря примитивно и неуважительно — промывка мозгов.

Лэнг сполз с высокой кровати и обошел по периметру маленькую комнату. Внешняя стена была округлой формы — любопытно, какого же вида здание снаружи? Единственное окно было закрыто ставнями и, можно не сомневаться, зарешечено снаружи. На двери — хитро сработанный медный замок. Нагнувшись, он приложил глаз к замочной скважине, но ничего не увидел: с той стороны был вставлен ключ.

Тусклая лампа на потолке отбрасывала совсем мало теней, потому что кроме кровати и Лэнга в комнате ничего не было. Ни картин на стене, ни ковра — ничего. Если бы не доски из твердой древесины на полу и не цветные, несомненно, дорогие обои, он бы решил, что находится в тюремной камере.

А где же... Он поискал взглядом дверь, которую мог сразу не заметить, — вход в туалет, но ничего не обнаружил. Нагнувшись, он увидел под кроватью фарфоровый кувшин. По крайней мере не он тот парень, который будет его выливать. Что ж — первая хорошая новость!

Огибая комнату во второй раз, он принялся считать гвозди, вбитые в пол. Надо было чем-то занять ум — это

лучшая защита от дезориентации. На шестьдесят втором гвозде в замке повернулся ключ. Лэнг бросился на кровать, улегся и притворился, что он все еще спит.

— Подъем, мистер Рейли, — произнес все тот же знакомый голос. — Лекарство, которое мы вам дали, уже перестало действовать. Хватит прикидываться опоссумом*, как сказали бы вы, американцы.

Лэнг открыл глаза и с изумлением воззрился на вошедшего. В дверях стоял седовласый в кольчуге. На плечи его был накинут белый плащ с красным крестом на груди. Ступни прикрывали стальные башмаки с острыми ногами.

— Только не говорите, что вы как раз направляетесь к чародею просить любовный напиток, — произнес Лэнг.

Тамплиер с недоумением посмотрел на него.

— Что, простите? — затем нахмурился и сухо заметил: — Полагаю, ваши слова относятся к моему облачению. Находясь в храме, тамплиеры одеваются в соответствии с традицией.

В храме? Что за сумасшествие?

Седовласый отступил в сторону. За его спиной стоял другой человек, в одежде, напоминающей монашеское одеяние, из-под которого выглядывали голые лодыжки и шлепанцы. В руках он держал блюдо, от которого исходил явственный аромат еды. Лэнг вдруг вспомнил, что последний раз завтракал утром того дня, когда его захватили в плен.

Седовласый произнес:

— Вы проголодались, несомненно. Келарь принес вам кое-что из трапезной. Еда непритязательная: местное блюдо, соленая треска. Но питательно.

Человек в монашеской хламиде поставил на кровать деревянный поднос. Теперь запах стал еще лучше. В овощах утопало белое рыбье мясо.

— Прошу вас, ешьте, — предложил седовласый.

Лэнг перевел взгляд с одного на другого.

— А вилка? — спросил он.

— Вилками не пользовались до шестнадцатого века, — покачал головой седовласый. — Мы пользуемся только

---

* Опоссум — зверек, в минуту опасности притворяющийся мертвым. Обитает в Северной Америке.

ножом, как делали наши предшественники. Мы стараемся избегать суеты современного мира.

— Хорошо, — сказал Лэнг, пожирая глазами деревянный поднос, источающий чудесное благоухание, — тогда дайте нож.

Человек в коричневом одеянии пододвинул еду поближе к Лэнгу.

— Боюсь, вам придется есть вообще без прибора, мистер Рейли, — проговорил седовласый. — Я думаю, вы поймете наше нежелание подавать вам нож.

Лэнг был слишком голоден, чтобы проявлять щепетильность.

Он взял кусок рыбы пальцами и отправил его в рот. Нечасто ему доводилось есть такую вкуснятину. Он уже почти доел, когда седовласый и его спутник повернулись и вышли из комнаты.

— Увидимся позже, — сказал тамплиер, затворяя дверь.

Спустя секунду щелкнул замок.

Лэнг слизывал жидкость с деревяшки, когда комната начала кружиться. Очертания углов смазались, гвозди в полу стали покрываться туманом. Голова вдруг сделалась такой тяжелой, что удержать ее не было возможности. Они приправили блюдо чем-то еще, кроме пряностей.

Но зачем? — промелькнуло у него в голове, пока мир вокруг тускнел. Ведь в спящем состоянии его уже не допросишь.

Однако он уже был слишком сонным, чтобы размышлять.

2

Место неизвестно

Время неизвестно

Ощущение сытости подсказывало, что без сознания он пробыл не больше пары часов. В глаза бил яркий свет. Хотя он уже проснулся, но был вялый, а голова по-прежнему весила тонну.

— Что ж, я вижу, вы очнулись, — послышался голос из-за стены света. — Пора ответить на несколько вопросов.

Лэнг с трудом приподнялся и сел.

— Только я на последний вопрос сам ответить не смогу, мне надо позвонить за подсказкой, хорошо?

Ответа не последовало. Понятно: у седовласого были дела поважнее, чем смотреть американские передачи по телевизору.

— Я хочу знать две вещи, мистер Рейли. Как вы нашли наш секрет и кому отправили письмо?

— Правильно, — проговорил Лэнг. — И как только я расскажу вам, то сразу выйду отсюда.

— Я уверяю вас, как-нибудь это дело будет улажено.

Улажено — пулей в затылок.

Но вслух Лэнг сказал:

— У меня тоже есть вопросы. Например, если вы хотели сохранить секрет Бланшфора, то зачем Пуссен фактически нарисовал карту этого места?

— Вы испытываете мое терпение, мистер Рейли. Но я отвечу вам, чтобы продемонстрировать нашу добросовестность. Мы всегда стояли перед выбором: рискнуть записать секрет или рисковать, что он будет навсегда утерян, если члены нашего ордена погибнут от какого-то внезапного бедствия. Века назад это была чума; сегодня — массовые разрушения, причиняемые дикарями-террористами, которых Западу не хватает силы духа уничтожить, нанеся первый удар. Поэтому в начале семнадцатого века, во времена Пуссена, было принято вовсе не безрассудное решение создать некое подобие записи о том, где... можно отыскать это место. Вместе с изустной частью нашего обряда инициации, картина была призвана сохранить точное местоположение.

Лэнгу было так интересно, что он забыл, как сильно у него кружится голова. Он уселся поровнее.

— Откуда вы могли знать, что Пуссен не выдаст вашего секрета?

Свет немного сместился, и Лэнг сумел различить силуэт седовласого. Кажется, он сидел, хотя в комнате было не на чем сидеть, кроме кровати. Они принесли стул?

— Пуссен был франкмасоном.

— И что из того?

— Масонство — орудие нашего ордена. Его члены подчиняются нам. Мы контролируем их по всему миру, всегда контролировали. Почти до настоящего времени многие выдающиеся люди были масонами, например ваш Джордж Вашингтон, большинство ваших отцов-основателей. Вот откуда нам известны важные государственные тайны. Мы

не собираемся устраивать себе новый тысяча тридцать седьмой год.

Если отвечать на ваш вопрос точнее, Пуссен написал свою картину, потому что ему был отдан приказ это сделать. Та же работа с небольшими отличиями сейчас висит в Лувре. Он никогда не понимал ее значения. Мы сделали несколько копий, по одной для каждого из капитулов. В прошлом году у нас состоялся переезд в Лондоне из одного помещения в другое. Часть вещей мы решили продать. Перевозчики мебели по ошибке упаковали эту картину вместе с вещами, предназначенными на продажу. Ну вот, я ответил вам. Я хочу знать, куда вы отправили письмо.

Лэнг зевнул, даже не сильно притворяясь, и ноющей рукой медленно повел в воздухе.

— Так ведь вы еще кого-нибудь можете убить. Не хотелось бы.

Раздался вздох.

— Ладно, мистер Рейли. Мы оставим вас ненадолго, чтобы вы обдумали свое положение. Когда мы вернемся... ну, боюсь, для вас это будет очень неприятный момент. Мы больше не используем дыбу и тиски для пальцев. Но у нас получают презабавные штуки с зажимами-«крокодилами» и автомобильными аккумуляторами, простыми электроплитками и человеческой кожей. Я предостерег вас, хотя времени у нас немного.

Теория Лэнга о том, что пытка как метод допроса устарева, не оправдывалась.

Послышалось, как сдвинулся стул, — седовласый поднялся. Лэнг уже расслабился и хотел было откинуться на кровати, как неожиданно из темноты протянулись чьи-то руки, схватили его и завели локти за спину. Запястья быстро приковали наручниками к кровати и стянули штаны. Плечо горело.

— Вот что, — начал Лэнг, — конечно, мы...

Кто-то в буквальном смысле слова схватил его за яйца. Натянул кожу на мошонке, и Лэнг почувствовал прикосновение холодного металла. Прежде чем он успел произнести еще хоть слово, дыхание перехватило от пронзительной боли, которая прожгла все тело. Кровь его горела, и он ничего не видел, только стену — красную, как его мучения. Лэнг не слышал собственного крика.

Жгучая, пронизывающая боль вытеснила все остальные чувства, она била судорогой, лишала воли, терзала.

Все прекратилось так же внезапно, как и началось. Наручники расстегнули, и руки Лэнга освободились. Страшное жжение в паху заставило забыть о боли в плече.

— Мало вольт, заряд совсем слабый, — слышался голос из темноты. — Посиди пока один, поразмышляй на досуге о сильном заряде, скажем, о металлическом прутке, приставленном через задний проход к простате.

Они ушли, а Лэнг остался, крепко задумавшись. Такой боли он еще никогда не испытывал, даже получая самый грязный удар в спортивной игре, во что бы ни играл. Осторожно он повернулся на бок. И только тогда заметил, что от шока, который он испытал, кровать под ним мокрая.

3

Место неизвестно

Время неизвестно

Больше Лэнгу не пришлось считать гвозди. Во что бы то ни стало требовалось найти способ вырваться отсюда, пока эти парни опять не прижгли ему яйца.

Каждое движение отдавало сильной болью в паху, напоминая о необходимости побега. Сжимая зубы, Лэнг исследовал окно. Ставни не открывались: наверное, снаружи висел засов, такой тяжелый, что его не сдвинуть, даже если дотянуться. К тому же Лэнг мог находиться не на первом этаже, а прыгать с высоты — не самая свежая мысль.

Избери он ту же тактику, что и с тамплиером в Атланте, с ним быстро расправятся. Должно быть, их предупредили, что он способен броситься, когда они входят в комнату, а уж если входит не один, шансов вообще никаких. Надо придумать что-то еще. Он опять начал медленно бродить по комнате.

Раз здесь стоял стул седовласого, значит, он приносил его с собой. Дверь выстругана из дерева вручную, на ней следы стамески, заметные даже в приглушенном свете. Детали на медной замочной коробке тоже видны.

Лэнг опустил на колени, чтобы изучить замок. Эта поза обожгла пах огнем. Со стоном он снова заглянул в скважину. Современной пружинной щеколды с шарообразной ручкой не было. Как большинство старых две-

рей, эта должна была запираться на простую задвижку изнутри. А вот и дырочки от болтов, показывающие, что раньше здесь стояло это нехитрое устройство. Замочная скважина была по-прежнему затемнена, но Лэнгу была видна тоненькая мерцающая полоска света между дверью и косяком. Он поднял глаза вверх, затем посмотрел вниз. Полоска тянулась сверху донизу, перекрытая только в одном месте штырем замка.

Стараясь не раздражать промежность, он потихоньку сел на пол. Передвинул вверх ногу и грязной подошвой «мефисто» на дверной раме на уровне штыря поставил еле заметную метку.

Потом вернулся к кровати и на сей раз осмотрел ее днище. Вместо пружин оно было сложено из допотопных досок, сквозь которые виднелся хлопковый чехол матраса. Впервые Лэнг был счастлив терпеть неудобства. Доски...

Его так манило вытянуться хоть на несколько минут, понянчиться со своей болью, но времени не было. Он вынул один конец деревянной планки и принялся раскачивать ее вверх-вниз, пока с противоположного конца не раздался хруст. Вынув доску, от отковырнул от сломанного конца щепку и вставил планку на место.

Лэнг сделал все, что мог. Теперь оставалось только положить на благосклонность изменчивой удачи.

Хотя больно было так, словно он мочится огнем, он выпустил в кувшин тонкую струю мочи с кровью. И заколотил в дверь. Должно быть, с той стороны стоял охранник, потому что замок щелкнул незамедлительно.

В дверном проеме показался детина в белой хламиде с капюшоном, подпоясанной веревкой. Наверное, такую одежду носил Пьетро семьсот лет назад. Он стоял спиной к свету, поэтому Лэнг не мог разглядеть черт его лица, хотя видел ореол коротко стриженных светлых волос. А еще поблескивающий автомат, висевший на плече.

— Горшок нужно вылить, — сказал Лэнг.

Даже при тусклом освещении он увидел презрительную усмешку, ноздри громилы с отвращением расширились, словно он нюхал пропахшую застарелой мочой одежду Лэнга.

— Когда наполнишь его доверху, тогда и выльешь, язычник... если проживешь так долго.

Акцент был славянский, русский или что-то вроде этого. Автомат «АК-47», русского, а может, китайского производства, каких после распада СССР осталось полным-полно по всей Восточной Европе.

Отвращение сквозило даже в его движениях, когда он повернулся и большими шагами вышел из комнаты.

Дверь захлопнулась, и Лэнг упал на колени. Ключ загрохотал в замке как раз в то мгновение, когда он вогнал щепку между дверью и косяком. Он почувствовал, как тяжелый штырь уперся в нее, и только молился, чтобы тонкая деревянная пластинка выдержала.

И она выдержала.

Лэнг схватил ручку и повис на ней, чтобы дверь не поддалась, если ее решат проверить снаружи. Стараясь, чтобы незапертая дверь не шелохнулась, он повернулся к ней спиной и сполз по косяку в сидячее положение, рукой поверх плеча придерживая щепку на месте.

Сколько же теперь ждать? Когда ушел седовласый со своим палачом? Он бросил было взгляд на голое запястье, но вспомнил, что часы у него отобрали. Тогда он стал медленно считать до шестидесяти, пытаясь вести счет убегавшим минутам.

Десять. Двадцать. Тридцать.

Очень осторожно он толкнул дверь и чуть приоткрыл ее, чтобы проверить, не скрипят ли петли. Первое, что он увидел в крошечном зазоре между дверью и косяком, была пара ног на стуле. Охрана относилась к своим обязанностям легкомысленно, возможно, слишком легкомысленно, если ровное, глубокое сопение о чем-то говорило. Приободрившись, Лэнг приоткрыл дверь чуть шире. Но повезло ему не так, как хотелось бы. Охранник сидел к нему спиной, склонившись на стуле, и увлеченно возился со своим магазином. Ноги он вытянул и положил на другой стул. Автомат лежал у него на коленях.

Дальше тянулся тускло освещенный коридор, метров семи длиной, и пересекался с другим коридором. Прямо как в крупной гостинице. Только еще не хватало номеров на комнатах.

Лэнг спокойно прикрыл дверь. Ему надо было отойти, но при этом дверь не должна стоять открытой и качаться. Расшнуровав ботинок, он защемил мягкую подошву между полом и дверью. Проверив, на месте ли щепка, он вер-

нулся к кровати. Льянные простыни были оторочены по краям тонким кружевом. Жаль было портить такую красивую вещь, но Лэнг оторвал два длинных куса и опять приблизился к двери. Один кусок он туго скрутил, а из другого сделал петлю.

Охранник все еще возился со своим магазином. Лэнг приоткрыл дверь шире. Если он обернется, Лэнгу конец. Стараясь делать как можно более скупые движения, Лэнг занес «мефисто» над головой охранника. Ботинок приземлился с радующим слух стуком.

Магазин полетел на пол. Охранник вскочил на ноги, хватая свой «калашников». Прошла доля секунды, прежде чем он понял, что удар нанесен сзади, и обернулся. Одним движением Лэнг распахнул дверь и прыгнул. Всем своим весом он обрушился на спину противника, повалил и придавил его к полу. Автомат грохнулся на дощатый пол. Одной рукой Лэнг набросил льянную петлю ему через голову, продел под подбородком и затянул, душа пронзительный вопль, вырывавшийся из глотки. Другой рукой засунул кляп в открытый рот. Охранник тянулся ко рту, пытаясь освободить дыхание, тогда Лэнг поставил колено ему между лопаток и прижал изо всех сил. Человеческая глотка — это мускульная труба, и ее очень тяжело закрыть полностью, но охранник слабел, и это значило, что Лэнг добился успеха.

Тамплиер обмяк, в это время издалека слышался топот ног.

4

Португалия, Синтра

23:40

Через извилистую, засаженную деревьями улицу они наблюдали за двумя верхними этажами дома, которые были видны поверх стены. Окна здания были плотно закрыты ставнями, словно обитатели не желали терпеть дуновения даже самого легкого ветерка с океана, находившегося километрах в десяти отсюда. Это строение можно было назвать замком или дворцом, если судить по размерам и обширным земельным угодьям, окружающим его. Здания по соседству тоже были огромными, напоминая скорее королевские резиденции, чем летние дома. И дей-

ствительно, в холмистой части этого маленького города находились три старинные усадьбы.

Еще в начале 1800-х годов лорд Байрон влюбился в это место, которое считалось привилегированным у европейской знати.

В наше время изысканные дома достались новой мировой элите: международным корпорациям, предпочитавшим размещать штаб-квартиры в зонах с выгодной налоговой политикой.

Сегодня вечером на улице можно было увидеть только двоих людей. Не торопясь и старательно изображая беззаботность, они прогуливались по тротуару, таращась на роскошь горящего огнями здания, обнесенного стенами.

У одной из стен они остановились.

— Совсем нет машин, — заметил снайпер. — И ни одного туриста не видно.

— Ты их сегодня уже и не увидишь, — ответил его спутник, изучая верхнюю часть здания над стеной с колючей проволокой. — Те немногие, что были, приехали сюда на автобусах, съели свой ленч в одном из ресторанов, которые мы с тобой видели на городской площади, и отчалили. Обошли замки — и все. Больше им тут делать нечего. Отели заламывают огромные цены, да еще нужно иметь рекомендации от каких-то малопонятных личностей только для того, чтобы снять комнату.

Стрелок нахмурился.

— Мне никогда не приходилось слышать об этом месте, пока ты не выследил здесь «Пегаса». Как тебе это удалось?

Оба, не сговариваясь, развернулись, словно желая продолжить прогулку. Огромный «мерседес» притормозил на повороте извилистой дороги и, легко ускоряясь, устремился к вершине холма.

— Это твоя работа. Твой знакомый взломал компьютер лягушатников, контролирующий авиаперелеты. И выяснилось, что за весь вчерашний день из аэропорта «Тулуза — Бланьяк» был только один рейс на личном самолете — в Лиссабон.

— Да, но мы не в Лиссабоне.

— Ну и что, он менее чем в двадцати километрах отсюда. Этот городок Синтра всегда давал приют личностям, не желающим привлекать к себе внимания властей. Я по-

звонил одному знакомому португальскому адвокату, попросил его проверить налоговые записи — и готово! Тут же всплыл «Пегас».

Проехав по кривой узкой улице, «мерседес» скрылся за какой-то стеной. Парочка опять принялась разглядывать здание.

— Значит, — произнес стрелок, — ты думаешь, он сидит в этом круглом подобии башни.

Это был не вопрос.

— А зачем еще его сюда привозить?

Они помедлили несколько мгновений и побрели дальше медленным фланирующим шагом туристов.

— Поверх стены колючая проволока под высоким напряжением, — заметил стрелок. — И, держу пари, во дворе камеры видеонаблюдения. И наверняка собаки.

Его спутник озвучил очевидный вывод.

— Так мы же не собираемся вызволять его с помощью лобовой атаки. Наше дело — следить за этим местом и поджидать, пока не представится благоприятная возможность.

— А если так и не представится?

Он пожал плечами, держа руки в карманах.

— Остается только стараться и надеяться на лучшее.

Снайпер нахмурился, огорченный правдивым ответом.

— Они убьют его, пока мы...

Его спутник повернул в противоположную сторону.

— Они уже сто раз могли его убить. Но я сомневаюсь, что они всю дорогу везли его сюда только для того, чтобы прикончить. Насколько я могу себе представить, им хочется узнать, как он раскрыл их тайну. А он знает, что его жизнь продлится ровно столько, сколько он сумеет удержать эту информацию. Он упрямый, до них пока не дошло.

Оба вошли под тень громадного дуба. Его ветви нависали над стеной как раз напротив ворот того здания, что так занимало их внимание.

— Если он выберется, — сказал один, — черта с два он попрется сквозь эти большие железные ворота. Может, нам лучше забрать вещи из машины и приготовить все, что сейчас в наших силах.

— А еще лучше позвонить и вызвать подкрепление, — заметил другой.

5

Лондон

01:23

Инспектор Фицвильям ненавидел ночные звонки еще больше, чем когда его отрывали от ужина и телевизора. Хотя он ни за что бы в этом не признался, его бесило, что звонок телефона не производит никакого впечатления на Шэндон, его жену. После тридцати двух лет супружества непрошенная ночная тревога даже редко вынуждала ее перевернуться на другой бок.

Но этот особенный звонок заставил инспектора позабыть о раздражении. Когда звонивший назвал свое имя, он подпрыгнул, точно его подбросили на пружине, и уселся прямо.

— Кто?

Имя повторили. Он и в первый раз расслышал правильно.

— Где? — спросил он и насупил, услышав ответ. — Подождите! — Инспектор полез в тумбочку, стоявшую возле кровати, достал ручку и блокнот.

— Повторите, пожалуйста.

Звонивший повторил, и в трубке все умерло.

6

Синтра

05:27

Лэнг подскочил к автомату и подхватил его с пола. Бросив ремень через плечо, он поволок тело охранника в комнату и захлопнул дверь. От близкого запаха смерти и при мысли, что он опять убил, его чуть не стошнило. Будь у него время, он бы почувствовал холодное бешенство к этим людям, которые не только сами убивают, но и его сделали душегубом.

Труп был еще тяжелее, чем казался с виду. Подтащив его к кровати и пытаясь дышать только ртом, Лэнг наклонился, рывком ослабил веревку на поясе охранника и сдернул хламиду через неподвижную голову.

Сквозь толщу двери доносились голоса людей, с удивлением обнаруживших, что часовой покинул пост. Лэнг старался двигаться быстрее. Изумившись собственной

силе, он бросил размякшее тело на кровать и накинул сверху простыню. Дверь начала открываться, когда он поднял одеяние над головой и отпустил, позволив ткани опасть вокруг себя, точно большой белой птице, усевшейся на насест. Осталось только накинуть капюшон и спрятать автомат под облачение — и вовремя: седовласый уже стоял в комнате. С ним еще один человек.

Седовласый спросил что-то на непонятном языке, снова прозвучавшем по-славянски. Догадавшись о смысле, Лэнг указал на тело под простыней и что-то пробурчал. Тамплиер опять задал вопрос, на этот раз резко. Лэнг кивнул, обогнул кровать и направился к двери.

Едва оказавшись между двумя людьми и выходом, Лэнг молниеносно повернулся и выскочил в коридор, захлопнув за собой дверь. Как он и надеялся, ключ по-прежнему торчал в замке. Он скорее почувствовал, чем услышал, как с той стороны два тела врезались в тяжелое дерево. Но в это мгновение замковый штырь щелкнул и встал на место. Проявив предусмотрительность, Лэнг положил ключ в карман балахона.

В коридоре стояла тележка вроде той штуки на колесах, в которой автомеханик возит с собой аккумулятор. В ней лежали батарея с проводами и зажимы-«крокодилы». При виде этих предметов Лэнг снова ощутил боль в паху и поборол в себе желание вернуться в комнату и поджарить кое-кому яйца.

Он удостоверился, что коридор пуст, вынул из-под полы автомат и вставил магазин. Полный, со всеми тридцатью патронами. Скверно, что у охранника не было с собой запасного магазина. Боеприпасы, философски подумал Лэнг, как деньги в отпуске: неважно, сколько ты с собой взял, никогда не хватает.

Он рискнул на минуту сбросить балахон, чтобы повесить АК дулом вниз под правую руку. Теперь, если потребуется, он сможет стрелять через ткань. Рассчитывать на меткость при этом не приходится, но русские сделали оружие для беглого огня на относительно близкой дистанции, а не для соревнований по стрельбе.

Держась поближе к стене, Лэнг медленно двинулся по коридору, словно знал, где идет. В том месте, где коридоры пересекались, взгляду в обоих направлениях представала одна и та же картина: тусклый свет, закру-

ленная стена и через равные промежутки — одинаковые двери.

Куда идти, направо или налево?

Лэнг решил, что налево, потому что автомат в правой руке. Если уж доведется стрелять, то не вдоль собственного тела. Вскоре он вышел к арке, за которой увидел вытянутое полукруглое окно и лестницу. За стеклом чернела ночь. Ступени вели только вниз, значит, Лэнг находился на самом верхнем этаже.

Лестница была мраморная. Как и в башне Бланшфор, камень истерся и просел в середине, где башмаки веками протаптывали дорогу. А еще, как и во всех старых замках, подъем ступеней был невысоким — сделан под короткие ноги. Винтовая лестница поворачивала вокруг центральной колонны, скручиваясь такой сжатой спиралью, что пришлось спускаться помедленнее, чтобы голова не кружилась.

Он миновал два этажа. На каждом имелась площадка с окном. Он видел краски ночи и случайные вспышки огней, мерцающих сквозь стекло ручной работы.

Откуда-то снизу, вздымаясь по винтовой лестнице, слышались странные звуки, но Лэнга они совсем не насторожили, он лишь бессознательно прислушивался к ним некоторое время. Чем ниже он спускался, тем отчетливее становились голоса, пока Лэнг не осознал, что это григорианский хорал, латинские песнопения без мотива, но все равно приятные для слуха.

Добравшись до следующей площадки, Лэнг все еще находился слишком далеко, чтобы разобрать слова. Ступени по-прежнему вели вниз, но за окном появились деревья, их ветви вырисовывались на фоне уличных фонарей. Ему показалось, что он даже разглядел стену. Он остановился. Это место — таинственное круглое здание — вероятно, имело подвалы, и, несомненно, с темницами. Если Лэнг все правильно разглядел за окном, он сейчас на цокольном этаже.

Он ступил в окружной коридор со сводчатыми потолками не ниже семи метров высотой. Холод серых каменных стен несколько смягчали гобелены, фигуры на них были изображены в полный рост и почти все забрызганы кровью. Молчаливо страдающих мучеников сжигали на кострах, их плоть пронзали стрелы и терзали львы. Меж-

ду отвратительными картинами возвышались латы: доспехи держали мечи, пустые шлемы косились узкими щелями на тусклый свет.

Это был главный этаж.

Точно терпящий бедствие моряк в анекдоте про адвоката, Лэнг знал, где он находится, но понятия не имел, где находится этот дом.

До ушей Лэнга донеслось эхо шагов по каменному полу. Одной рукой он сжал автомат под одеждой, а другой натянул на голову капюшон, прикрыв лицо. Но в том не было нужды. Фигура в белом одеянии, словно привидение, проплыла в другой конец коридора. Руки перебирали четки, человек что-то бормотал, наверное, слова молитвы. Когда он скрылся, Лэнг почувствовал себя так, как будто сам ее только что прочитал.

Голоса пели хорал все громче, пока наконец Лэнг не приблизился к источнику звука. Огромная круглая комната была переполнена людьми в белых одеждах или кольчугах. В центре круга перед белым алтарем, покрытым резбой, стоял человек, повернувшись лицом к собранию.

Именно так Пьетро описывал часовню в замке Бланшфор.

Проследовав мимо часовни дальше по коридору, Лэнг увидел дверь, которая, по его предположению, вела на улицу. Назвать ее массивной значило ничего не сказать. Две цельные створки, возвышавшиеся почти до потолка, перекрывала железная балка, толстая, как бедро Лэнга. Ее удерживали два блестящих медью крюка в метр вышиной.

Лэнг чуть не кинулся к двери со всех ног, но тут же одернул себя. По обе стороны ворот стояли стражники. Автоматы Калашникова на фоне белых плащей с красными крестами несколько выбивались из общего стиля. Непохоже, чтобы их тут поставили просто для красоты. Оба взглянули на приближающегося Лэнга без особого интереса.

Жестом Лэнг попросил их отворить дверь и в ответ услышал фразу все на том же славянском языке. Лэнг с превеликим недоумением пожал плечами, показывая, что он не понимает. Учитывая интернациональный характер «Пегаса», естественно, не все говорили на одном и том же языке, по крайней мере не на этом.

Человек слева произнес что-то, протягивая руку, явно показывая, что он требует документ, какую-то бумагу. Вероятно, добрые братья должны были отпрашиваться, чтобы уйти.

Охранник, стоявший справа, пристально посмотрел на ноги Лэнга. Его «мефисто»! После того как одним ботинком Лэнг нанес удар, он опять в него обулся. А здесь все носили солереты или сандалии.

Стражник-тамплиер быстро сбросил с плеча автомат, но Лэнг поднял свой, скрытый под белой одеждой, еще быстрее. Звук выстрела потряс каменные стены. Прямо на кресте тамплиера появилось четкое красное пятно, по чистой белизне плаща расплылась кровь.

Оставшийся стражник, как и его братья, был готов умереть за благое дело и лихорадочно схватился за оружие. Лэнг сделал единственный выстрел от бедра, отчетливо осознавая, что его вынуждают убивать снова и снова.

Прежде чем раскаты выстрела перестали перекатываться эхом по сводам потолка, хорал оборвался. Лэнг, бросив автомат, обеими руками вцепился в огромный дверной засов. Он выкинул из головы мысль о том, что дверь могла вести в другое крыло здания или в огороженный двор. Засов весил килограммов пятьдесят. И Лэнг должен был поднять его на добрый метр, чтобы открыть проход. Чудовищное напряжение тысячью кинжалов впилося в плечо, сверкнувшей стрелой пронзило пах. В этом огне сгорело все его раскаяние, что он чувствовал, убив еще двух тамплиеров. На самом деле боль была столь велика, что в какой-то миг ему захотелось остаться, чтобы еще кого-нибудь прикончить.

Звуки за спиной подсказывали, что ему вполне могут предоставить такую возможность. Он обернулся и оказался лицом к лицу с целой компанией, высыпавшей из часовни. Стиснув зубы, чтобы превозмочь боль, такую лютую, что он слышал, как трещат по швам все его моральные устои, он последним рывком вытолкнул засов и пнул дверь ногой.

Огромные петли повернулись, точно замороженные, и между створками образовался проход в метр шириной. Лэнг увидел серый рассвет и почувствовал слабое дуновение ветра.

Еще немного, и он на свободе.

Мгновенный взгляд через плечо подтвердил, что сзади надвигается крайне недовольная толпа. Пусть не вооруженная, зато с враждебными намерениями. Нагнувшись, Лэнг поднял с пола один из автоматов и перевел его в режим непрерывного огня. Проскользнув между гигантскими дверями, он послал очередь в потолок. Звук выстрела и ливень штукатурки произвели впечатление: все пригнулись.

Скатившись по ступенькам, Лэнг спрыгнул на подъездную дорожку. Он не представлял, где находится, просто побежал по асфальту. Субтропические растения, пальмы, юкка, мясистый кактус — и вот огромная стена встала перед ним. Слишком высоко, чтобы забраться, да еще по верху протянута колючая проволока. Кинув взгляд вправо, он увидел электропроводку. Кого бы ни собирались эти ребята сдерживать — людей по ту или по эту сторону стен — настроены они были серьезно.

Но если здесь есть подъездная дорожка, значит, должен быть и выход. Пробираясь в темноте, Лэнг бежал вдоль тротуара, пока не достиг ворот — железных и почти столь же высоких, как те двери, через которые он только что пробивался. Это был единственный видимый способ выбраться наружу. Ворота охраняли двое людей в костюмах. Но они были вооружены, а один из них держал телефонную трубку возле уха. Лэнг был готов поспорить на что угодно, что он не пиццу себе заказывает. Спрятавшись за кустом, он проанализировал ситуацию. Теплый бриз пах влагой, солью и жасмином. Где-то поблизости океан — но какой?

Охранник захлопнул крышку мобильного и положил его в карман, говоря что-то напарнику. Они взяли по автомату в обе руки и начали прочесывать уголья. Можно убрать их двумя короткими выстрелами. С такого расстояния маловероятно, что он промахнется. Одно плохо: звук привлечет внимание других, а у Лэнга не было уверенности, что он сумеет открыть эти ворота. С обеих сторон — стальные трубки, какая-то разновидность механизма, контролирующего движение. Если Лэнг не выдумает, как обмануть это устройство, то лучше уж ему оставаться здесь и не высовываться.

Нет, не лучше: вдали послышался приближающийся лай собак.

Времени было в обрез. На востоке разгорался рассвет, скоро станет совсем светло.

7

Лиссабон, аэропорт «Портела»

06:24

Самолет «Де Хавилланд» развернулся на взлетной полосе Лиссабонского международного аэропорта «Портела» и вырулил к маленькой бетонированной площадке перед терминалом, где его поджидали машины. За несколько минут парад черных автомобилей «ланция» пронесся через сонный, еще не проснувшийся город.

Из-за тонированного окна инспектор Фицвильям наблюдал, как ночь с неохотой покидает Лиссабон. Из водителя, который он внимательно изучил в самолете, он знал, что где-то там, во тьме, расположен старый город. Он позволил себе немного пофантазировать: вот они с Шэндон в отпуске, сидят в маленьком ресторанчике с видом на чарующую лиссабонскую гавань Тежу, на окружающих холмах спят дворцы. Как на картине.

К сожалению, в ближайшем будущем романтические поездки не предвидятся. Он оглянулся на кавалькаду, с помпой проезжавшую через Кампо-Гранде, полицейские с белыми поясами сдерживали несколько грузовиков, развозящих продукты на дом, да едущих домой священников, отслуживших ночную службу. Несколько минут — и они на шоссе IC19. Мимо со свистом пронеслись развязка «клеверный лист» и окрестности дворца Келуш. Даже розовый отблеск зари не скрашивал монотонности белых домов, сгрудившихся подобно коробкам на бесплодных утесах.

«До чего услужливый народ, просто тошно», — подумал инспектор. Лягушатники скорее умрут, чем пригласят с собой наблюдать арест. Доны и колбасники задушат бесконечным потоком бумаг. Жаль, что со всем этим дерьмовым ЕС не так легко сотрудничать, как с Португалией. И для полного счастья, по словам Карлоса, его здешнего партнера, никто не стал утруждать себя получением ордера. Вот толкаться задами в дверях, хватая чертова мистера Лэнгфорда Рейли, все вы, гады, любите.

Он откинулся на спинку сиденья. Приятно помечтать. Вот бы Карлос взял на себя подготовку всех документов

на экстрадицию, а он пока выбрал бы подарок для Шэн-дон и в тот же день забрал Рейли.

«Ты сегодня совсем размечтался», — сказал он самому себе.

Все будет нормально, только если дело не утекло в полицию Синтры, а она не успела вовремя предупредить кое-кого, у кого там сидит Рейли. Полиция Синтры, как он понимал, видела свою главную обязанность в защите интересов местных богатеев. Даже в ущерб властям.

8

Синтра

06:47

— Ты точно знаешь, что можешь это срезать и тебя не убьет электрическим током?

Вместо ответа снайпер показал на кусок оголенного провода и быстро зажал его внутри маленькой черной коробочки, напоминающей футляр для магнитофонной ленты.

— Теперь им ни за что не обнаружить поврежденную область. По крайней мере за два часа.

Парочка срезала кусок проволоки и теперь сидела верхом на очищенном отрезке стены, укрывшись за густыми ветвями деревьев. Недостающий стальной завиток валялся на земле со стороны улицы. Внизу под ними была маленькая калитка, почти незаметная за цветущими стеблями. Рядом с ними лежал якорь-«кошка», с помощью которого они закрепили веревку на вершине стены. Скрежета металла по камню охранники не слышали, потому что в тот момент их внимание привлек другой звук — стук гальки, брошенной на асфальт подъездной дорожки.

— А если он не вырвется из дома за два часа? — поинтересовался другой. — Придется с невозмутимым видом подойти к двери и попросить его позвать.

Снайпер совсем было собрался ответить, но вместо этого поднял палец и указал на двух охранников, чьи лица становились быстро видны при разгорающемся свете дня. Уныние и скуку, которую люди испытывают на подобном дежурстве, как рукой сняло. Они стояли, внимательно вглядываясь в съеживающиеся утренние тени.

Было ясно, что они внезапно из-за чего-то встревожились, один прижал телефон к уху. Если человек на стене и сомневался, что произошло нечто особенное, все сомнения рассеял донесшийся издалика собачий лай.

9

Синтра

6:48

Выбирать Лэнгу не приходилось. При самом благоприятном раскладе у него оставалось две-три минуты, пока собаки не возьмут след и не приведут к нему преследователей, а что еще вероятнее — пока сами не набросятся на него. Нравственные колебания — стрелять или не стрелять по охранникам — были опрокинуты и уничтожены страхом пойти на собачий корм. А чтобы охрана не успела открыть ответный огонь, ему надо поразить обоих одной очередью. Он сделал глубокий вдох, навел АК в грудь ближайшему тамплиеру, выдохнул и нажал на спуск.

Ничего.

Пальцы ощупали оружие, и все тело с головы до ног прошиб холодный озноб. Там, у дверей, он подхватил автомат одного из стражников, но не успел проверить магазин. Автомат был пуст и совершенно бесполезен.

Ну, может быть, не совершенно. В крайнем случае можно отбиваться прикладом, как дубиной. Выскочив из тени, он быстро бросился вдоль стены к воротам. Из-за спины неслись такие звуки, словно гончие самого ада шли по его следу. Нет — доberman Судного дня.

Лэнг припал к земле, готовясь последним рывком пересечь площадку метров пятнадцать шириной, как вдруг сзади послышался еще какой-то звук, кроме собачьего лая. Он обернулся, увидел какой-то темный предмет, почувствовал сильный и резкий удар по голове — и все померкло.

10

Синтра

06:49

Шесть автомобилей, взвизгнув тормозами, остановились у трехметровых железных ворот.

Прежде чем инспектор Фицвильям успел вылезти с заднего сиденья, два человека заколотили по металлу прикладами какого-то оружия, по виду американскими винтовками М16. Он видел, как Карлос что-то сказал через решетку рядом с воротами и железные створки начали медленно раскрываться.

11

Синтра

07:00

Лэнг очнулся после оглушительного удара, чувствуя себя так, словно в затылке торчит нож мясника, и осознал, что его, вздернув на ноги, куда-то волокут двое вооруженных людей.

Переговаривались взволнованные голоса. Его тащили обратно к зданию, напоминающему средневековый замок. Раздался рев моторов: он извернулся в руках своих захватчиков и кинул взгляд назад. По дороге скользили пять-шесть длинных черных автомобилей. Либо Лэнг присутствовал на торжественных похоронах мафиози из объединения городских сутенеров, либо пожаловал по-настоящему важный гость. Но голова раскалывалась, и соображать, кто это такой, не было сил.

А потом он увидел двух людей в форме цвета хаки — то ли военных, то ли полицейских, в Европе их иногда трудно различить. Даже сквозь боль, туманом окутывающую сознание, его словно ударило: каким-то невероятным образом до него добрались копы! На этот раз помощь пришла в Литтл-Биг-Хорн вовремя!*

Но радость избавления длилась недолго, и насладиться ею он не успел. Один из конвоиров прижал дуло к раскалывающейся голове. Молчаливое и абсолютно внятное предупреждение: если пленник издаст хоть звук, он станет для него последним. Ликование сменилось отчаянием. Здание впереди было настолько велико, что спрятать в нем Лэнга ничего не стоило. Копам никогда не найти его там.

— Лэнг! Сюда!

Он узнал этот голос, зовущий словно из-за стены. Неужели у него начались галлюцинации?

* В 1876 году в долине реки Литтл-Биг-Хорн индейцы разгромили белых.

Но если так, то, похоже, у охранников они тоже начались. Оба резко повернулись вправо и отвели дула автоматов от Лэнга. Он понял, что это — его единственный шанс, и рыбкой нырнул вперед. Охранники рванули обратно, навели оружие на цель. Лэнг смотрел в зияющие черные отверстия, наставленные прямо на него, и приготовился увидеть вспышку — последнюю в своей жизни.

И тут произошло нечто неожиданное: сперва один, а за ним и другой рухнули лицом вперед, словно их оглушили по голове невидимым молотком. В ту же секунду от стены до стены ударом бича щелкнули два выстрела.

Он хотел было подобрать автоматы, но тот же голос поторопил:

— Скорее, Лэнг, беги со всех ног!

Впереди с ограды свисала и маняще подпрыгивала веревка. Только впоследствии до него дошло, как четко он сработал. Обмотав веревку вокруг рук и отталкиваясь ногами от стены, он карабкался наверх быстрее, чем Тарзан, и даже не замечал боли в вывихнутом плече.

Мучительно осознавая, что является замечательной мишенью, выделяясь темным пятном на белой стене, он ожидал звука выстрелов в любое мгновение. И затем вздохнул с облегчением. Огня не было и не могло быть. Тамплиеры не осмелятся стрелять, если не хотят воевать со всей португальской полицией. Внизу раздалось рычание и что-то зацепило его за ногу, но он понадеялся, что эти собаки — невеликие прыгуны.

Кто-то тянул веревку, и вот уже Лэнг очутился на самом верху. Он совсем не удивился, увидев Герт. Прижавшись щекой к прикладу, она целилась из стандартного положения сидя. Он узнал ее не только по голосу, но и по меткой стрельбе. А вот Якоб рядом с нею его поразил.

— Куда тебе в твоем возрасте по стенкам лазить! — брякнул Лэнг.

— И вот его благодарность! — невозмутимо заметил старый еврей, перебрасывая веревку на другую сторону. — Ладно, выразишь всю глубину своей признательности позже, когда мы слезем отсюда. — Он наморщил нос. — А это с тобой?

Под ними бесновалась, лаяла, рычала бесформенная зубасто-мохнатая куча. Держа снайперскую винтовку одной рукой, другой Герт взялась за веревку.

— Вы можете тут сидеть вдвоем и хоть до ночи разговаривать. А я сматываюсь.

Она спустила ноги вниз и исчезла. За ней последовал Лэнг, на сей раз полностью прочувствовав, как в больное плечо впиваются иглы.

Троица остановилась среди деревьев за стеной, дожидаясь, пока Якоб не сдернет со стены крюк. Герт разобрала оружие и упаковала его в плоский чемодан.

— Мы что, никуда не торопимся? — удивился Лэнг. — Конечно, мне, ребята, неприятно заставлять вас бежать, но, черт возьми, разве не пора делать ноги!

Они переглянулись, и Якоб пожал плечами.

— Может, и пора, хотя я в этом сомневаюсь. Надеюсь, орлы из полиции и инспектор Фицвильям найдут, чем занять твоих недавних хозяев, хотя бы на некоторое время. Не знаю португальских законов, но, боюсь, сейчас кое-кому придется объяснять, откуда взялось такое количество нелегального оружия.

Лэнг, будучи американцем, совсем забыл, что в Европе очень сложно на законных основаниях владеть оружием.

— Кто такой Фицвильям? — поинтересовался он.

И пока они пересекали долину, Герт с Якобом, перебивая друг друга, рассказывали, как они следовали по пятам за Лэнгом в Лангедок, а потом — в Синтру. Так Лэнг впервые узнал, где он находится.

Сразу за открытой местностью начиналась еще одна стена, уже без колючей проволоки. Они перелезли через нее, прошли по соседней с тамплиерскими владениями усадьбе — примерно полкилометра.

К тому времени как троица добралась до «фиата-1200», припаркованного на улице выше по склону холма, во все стороны неслись пульсирующий вой сирен. Мимо, сияя огнями и завывая, пронеслись две полицейские машины.

Глава 2

1

Рим

Четыре дня спустя

ни вели автомобиль по очереди, делая остановки лишь для того, чтобы заправиться и перекусить, пока не вернулись в Рим. Там Герт привела их на маленькую конспиративную квартиру — на верхнем этаже дома по Виа Кампания. Из окна крошечной гостиной поверх стены древнего города им была видна зелень виллы Боргезе — крупнейшего римского парка.

Якоб устроился в гостиной, а Герт с Лэнгом заняли спальню. К счастью, пытка подействовала не навсегда.

Проснувшись на третий день, Лэнг сразу понял, что сегодня воскресенье. Не только потому, что молчали обычно оживленные улицы, но и потому, что из парка доносились детские пронзительные крики и смех.

Все трое довольно долго уступали друг другу дорогу, предоставляя честь приготовить праздничный завтрак на тесной, точно камбуз, кухонке. В конце концов, пожалев два несчастных носа, которые не выносили с утра пораньше запаха рыбы, а может, попросту не найдя в Риме копченой селедки, Якоб решил пожарить сосиски. Заменой сосискам гостеприимно послужила перченая сальсичча.

Лэнг с наслаждением смаковал вторую чашку кофе, Якоб закурил свою трубку, а Герт, как всегда, — «Мальборо».

— Господь с вами, ребята, — сказал Лэнг, тщетно разгоняя дым рукой, — зачем вы меня спасали, только для того, чтобы я заполучил рак легких?

Якоб ответил:

— Это доказывает, что мы не можем оставаться здесь навсегда. Вы не задумывались, что будем делать дальше?

Лэнг позабыл о дыме.

— Я собираюсь вывести на чистую воду этих скотов и рассказать об их секрете всему миру, — проговорил он с холодной яростью в голосе. — Как только их секрет будет раскрыт, они не смогут больше вымогать деньги. Им придет конец.

Якоб пососал конец своей трубки, заметил, что она погасла, и воткнул в чашечку спичку.

— И весь на удивление короткий остаток своей жизни ты проведешь, оглядываясь через плечо. Тайна всплывет наружу, и письмо больше не сможет защитить тебя.

— Эти сукины дети убили моих сестру и племянника, они хотели повесить на меня два убийства, которых я не совершал, — взвился Лэнг. — Ты предлагаешь расцеловать их и помириться?

Герт хотела что-то спросить, но Якоб перебил ее и заговорил, затягиваясь и ковыряя трубку спичкой.

— Я предлагаю вместо разоблачения придумать другую месть. Не ради тебя самого, а ради миллионов христиан. Я-то еврей и церковными вопросами никогда особенно не увлекался. Но христианство — стабилизирующая сила в мире. Если ты ее разрушишь...

Герт так внимательно слушала разговор, что даже не видела, как тает сигарета. Пепел незаметно свалился на потертый коврик.

— Разрушить христианство? Что за?..

Якоб с видом обвинителя ткнул трубкой в сторону Лэнга.

— Это он так говорит. Давай, расскажи ей.

— Да, расскажи!

Лэнг вздохнул.

— Якоб имеет в виду дневник одного тамплиера. Этот тамплиер познакомился с ересью гностиков...

— Кого? — переспросила Герт. Ее сигарета сгорела до самого фильтра, она вздрогнула, когда горячий пепел коснулся пальцев, и погасила окурок в треснувшей пепельнице.

— Гностики — это такая раннехристианская секта. Они верили, что Христос был смертным, создан Богом,

но не рожден им. Поэтому после распятия на небеса вознеслась его душа, но не тело.

В 325 году, приблизительно в то время, когда римский император Константин объявил христианство официальной религией империи, в Никее собрались епископы, чтобы обсудить ряд сложных и спорных вопросов. Перво-наперво им надо было выбрать жизнеописание Христа. Они отобрали четыре: Матфея, Марка, Луки и Иоанна. Возможно, потому, что во всех этих Евангелиях Христос воскресал весь, и тело тоже. С тех самых пор его бессмертие и торжество над смертью стали главными христианскими постулатами, так же как и исполнение еврейского пророчества о мессии. Гностиков и других христиан, кто не разделял официальной точки зрения, объявили еретиками, преследовали и уничтожали.

Но тамплиеры обнаружили, что гностики были правы: тело Иисуса не вознеслось на небеса. Его брат и жена бежали из Палестины, забрав его останки с собой.

— Именно они и находились в том «сосуде», о котором Пьетро прочел в писаниях гностиков, — вставил Якоб.

— Так или иначе, — сказал Лэнг, — еврейские обычаи того времени требовали, чтобы тело умершего не тревожили по крайней мере год. Потом кости помещали в урну, маленький каменный ящик, и предавали погребению. Было ли перевезено в Лангедок тело Иисуса или его сперва спрятали, а позже привезли только кости, этого мы никогда не узнаем.

— А почему не оставить тело там, где оно находилось после распятия? — требовательно спросила Герт.

Лэнг пожал плечами.

— Точно сказать не могу, но у меня есть несколько предположений. Первое: во всех еврейских пророчествах о мессии говорится о воскресении тела. Если осталось тело, значит, Христос не мессия и это отвлечет от него последователей. Второе тоже связано с последователями: если не семья, то ученики могли забрать его тело. Третье, Христа ведь казнили как обыкновенного преступника. Гробницы предназначались для состоятельных людей. Рано или поздно тело просто выбросили бы в общую могилу или похоронили в очень бедной могиле.

— Итак, тело или только кости были переправлены на юго-запад Франции? — спросила Герт, теребя в руке другую сигарету.

Лэнг кивнул.

— И тамплиеры точно знали это место. Представь себе, что случилось бы, если бы останки Христа были обнаружены. Это потрясло бы Церковь до основания. Тамплиерам пришла в голову неплохая мысль: они начали шантажировать Церковь, Папу Римского.

Герт затянулась, выпустила дым и посмотрела на Лэнга.

— Если ты говоришь о средних веках, то Папа Римский был наделен огромной властью. Ее хватило бы на что угодно: попросту уничтожить тело Господне, перепрятать его в такое место, где его никогда бы не нашли, или стереть с лица земли тамплиеров.

Лэнг задумался.

— Опять же, это только мои предположения, но я не думаю, что Папа был настолько могуществен. Каждый раз, чтобы вести войну, ему приходилось собирать армию наемников.

А тамплиеры практически представляли собой регулярную армию, у них была крепость рядом с гробницей — Бланшфор. Любая попытка отобрать останки — и тамплиеры предадут свой секрет огласке. И еще, мне кажется, не было такого папы римского, который решился бы осквернить могилу Христа, даже если не уничтожить ее, а просто перенести в другое место.

Якоб с Герт несколько секунд молчали, без сомнения пытаясь найти несостыковки в теории Лэнга.

Наконец Якоб спросил:

— Допустим, ты прав. Но тогда почему тамплиерам просто не забрать урну и не перезахоронить ее в тайном безопасном месте?

Лэнг уже задавался этим вопросом и, как ему казалось, нашел ответ.

— Чтобы по-прежнему владеть секретом гробницы. У них должен быть ключ, своего рода документ, что могила Христа находится именно здесь. Перенеси они ее в другое место, и могила утратит свою подлинность.

— Как картина, о существовании которой раньше никто не подозревал. Нашлась на чьем-то чердаке без опознавательных знаков, но с закорючкой, напоминающей подпись художника, — произнес Якоб, уныло разглядывая потухшую трубку. — Можно проверить краски, полотно, но сомнения всегда будут оставаться.

— А никаких сомнений тамплиеры не могли допустить. Герт налила себе кофе и вопросительно приподняла брови, взглянув на Якоба.

— Нет, благодарю, — ответил он. — В нем может ложка раствориться.

— Это эспрессо, ему положено быть крепким.

Якоб оттолкнул от себя чашку.

— Какой бы ни был, мои нервы больше не выдержат кофеина.

Он посмотрел на Лэнга.

— Ну что, больше никаких сомнений не осталось?

Конечно, он был прав. Разоблачение секрета «Пегаса» принесет Лэнгу огромное личное удовлетворение, но убьет колоссальную часть мирового населения. Он подумал о Фрэнсисе: это открытие способно разрушить его веру, весь смысл его жизни, как случилось с Пьетро. Он вспомнил о том, какой верующей была Дженет. Кто он такой, чтобы одним махом уничтожать плоды двухтысячелетнего труда?

Он принял решение.

— Герт, я бы сильно удивился, если бы «Пегас» не стал меня разыскивать. Какой нам прок здесь отсиживаться? Уж вам с Якобом точно никакого, если они установят, что вы причастны к моему освобождению. А по воскресениям магазины работают?

Она посмотрела на него с любопытством.

— Почти все.

— Ты можешь купить мне компьютер? Ноутбук — да любой, лишь бы с модемом.

Она нахмурилась.

— А что, деньги будут сниматься с моей кредитки, как за билеты на самолет?

Она не злилась за прошлое, просто намекнула, что все помнит.

— Ладно, ладно, ты же знаешь, я все тебе верну.

— Каким образом?

Он не понял вопроса.

— Что значит каким образом?

— Мне бы ужасно хотелось посмотреть на Атланту, посетить Тару*, те места, которые описаны в этой замечательной книге.

---

* Тара — имение Скарлетт О'Хара, героини «Унесенных ветром».

Лэнг не сразу понял, но потом до него дошло.

— А, ты имеешь в виду Атланту из «Унесенных ветром»? Вот не думал, что люди по-прежнему читают этот роман. По нынешним временам ему недостает политкорректности. Кстати, Тары не существует, это выдумка.

— Я никогда не бывала в Атланте и вообще на американском юге.

— В это время года там стоит жара, а по качеству воздуха город занимает в стране второе место с конца.

— Я не собираюсь жить на улице в палатке. А в домах наверняка кондиционеры.

— А ужасное уличное движение тебя не смущает?

— Я не буду водить машину.

— Приятно вас послушать! — усмехнулся Якоб.

— И все же мне очень хочется повидать город, — сказала Герт. — Просто ты не хочешь, чтобы я к тебе приезжала.

Это была правда, он не хотел. Гости — это замечательно, но сама мысль, что женщина будет разделять с ним его маленькую квартирку дольше, чем на одну ночь, вносила смятение в душу. Он сразу представлял себе баночки с кремами на раковине в ванной, кружевное белье в комоде и колготки, свисающие со шторы душевой кабины. Пару раз к нему в гости приходили женщины, а потом никак не желали уходить. С другой стороны, он обязан Герт жизнью: она помогла ему и снова готова была помочь. Лэнг не был неблагодарным человеком. Тем более обещание он давал потрясающе привлекательной женщине, а выполнить его можно было в неопределенном будущем.

— Заметано, — проговорил Лэнг. — А сейчас давай решим вопрос с компьютером.

— Я могу привезти его с работы, — ответила она.

— Нет, мне нужен совсем новый, чтобы в нем не хранилось никакой информации, кроме моего нового почтового адреса.

Он повернулся к Якобу.

— И еще мне нужен электронный адрес «Пегаса». Это корпорация, зарегистрированная на Нормандских островах, значит, у них должен быть свой адрес, а может, и веб-сайт для законного бизнеса.

2

Рим

Спустя два часа

Якоб легко нашел адрес — Pegasusltd@gb.com. Служба технической поддержки в магазине помогла загрузить на новый компьютер все нужные программы и завести почтовый ящик, так что теперь Лэнг мог пользоваться Интернетом.

Стоя за кухонным столом, Герт с Якобом внимательно следили через его плечо, как он медленно набирает сообщение, содержание которого обсуждали все троим:

Желаю встретиться и обсудить вопросы, интересующие обе стороны. Жду ответа, пока дело не предано огласке.

Рейли

Коротко и ясно. Прошел час. Лэнг уже в двадцатый раз скользил глазами по одной и той же странице пятничного номера «Геральд Триббюн» и не понимал ни слова. Якоб дремал, сидя у окна, а Герт слушала радиопрограмму на немецком языке, по ее словам — трансляцию футбольного матча. Хотя, по мнению Лэнга, это могли быть «Лучшие из речей Адольфа Гитлера». Публика реагировала примерно с тем же пылом.

«Геральд Триббюн» — последнее издание, где до сих пор публикуют комикс «Кальвин и Хоббс». Но впервые картинки совсем не позабавили Лэнга. Он был занят: пытался представить себе, как место отправки электронного письма можно обнаружить по телефонной линии.

Когда час был на исходе, компьютер издал звук, похожий на удар гонга, и на экране появился конверт, означавший, что пришло сообщение.

Время, место, условия.

Все и все, что было написано — предельно сжато. Лэнг посоветовался с Герт и Якобом. Ответный текст гласил:

Базилика Святого Климента. Латерано. Рим. Триклиний храма Митры. 15:30. Вторник. Только один человек.

Герт предложила назначить срок через 48 часов. За это время Лэнг, отправив письмо, мог добраться до Рима откуда угодно. Место встречи была идея Якоба. Базилика Святого Климента — типичная римская постройка. Типичная в том смысле, что здесь перемешаны разные эпохи. С улицы — простой фасад восемнадцатого века, у основания холма Эсквилина сохранились следы церкви, построенной в двенадцатом веке. Под резным алтарем и мозаикой, изображающей утопление святого Климента, находятся руины христианского культового сооружения четвертого века. А еще глубже — развалины первого века, храм бога Митры, чей культ был занесен из Персии и прижился среди римских легионеров.

Лэнг вспомнил, что за этим местом с семнадцатого присматривали монахи из ордена ирландских доминиканцев, причем все это время постоянно вели здесь раскопки. Надо полагать, искали виски, да так и не нашли.

Преимущества у храма бога Митры было несколько. Во-первых, о нем знало совсем немного туристов, если вообще кто-то знал. Во-вторых, здесь были настолько узкие проходы, что в них умещался только один человек. И, наконец, церковь находилась у подножия крутого холма, где Якоб мог затаиться и наблюдать и в случае ловушки предупредить Лэнга по телефону. В то же время Герт со снайперской винтовкой могла держать под прицелом единственный выход.

3

Рим, район Латерано
Вторник, 15:30

Церкви в Риме закрывались вскоре после полудня и открывались снова через три с половиной часа. Якоб и Герт с десяти утра заняли место для наблюдения на втором этаже обувного магазина, предложив деньги продавцу, не задававшему лишних вопросов. В 15:30 с пунктуальностью, не характерной для римлян, монах в коричневом одеянии отворил двери церкви.

Лэнг проследовал за братом внутрь, чувствуя, как под пиджаком острыми краями впивается в спину бескурковый револьвер 38 калибра, заткнутый за ремень.

Монах исчез, и Лэнг остался один. Приблизившись к алтарю, он обратил внимание, как подробно изображены животные и листва на мозаике в апсиде. Справа находилась открытая дверь и лестница.

Темноту, в которую окунулся Лэнг, нарушал только слабый свет ламп, свисавших с потолка через каждые пять-шесть метров. Где-то внизу слышался шум воды, напоминая, что Рим расположен на водоносных слоях, столь многочисленных, что почти все городские фонтаны извергают воду, пригодную для питья. Прямоугольный лестничный проход был прорублен в скале и достаточно широк для того, чтобы сумели разойтись два человека. Тусклые огни окрашивали каменные стены в красноватый оттенок. С остатков фресок, большая часть которых погибла от времени, пренебрежения и сырости с укором глядели скорбные лица — целые и нет.

На уровне, где находилось святилище четвертого века, потолок опускался ровно на такую высоту, чтобы не объявлять о своем присутствии всем зазевавшимся. На минуту Лэнг застыл, прислушиваясь к шуму воды. Человек, который говорит, что тишина — это отсутствие звуков, никогда не стоял в темном подземельи, дожидаясь, не слышатся ли шаги его возможного убийцы.

На следующий уровень, пролегающий метров на пятнадцать ниже современной улицы, вела извилистая металлическая лестница. Руины, оставшиеся от храма Митры, были освещено даже более скудно, чем предыдущий этаж. Разрушенные стены разделяло такое узкое пространство, что камень буквально сдавливал с обеих сторон. К сводчатому потолку вздымался стальной каркас лесов. Лэнг не знал, зачем — чтобы вести раскопки или чтобы античный кирпич не сваливался на голову.

Местечко не для страдающих клаустрофобией.

Сквозь редкую решетку в стене было видно, как в темноте, негодуя на свое затворничество, с сердитым ревом мчится вода, черная, словно нефть. На каждом шагу лежали груды кирпича и каменной кладки, значит, археологические работы по-прежнему велись. Однако вокруг не было ни души. Здесь, под вековыми руинами, Лэнг содрогнулся от ощущения собственного страшного одиночества.

Наконец узкая дорожка вывела к центральному помещению. По периметру комнату окружала одна длинная

скамья, вырезанная из толщи каменных стен. В центре возвышалась белая мраморная глыба. Тусклый свет лампочек вырисовывал тенями энергичные фигуры барельефа — бог Митра, убивающий быка.

Здесь он и находился — триклиний, зал для ритуальных пиров. Лэнг посмотрел на часы. Три часа тридцать семь минут. Присев на одну из скамеек, он стал ждать. Никого. Компанию ему составляли только яростный шум воды и духи пирующих римлян, умерших две тысячи лет назад.

Шнуры лампочек не раскачивал даже легкий ветерок. Казалось, темнота подкрадывается из-за угла, рисуя на стенах причудливые силуэты чудовищ. Острые края револьвера, прижатого к телу ремнем, больше не мешали, напротив, успокаивали и вселяли уверенность.

Он уже опять готов был посмотреть на циферблат, как вдруг до его слуха донесся еще какой-то звук, помимо шума воды. Было слышно, как кто-то переступает по каменному полу.

Достав револьвер и держа его в руке, Лэнг отошел в дальний конец зала — так, чтобы мраморный алтарь оказался между ним и приближающимся человеком. Хотя темнота скрывала лицо вошедшего, когда тамплиер встал на пороге, Лэнг узнал великолепные седые волосы.

— Выходите, мистер Рейли. Нет нужды прятаться. Если бы я хотел причинить вам вред, вы бы не опустились ниже первого уровня.

Вцепившись в оружие обеими руками и наставив его на седовласого, Лэнг вышел навстречу.

— Знаете, я немного страдаю паранойей. По-моему, это не вам прижигали яйца. Поэтому потрудитесь держать руки так, чтобы мне их было видно, идите вперед и положите обе ладони на алтарь.

Тамплиер сделал, как было велено. Быстрый обыск показал, что оружия нет.

— А теперь, удостоверившись, что я не представляю опасности, может, вы скажете мне, зачем хотели встретиться? — спросил седовласый.

Лэнг подошел к скамейке и сел, глядя на выход за спиной тамплиера.

— Если кто-то входит в дверь, вы остаетесь в истории. Седовласый глубоко вздохнул.

— Еще раз повторяю, мистер Рейли. Если бы мы хотели вас убить, вас бы тут не было. Можете вы оставить свои угрозы и поговорить о деле, из-за которого назначили встречу? Полагаю, вам от нас что-то понадобилось, иначе вы бы на нас не вышли.

Их глаза встретились, седовласый очень медленно сунул руку в карман пиджака, достал серебряный портсигар и вынул сигарету. На секунду опустил взгляд — только для того, чтобы прикурить ее.

— Вы правы, — сказал Лэнг. — Вы шантажировали Церковь более семисот лет. А теперь настала ваша очередь немного раскошелиться. Иначе за последствия я не отвечаю.

Тамплиер не выказал удивления. Лэнг был уверен, что он ожидал такого поворота событий.

— Сколько?

Лэнг задумался. Сумма должна была быть достаточно большой, но не настолько, чтобы тамплиеры убили его, наплевав на письмо.

— Полмиллиарда в год — взнос в фонд имени Дженет и Джеффри Холтов.

Седовласый поднял седые брови, удивившись или ловко разыгрывая удивление.

— Никогда не слышал о таком.

Лэнг чихнул. Холод камня, на котором они сидели, пронизывал тело. Он встал, не спуская глаз с выхода.

— Его пока нет. Дженет Холт была моей сестрой, и она погибла вместе со своим сыном, когда вы взорвали дом в Париже.

Тамплиер медленно кивнул.

— Вы собираетесь использовать фонд, чтобы переводить деньги...

— Нет! Это будет настоящий фонд.

С тех пор как Якоб убедил его, что, разоблачив тайну тамплиеров, он принесет гораздо больше вреда, чем пользы, Лэнг долго обдумывал этот вопрос. Сперва он решил потребовать денег, виллы, яхты, реактивный самолет — и чтобы все это принадлежало ему. Но правда, простая и безобразная, заключалась в том, что, приезжая отдыхать на эти виллы, он будет получать от них чуть больше удовольствия, чем от морской болезни. А на самолетах он летать боялся, причем чем меньше самолет, тем сильнее был страх — в обратной пропорциональности.

Он ездил на автомобиле, который сам выбрал, жил именно там, где хотел, и уже накопил неприлично большое состояние, занимаясь любимым делом. Ему не хватало только Дон, но даже тамплиеры были не в силах вернуть ее обратно.

Кроме того, подобные доходы Лэнгу не удалось бы удержать в секрете. Требовалось совсем немного воображения, чтобы представить себе возникшую точно по волшебству орду просителей, пристающих к нему с проектами, сомнительными ценными бумагами, еще более сомнительными благотворительными учреждениями и рекламными товарами. И еще он представлял себе Внутреннюю налоговую службу США, пускающую слюни от желания положить львиную долю этих денег в бездонный правительственный карман. Благотворительный фонд одновременно увековечит имя Дженет и Джефа и позволит Лэнгу перевести колоссальные средства на дела, которые понравились бы Дженет и Джефу. Может быть, на помощь детям в бедствующих странах — таким же, как Джеф.

Седовласый холодно улыбнулся.

— Настоящий филантроп, просто как ваш Тед Тернер*.

— Даже лучше. Я не был женат на Джейн Фонда.

Лэнг обратил внимание, что собеседник не вопит насчет цены — верный признак, что запросить можно было и побольше.

— Да, еще одно...

— Вот так всегда, — произнес тамплиер голосом, полным сарказма.

— По вашей милости меня обвинили в двух убийствах: в Атланте и в Лондоне. Так вот, я хочу прочитать в лондонской «Таймс» и в «Атланта Джоурнал», что настоящие убийцы найдены и арестованы.

Седовласый осмотрелся вокруг, ища место, куда выбросить сигарету. В конце концов он затушил ее о каменный пол.

— Это может оказаться не простым делом.

— А я и не обещал, что будет легко. Раз у вас есть люди, готовые выпрыгивать из окон, думаю, найдутся и те, кто исправит мое положение.

---

* Тед Тернер — основатель CNN, телекомпании, чья штаб-квартира находится в Атланте, был женат на Джейн Фонда.

Седовласый кивнул Лэнгу в знак согласия.

— Но взамен за это все мы должны знать, кто получил ваше письмо?

Лэнг покачал головой.

— Нет, приятель, я не вчера родился. Место, где находится письмо, останется со мной. Я слишком дорого заплатил за это. Кроме того, вы прекрасно знаете, что я сохраню секрет. Он даст мне возможность ежегодно получать кругленькую сумму и тратить ее на благотворительность.

— Мы все смертны, мистер Рейли. Что будет после нас?

— Если фонд переживет меня, переживет и ваш секрет, я приму меры, чтобы ежегодные поступления не прекращались.

Тамплиер смотрел на Лэнга какое-то мгновение, словно на что-то решааясь.

— За полмиллиарда долларов в год, мистер Рейли, я все же считаю, что имею право услышать, как вы нашли могилу. Большую часть мы знаем. Но остальное... Мне будет крайне неприятно платить еще большие деньги, если кто-то кроме вас...

— Вполне справедливо, — ответил Лэнг. — Вам известно о предсмертных записках тамплиера. Из них следовало, что тайное место в любом случае находится на юге Франции. Точно я его вычислил благодаря картине Пуссена, вернее копии с нее. На ней была сделана бессмысленная надпись: *ETINARCADIAEGOSUM*. Одно слово лишнее. Я догадался, что это может быть головоломка, анаграмма, поэтому попробовал разбить ее на буквы. Вот что получилось...

Вынув из кармана карту города, Лэнг написал на полях:

Et in Arcadia Ego (Sum)

Arcam Dei Iesu Tango.

Arcam, могила — это объект высказывания.

Dei, Господь.

Iesu, Иисус, притяжательная форма.

Tango, прикасаюсь.

«К могиле Господа Иисуса прикасаюсь». И я прикоснулся. Пока картина Пуссена существует, любой может разгадать эту загадку.

— С тех пор как вы по нашей оплошности раскрыли секрет, все копии картины были уничтожены. Оригинал висит в Лувре.

— Ладно, — ответил Лэнг, — раз уж настало время вопросов и ответов, я задам еще один вопрос. Как вы, тамплиеры, узнали о местонахождении могилы в самый первый раз?

Седовласый вынул следующую сигарету.

— Ну что ж... Когда мы заняли Иерусалим, один из наших братьев случайно обнаружил текст на древнееврейском языке, арамейском, как его сегодня называют. Он был написан на пергаменте. Это была петиция, в которой Иосиф Аримафейский и Мария Магдалина просили Пилата, чтобы им позволили уехать, перебраться в отдаленную часть Римской империи и забрать с собой тело Иисуса. Под этим текстом стояло разрешение на латинском языке.

Наши давно ушедшие братья узнали места и реки, о которых говорилось в документе, и нашли могилу, что привело Церковь в сильное замешательство, так как предполагалось, что тело Христа вознеслось на небеса. Ватикан счел мудрым решением... ммм... заплатить нам за охрану и защиту этой тайны.

— Почему Ватикан просто не уничтожил могилу? — Лэнгу казалось, что тогда, на кухне, в разговоре с Герт и Якобом, он угадал причину, но ему хотелось знать наверняка.

Пожилой человек разглядывал кончик своей сигареты — тонкой и длинной, Лэнг никогда такой не видел. Наверняка сделана специально для него на заказ. Тамплиер глубоко затянулся прежде, чем ответить.

— И совершить последнее святотатство, осквернив могилу Христа? Уж скорее понтифик выкопал бы останки святого Петра и бросил их в Тибр. Плохо было уже то, что тело нашего спасителя не вознеслось. К тому же Папа Римский видел только часть из тех документов, которые мы нашли. Свиток, где описывалось, куда Иосиф и Мария действительно уехали, мы оставили себе.

Какая странная и жуткая беседа. Они сидели посреди развалин древнего храма и разговаривали, точно два бейсбольных фаната, обсуждающих матч с человеком, который по крайней мере косвенно был причастен к гибели родных Лэнга, — с первым в его жизни человеком, которого он по-настоящему хотел убить. Но он знал, что не делает этого.

— Для такой важной тайны вы оставили на виду слишком много зацепок. Картина Пуссена, еще крест и статуя на дороге.

— Крест и статуя появились сравнительно недавно, но это зацепка только для тех, кто знает, что искать, — для тамплиеров, а теперь и для вас. Нам надо передвинуть один указатель. Или оба.

Седовласый подтянулся, крепко уперся руками в колени и, казалось, ожидал новых вопросов. Этот сукин сын отвечал с удовольствием, бахвалился умом и талантами своего ордена. Лэнгу не просто хотелось убить его — он был готов задушить подонка голыми руками, чтобы своими глазами увидеть, как жизнь покидает это заносчивое лицо.

Но внутренний голос велел Лэнгу держать себя в руках.

— Должно быть, у вас огромная организация, раз вы способны отследить путь картины от Лондона до Парижа и от Парижа до Атланты.

Седовласый выпустил изо рта дым, красноватый при свете лампочек. Создавалось впечатление, что он выдыхает кровь. Будь здесь Стивен Кинг, оценил бы.

— Нет, не огромная, но работают они превосходно и очень эффективно. А иначе как сохранишь тайну на протяжении долгих веков.

От скромности эти люди не страдали, что заметил еще Пьетро семьсот лет тому назад.

— Как мафия, — сказал Лэнг.

Тамплиер поджал губы и презрительно фыркнул, совершенно не заметив издевки в голосе Лэнга.

— Будет вам, мистер Рейли, мафия давно не секрет, вот уже сорок лет о ней все знают. И большинство ее членов сидят в тюрьме или вот-вот сядут. Нет, мистер Рейли. Мы работаем гораздо эффективнее. Наши братья есть во всех западных странах, среди влиятельных членов общества. Двое — главы государств, выдающиеся политики. Образование, коммерция, наука. Куда не посмотрите, у нас везде свои люди. У нас достаточно средств, чтобы купить на корню половину государств мира. На нас работают целые крупные корпорации. Мы контролируем всю политику Запада, устраиваем конфликты, в том числе военные, когда нам это выгодно, а когда не выгодно, сохраняем мир.

У Лэнга забрезжила утешительная мысль. Возможно, этот человек душевнобольной, у него мания величия или он сидит на стероидах. А что, если не сумасшедший? Ведь если половина из того, что он сказал, правда, то все теории о мировом заговоре — законченный оптимизм.

Лэнг уже не замечал, до какой степени замерз. Он встал, разминая затекшие ноги.

— Как только я увижу статьи в газетах, я вышлю по электронной почте инструкции по поводу денег. Куда их пересылать. Ах, да, если кому-то из ваших людей в газетах вздумается вместо настоящих материалов о поимке убийц напечатать фальшивые, история тамплиеров станет сенсацией века, а возможно, даже тысячелетия.

Седовласый тоже встал, снова затушил сигарету о подметку очень дорогого итальянского ботинка.

— Могу я прислать вам газеты?

— Посмотрим. Если не прочту о себе в следующем месяце, буду считать, что сделка расторгнута.

Седовласый покачал головой, поцокав языком.

— Вы даже не даете отсрочки, ведь все не так просто.

— Ваши люди тоже не дали отсрочки моей сестре и племяннику.

— Просто так сложились обстоятельства, мистер Рейли, закон выживаемости. Ничего личного, — он добродушно улыбнулся, словно оправдываясь за легкий пропуск.

Сукин сын именно так ко всему и относился. Животная ненависть раскалилась настолько, что еще немного, и влага вокруг начала бы испаряться. Лэнг сдержал желание вцепиться ему в глотку прямо сейчас.

— Что ж, отлично сказано! — он посторонился и направился к выходу.

— Да, — откликнулся тамплиер, — мне тоже понравилась наша беседа.

Лэнг фыркнул. Вампиров узнают, когда они не отражаются в зеркале, а тамплиеров — когда они не чувствуют язвительности в свой адрес.

Лэнг уже вышел из зала, но на минуту вернулся, подавшись любопытству.

— Еще один последний вопрос.

Седовласый кивнул.

— Конечно, пожалуйста.

— Вы же все мужики. Как же вы?..

Даже в темноте Лэнг увидел, как пожилой человек улыбнулся.

— Как мы обеспечиваем продолжение нашего ордена без произведения потомства? Так же, как и другие святыя ордена — доминиканцы, францисканцы: присоединяем новых людей. Разница в том, что мы разыскиваем по всему миру и набираем самых способных. — Он издал сухой смешок. — И запомните: безбрачие в Церкви четырнадцатого века являлось скорее формой, нежели обязанностью. Даже папы имели любовниц и детей. Мы... ну, полагаю, я более чем ответил на ваш вопрос.

Была еще тысяча вопросов, но Лэнг не собирался доставлять ему удовольствие от сознания того, что он интересен.

Когда Лэнг покинул базилику Святого Климента, по улице начали вытягиваться тени. После сумеречного подземелья даже деликатный свет предвечернего солнца заставил его на мгновение зажмуриться. Посмотрев на часы, он удивился, что прошло всего полчаса.

Лэнг чувствовал себя так, будто только что вышел из могилы.

Глава 3

1

Озеро Лаго-Маджоре Неделю спустя

ара принялась ворчать, когда Лэнг отказался рассказывать ей, откуда он звонит. У него не было твердой уверенности, что эта линия не прослушивается. Она согласилась послать Якобу газету, когда появится статья с реабилитацией Лэнга. В свою очередь Якоб, когда выйдут обе статьи, должен был прислать по электронной почте кодовое слово.

И вот кодовое слово пришло. Газеты писали, что оба убийства были совершены с целью ограбления. Преступник желал украсть бесценное полотно Никола Пуссена — французского художника, под чьи работы в Лувре отведен целый зал. Поскольку Лэнг являлся владельцем картины, он попал под подозрение и находился в розыске до тех пор, пока реальный преступник не был опознан в Лондоне. Во время преследования убийца ехал на очень высокой скорости и попал в аварию, последовал взрыв такой необычайной силы, что автомобиль сгорел дотла, даже оказалось невозможно различить человеческие останки. Ни словом не упоминалось, что убийство продавца антиквариата было совершено после преступления в Атланте. Также непонятно было, что портье делал с этим сокровищем.

«Может быть, бессмысленное постоянство и признак скудости ума, да только газетам этого в вину никак не поставишь», — подумал Лэнг с горькой усмешкой. Хотя, с другой стороны, могут же их передовицы расхваливать на все лады какого-нибудь кандидата, чтобы спустя год содрать с него кожу.

Они с Герт проводили время на берегах озера Лаго-Маджоре среди кучки летних домиков, рядом с запра-вочной станцией. Все это называлось «Ранко» и вряд ли являлось городком, скорее деревней. В единственной гостинице было всего лишь пять номеров. А вот стульев в столовой целых тридцать, и все они бывали по вечерам заняты. Лэнг прибавлял, наверное, по полкило в день.

Они занимались любовью каждое утро, а после лежали изможденные, не желая вставать, и наблюдали за восходом солнца, лучи которого окрашивали снежные вершины швейцарских Альп в кроваво-красный цвет. Горы отражались в бездонных водах озера, пока эту картину не разгонял утренний паром.

Все дни напролет они гуляли, как юные любовники, прохаживаясь вдоль берега и восхищаясь красотой домов.

После великолепного ужина парочка сидела на веранде и наблюдала за звездами, пока туман с озера не вздымался, точно прозрачные пальцы, чтобы погасить небесные огни. Только один из них вставал, другой бросался к кровати. Они срывали друг с друга одежду и опять занимались любовью, а потом, уставшие и обессиленные, засыпали.

Кто же захочет, чтобы такой жизни пришел конец?

Лишь по дороге в миланский аэропорт Лэнг осознал, что впервые за долгие годы образа Дон не было в его мыслях. Это открытие заставило его почувствовать себя виноватым. Но ненадолго.

2

Атланта

Две недели спустя

Герт влюбилась в Атланту. Она, раскрыв рот, смотрела на огромные дома на Уэст-Пэйсез-Ферри, поражаясь, что такая резиденция может принадлежать одному человеку. Ей нравилось разнообразие ресторанов в Бакхеде. Бесконечные аллеи, площадь Ленокс, Фиппс-Плаза доставляли ей блаженство, огромные торговые центры и супермаркеты просто покорили ее. Огромный выбор и приводил ее в восторг, и смущал одновременно. В свой первый поход вместе с Лэнгом она так и не сумела ничего выбрать, потому что каждый раз выбирать приходилось, как минимум, из трех вариантов.

Она сходила на бейсбольный матч «Храбрецов из Атланты». Однако ее внимание поглотила не столько игра, сколько пиво и хот-доги. Об американской национальной забаве у нее сложилось впечатление, как о огромном и жарком выездном Октоберфесте*.

И в Группса она тоже влюбилась, на что он ответил ей взаимностью. Вернувшись из-под опеки Сары, пес не так уж сильно успел соскучиться по Лэнгу, но к Герт он бросался, извиваясь всем телом от восторга, когда бы она ни возвращалась со своих экскурсий. Лэнг при этом задумывался, что, если бы немцы хоть немного любили других людей так же, как собак, минувший век прошел бы куда более гладко.

В действительности привязанность собаки стала источником постоянных шуток между Герт и Лэнгом. Каждый раз, когда он обнимал Герт, Группс хватал Лэнга за ботинок, носок или штанину, рычал и пытался оттащить хозяина в сторону.

Первый ощутимый удар по его вере в непогрешимость собственного образа жизни нанес Фрэнсис. Это началось, когда священник пришел к ним на обед, — на гамбургеры, приготовленные на гриле на балконе, и холодное пиво.

После того как Герт с Лэнгом угостили Фрэнсиса несколько сжатой версией своих европейских походов, Фрэнсис и Герт принялись обсуждать средневековую Церковь, с нее перекинулись на индульгенции и Мартина Лютера. Лэнг оставил их и отправился спать, когда они добрались до 1560 года.

По настоянию Фрэнсиса Герт пригласили в «Таверну Мануэля». Все протесты Лэнга о том, что у них исторически сложилось ужинать в чисто мужской компании, священник решительно отмел и указал с поистине иезуитской логикой, что так сложилось только по вине Лэнга. Лэнг был поражен, услышав из уст Герт шутку вперемежку с хромой латинской фразой. А он и понятия не имел, что она знает хотя бы слово.

Лишь несколько месяцев спустя он обнаружил тоненькую книжку современных анекдотов, переведенных на латинский язык — «*Amo, Amas, Amat*: выучи латынь и порази своих друзей». Через сколько же злоключений она прошла, чтобы только угодить ему!

---

* Октоберфест — праздник пива в Германии.

Не валялось никаких масок для лица в ванной комнате и никаких женских шелковых колготок в шкафу. Хотя, выходя на улицу, она всегда была отлично одета, он не обнаруживал после нее беспорядка. В конце концов он начал удивляться, где же она хранит свои вещи, и пришел к выводу, что годы, проведенные в европейской тесной квартирке, приучили ее экономить пространство.

Когда Лэнг был на работе, она составляла список дел, которые нужно сделать после обеда: пройтись по магазинам, прогуляться по паркам или просто по улице в компании Группса.

Лэнг начал осторожно посматривать на календарь, отмечая, как быстро приближается дата ее отъезда. Не желая признаваться самому себе, он тем не менее с ужасом ждал этого дня.

3

Атланта Неделю спустя

В Атланте стоял один из тех жарких летних вечеров, когда уже не помнишь, что температура приближается к тридцати шести градусам, а легчайшее движение воздуха кажется свежим морским бризом. Герт и Лэнг прогуливались вместе с Группсом по Персиковой улице, часто останавливаясь, чтобы дать собаке возможность обнюхать каждую метку, оставленную его предшественниками, и самому поднять лапу.

На следующий день Герт уезжала. Лэнг больше ни о чем не мог думать.

— Лэнг, — сказала она разомлевшим голосом, — ты уже как-нибудь назвал свой фонд?

— Пока еще нет. Я буду направлять средства в Центральную Америку, в школы и детские больницы, для таких же детишек, как Джеф. Надо нанять персонал, только чтобы они принимали просителей. Если я буду всем вокруг раздавать интервью, придется распрощаться с адвокатской практикой.

Герт остановилась, чтобы Группс мог спокойно исследовать особенно интересное место.

— Не понимаю: если деньги текут из Церкви через тамплиеров к тебе, то отчего бы просто не вернуть их Церкви?

Лэнг по опыту знал, что она давно все это обдумала. Она редко задавала вопросы просто так.

— На то есть две причины. Во-первых, если деньги пойдут назад в Церковь, тамплиеры быстро это обнаружат и начнется вымогательство, если уже не началось. Во-вторых, у нас с Церковью разные приоритеты. Я все же хочу отправлять деньги в бедные страны, помогать больным детям, бороться за то, чтобы не было СПИДа, а Церковь потратит деньги на свои нужды.

— Значит, Католическая церковь, так и будет продолжать отчислять деньги этим людям?

Группс неожиданно рванул вперед, чуть не выдернув из рук Герт поводок.

Лэнг потянулся, обхватив Герт, и удержал собаку.

— Не так быстро, парень. Да. Я не богослов, но, возможно, Церковь допустила когда-то ошибку, которую не захотела признать.

Она взяла поводок обратно.

— Прикоснуться к могиле сына Божиего... вот это было путешествие. Приход...

Было что-то трогательное в том, как Герт иногда не справляется с американскими идиомами и как она надула губы, испугавшись, что сказала что-то неправильное.

— Я не думал об этом. Я... — Он обнял ее. — Выбрось из головы все эти могилы, тамплиеров. Герт, я не хочу, чтобы ты уезжала.

Она уткнулась головой ему в плечо. Какая-то пара, проходя мимо, улыбнулась.

— Что ты такое говоришь, а? Я практически вынудила тебя пригласить меня в гости. Я никогда не смогу заменить Дон.

— Никто не сможет. Но не надо заменять ее, ты... это ты — и это отлично.

— Тогда дай я угадаю. Я останусь до тех пор, пока тебе не надою.

— А значит, мадам, навсегда.

Он поцеловал ее, совсем позабыв об автомобильных гудках и добродушных шутках проезжавших водителей.

Послышался визг тормозов и тяжелый удар.

Герт поняла, что выпустила поводок.

— Группс! Mein Gott!

— Черт!

Каждый подумал, что поводок в руке у другого.

На обочине растянулся черный мохнатый ком. Из «вольво» вылезла женщина, потрясенная и бледная.

— Я не видела его, пока он не выскочил прямо передо мной.

Лэнг и Герт, не обращая на нее внимания, бросились к еще вздрагивающему животному. Кровь перепачкала блузку Герт, когда она обняла собаку и осторожно прижала ее к себе.

— *Liebchen, Liebchen*, — всхлипывала она. — *Es tut mir so leid**.

Группс лизнул ей лицо, потом глаза у него закатились и голова повисла.

Лэнг никогда не видел Герт плачущей. Он знал, что она может хладнокровно выстрелить и убить, но не знал, что способна так горевать. Он взял у нее тело собаки, удивившись, как быстро оно похолодело. Пес не дышал, сердце его не билось. Опустившись на колени, Лэнг бережно положил Группса на землю и обнял не находившую себе места Герт, пытаясь найти слова утешения.

Рядом собралась небольшая толпа бегунов, байкеров и просто прохожих, всех их привело сюда нездоровое любопытство. Люди осторожно переговаривались тихими голосами.

Позднее Лэнг не смог вспомнить, что возникло вначале: удивленный шепот или ощущение, что его тянут за брючину. Он посмотрел вниз, и на мгновение ему показалось, что он повредился в рассудке. Группс, игриво рыча, тянул его за брюки, ухватившись зубами. Там, где несколько секунд назад лежала собака, лужа крови исчезла, словно утренняя роса.

Ни Герт, ни Лэнг не разговаривали, когда шли обратно, Группс то и дело останавливался и зарывался мордой в траву. Лэнг думал о горном склоне во Франции, о необъяснимом тепле, исходившем от каменного ящика, существование которого большая часть христиан никогда не признает.

Может быть... Он покачал головой, отбрасывая эту мысль, как невозможное.

То, что он чувствовал к Герт, уже было настоящим чудом.

---

* Милый, милый какое несчастье (нем.).

Грэг Лумис

ТАЙНА «АРКАДСКИХ ПАСТУХОВ»

Выпускающий редактор *Н.П. Бахолдина*
Литературный редактор *С.Ю. Мазур*
Корректоры *Т.А. Костина, Л.В. Ким*
Технический редактор *С.В. Камышова*
Дизайн обложки *И.С. Белова*
Компьютерная верстка
ООО ТД «Издательство Мир книги»

ООО «Торговый дом «Издательство Мир книги»
111024, Москва, ул. 2-я Кабельная, д. 2, стр. 6.

Отдел реализации:
тел. (495) 974-29-76, 974-29-75;
факс (495) 742-85-79
e-mail: commerce@mirknigi.ru

Подписано в печать 23.07.2007.
Формат издания 84 x 108/32. Печ. л. 9,5. Усл. печ. л. 15,96.
Печать офсетная. Гарнитура «BalticaС».
Тираж 45 000 экз. Заказ № 0717020.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

